

Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»
Коми отделение Академии военно-исторических наук
Отделение Российского исторического общества в Республике Коми

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

**Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук**

Выпуск 15

Сыктывкар, 2022

УДК 94:355(470.1/2)

ББК 68.49(21)

В74 ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА /
отв. редактор серии И.Л. Жеребцов; науч. редактор выпуска С.А. Гладких. – Сыктывкар, 2022. – 152 с. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 15).
ISBN 978-5-89606-643-9

В очередной сборник трудов включены статьи и документы, посвященные различным вопросам военной истории Российского Севера.

Редакционная коллегия:

д.и.н. И.Л. Жеребцов (председатель), к.и.н. И.О. Васкул (зам. председателя),
к.и.н. Д.В. Милохин (отв. секретарь), к.и.н. С.А. Гладких, к.и.н. П.П. Котов,
к.и.н. С.А. Попов, к.и.н. М.В. Таскаев

Ответственный редактор серии:

д.и.н. И.Л. Жеребцов

Научный редактор выпуска:

к.и.н. С.А. Гладких

Рецензенты:

заместитель директора по научной работе Южного НЦ РАН
д.и.н. Е.Ф. Кринко,
заведующий кафедрой Сыктывкарского государственного университета
д.и.н. О.В. Золотарев,
старший научный сотрудник ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
к.и.н. М.В. Хайдуров

ISBN 978-5-89606-643-9

© Авторский коллектив, 2022

© Коми отделение АВИН, 2022

© ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022

Д.А. Пшеницын*

**РЕКРУТСКИЙ НАБОР БОРБОЛИНСКОЙ ВОЛОСТИ
НИКОЛЬСКОГО УЕЗДА 1849 г.
(по материалам Великоустюгского центрального архива)**

***Аннотация:** Статья представляет практику проведения одного из рекрутских наборов на примере отдельной волости Русского Севера.*

***Ключевые слова:** рекрутский набор, жеребьевые списки, Борболинская волость*

Жеребьевые списки рекрутов – ценнейший источник по истории воинского учёта населения на протяжении двухсотлетней истории рекрутских наборов в России. В этих списках содержатся подробные и порой уникальные сведения о личности рекрута. Подобная характеристика имеется лишь в одном документе той эпохи – паспорте, поэтому при отсутствии последнего настоящие списки являются актуальными и значимыми, а порой единственными и незаменимыми свидетельствами о человеке того времени.

Рекрутские списки середины XIX в. в настоящее время являются малоизвестными и малоизученными, так как данный вид источника имеет малую степень сохранности, а также широкий территориальный разброс по местам хранения, поэтому малодоступен для большинства исследователей. Однако по данной тематике появляется всё больше публикаций [1, 2, 7, 8, 9], в том числе и автора [13, 14], что, в свою очередь, создает основу для более широкого и сравнительно-исторического изучения списков, говорит о содержательности и большом информационном потенциале этого вида исторического источника. В связи с возрождением краеведения и возрастанием интереса к региональной истории можно говорить об актуальности и перспективности дальнейшего исследования рекрутских списков в силу их значения для отдельно взятого микрорегиона.

Порядок рекрутского набора в армию ввел царь Пётр Алексеевич в указах от 8 и 17 ноября 1699 г. «О приеме на Великую Государеву службу в солдаты изо всяких вольных людей» и «О наборе даточных людей» [16, с. 221]. Само название «рекрут» появилось согласно указу от 20 февраля 1705 г. «О наборе рекрут с 20 дворов по человеку» [10, № 2036]. Возраст рекрутов в разное время был разным и колебался: до 1708 г. составлял 17–32 года, до 1726 г. – 20–30 лет, до 1766 г. – «всякого возрасту», до 1831 г. – 17–30 лет, до 1855 г. – 20–35 лет, до 1874 г. – до 30 лет. Помимо возраста, особое внимание уделялось «мере» (росту) рекрутов, которая каждый раз

* Пшеницын Дмитрий Александрович, руководитель отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда.

прописывалась в указе при очередном наборе. В 1726 г. Сенат велел Военной коллегии установить, ниже какой «меры» рекрутов в службу не принимать. Таким образом, в 1730 г. был определен минимальный рост рекрутов от 15 до 30 лет – не меньше 2 аршин с четвертью (160 см), а в 1733 г. сделана поправка – для рекрут не старше 20 лет «мера» устанавливалась в 2 аршина 3 вершка (155,56 см), а от 20 до 30 лет – как минимум на полвершка выше (158 см). В указе императрицы Елизаветы Петровны от 3 ноября 1758 г. уже говорилось о росте рекрутов не ниже 2 аршин 4 вершков (160 см).

Система раскладки рекрутской повинности имела трехзвенную структуру: распределение повинности между податными сословиями; распределение повинности на территориальном уровне – по рекрутским участкам; распределение повинности в участках – «практическая раскладка». В системе рекрутской повинности можно выделить четыре этапа развития: 1705–1775 гг., 1776–1804 гг., 1805–1830 гг. и 1831–1874 гг. [8, с. 172–173]

До 1724 г. поставка рекрутов производилась из расчета один новобранец с 20 дворов, в последующем – с определенного числа душ. Рекрутские присутствия, отвечавшие за набор рекрутов, были образованы в 1779 г. именным указом Сенату от 19 сентября 1776 г. «О сборе с 500 душ по одному человеку» [11, № 14509]. Ранее участки образовывались заново при каждом рекрутском наборе в армию, однако после завершения русско-турецкой войны 1768–1774 гг. правительство вернулось к идее постоянных участков. В 1805 г. были созданы правила распределения рекрутской повинности в постоянных «пятисотских» (по 500 ревизских душ мужского пола) участках. С этого же года казенные селения обязаны предоставлять мирские приговоры об отдаче в рекруты, а губернские казенные палаты проверяли, соблюден ли установленный порядок. Система пятисотских участков просуществовала до 1831 г., когда они были увеличены до 1000 душ.

С начала XIX в. порядок проведения наборов на военную службу определялся рекрутским уставом 1810 г., которым вводился очередной порядок набора новобранцев при сохранении принципа общинной, а не личной повинности. Сущность очередного порядка сводилась к тому, что семьи каждого призывного участка вносились в очередные списки по числу работников в данной семье. При этом в первую очередь обязывались давать рекрутов на службу семьи, имевшие большее количество работников. В составлении очередных рекрутских списков принимала участие крестьянская община, эти списки возобновлялись каждые три года и утверждались губернскими казенными палатами. Споры о рекрутских очередях, как признавали власти, были весьма распространенным явлением в российских селениях.

Срок службы первоначально был пожизненным, с 1793 г. – 25 лет, с 1834 г. – 20 лет с последующим пребыванием в так называемом бессроч-

ном отпуске в течение 5 лет. В 1855–1872 г. были установлены последовательно 12-, 10- и 7-летние сроки службы и, соответственно, пребывание в отпуске после службы 3, 5 и 8 лет. Прием на военную службу в первые годы рекрутства мог расцениваться как тяжелое наказание: в уголовном законодательстве отдача в солдаты рассматривалась наравне со ссылкой в Сибирь или заключением в арестантские роты. С отменой рекрутской повинности и введением всеобщей воинской обязанности 1 января 1874 г. срок действительной службы в армии составил 6 лет; отбывшие этот срок зачислялись на 9 лет в запас (во флоте соответственно сроки были 7 лет и 3 года) [12, № 52982, 52983].

В Великоустюгском центральном архиве в фондах уездных рекрутских присутствий сохранились многочисленные списки военнообязанных, но, к сожалению, многие из них в настоящее время являются ветхими. В настоящем исследовании мы представим один из таких списков, находящийся в неудовлетворительном физическом состоянии – список рекрутов Борболинской волости (из неё позже были образованы Шонгско-Николаевская, Бобровско-Захаровская и Городецкая волости [15, с. 12–14]) Никольского уезда 1849 г. Данный список примечателен, в первую очередь, тем, что в жеребьевом списке имеется описание каждого рекрута.

Напомним, что 26 декабря 1837 г. было учреждено Министерство государственных имуществ, во главе которого встал граф П.Д. Киселев, осуществивший в 1837–1841 гг. реформу управления государственными крестьянами. Одним из нововведений было учреждение сельских обществ, на которые были разделены волости. С разделением уездов на станы в 1837 г. и по определению министра государственных имуществ с 15 марта 1840 г. в Вологодской губернии были образованы новые волости, среди которых в Никольском уезде – Борболинская волость с сельскими обществами: Бобровско-Захаровским, Брюховским, Юшковским, Конишевским, Емельяновским, Росоулинским [5, с. 85–89].

В манифесте 19 августа 1849 г. «О произведении восьмого частного очередного набора с губерний Восточной полосы государства» говорилось, что необходимость в доукомплектовании войск была вызвана потерями личного состава в Венгерском походе и от «приключившейся» холеры. Но в силу того, что на службу были призваны бессрочноотпускные солдаты, «к набору было назначено» сравнительно небольшое число рекрутов – всего по 4 рекрута с каждой 1000 душ мужского пола. Сам набор должен был пройти с 1 ноября 1849 г. по 1 января 1850 г. [6, с. 3–4]. Согласно данным «Военно-статистического обозрения Вологодской губернии», изданного в 1850 г., в Борболинской волости было учтено 13 974 человека обоего пола: 7 153 мужчин и 6 821 женщин [4, с. 6]. Таким образом, из Борболинской волости по этому исчислению следовало взять 28 рекрутов.

Стоит отметить, что рекрутский набор 1849 г. был последним с использованием «очередного» порядка набора рекрутов. Следующий рекрутский набор, назначенный манифестом от 14 июня 1851 г., уже проводился с использованием системы жеребьевых списков, которая и просуществовала вплоть до 1917 г. Однако сама процедура с вытягиванием жребия (жеребья) существовала ранее, производилась на призывном участке и выглядела следующим образом: молодые люди вызывались комиссией в том порядке, как они были внесены в призывные списки, и каждый вынимал себе номер жребия, который затем вносился в список. Обычно заранее, еще до метания жребия, объявлялось, какие номера жребия, заложенные в барабан, колесо или ящик, означают призыв на действительную военную службу. За молодых людей, отсутствующих на призывном участке, но включенных в призывной список, жребий также обязаны были тянуть. Это должны были сделать их родственники или председатели (члены) воинских присутствий. После завершения отбора рекрутов общество выдвигало доверенных лиц – «отдатчиков». Они вместе с помощниками – «проводниками» – сопровождали отобранных рекрутов в рекрутское присутствие.

Несомненно, сведения о наборе 1849 г. представляют особый интерес, так как некоторые из новобранцев могли попасть на театр военных действий во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., став участниками исторических событий. Ниже приводится жеребьевый список рекрутов Борболинской волости, составленный в Никольском уездном рекрутском присутствии согласно манифесту 19 августа 1849 г., с переводом данных из табличной формы в текстовую [3, л. 1–41].

Гаврило Мелентьев Рябев, 4 июля 1829 г.р., д. Бяково Бобровско-Захаровского сельского общества; по призывному списку № 11; семейное положение – холост; вероисповедания – русского (т.е. православного. – *Д.П.*); умеет ли читать и писать, на каком языке – читать и писать не умеет; какое знает ремесло – ремесло не знает; был ли под судом, за что, в каком году – под судом не был. Кто вынимал жеребей, сам или кто иной – жеребей тянул сам. Мера роста – 2 аршина 5 1/4 вершка (165,55 см: аршин – 71,12 см, вершок – 4,44 см. – *Д.П.*). Действие окружного начальника в участке (на волостном сходе): годен в рекруты. Действие Палаты государственных имуществ: утверждает принятое решение. Действие рекрутского присутствия: принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Петр Михайлов Морозов, 2 октября 1829 г.р., д. Слуда Конищевского сельского общества, по призывному списку № 6, семейное положение – холост, вероисповедания – русского, неграмотен, знает плотницкое ремесло, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Григорий Дементьев Тетерин, 21 сентября 1829 г.р., д. Антропово Брюховского сельского общества, по призывному списку № 2, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 5/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Федор Конанов Новгородцев, 10 ноября 1829 г.р., д. Козарино Росолинского сельского общества, по призывному списку № 5, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; сам не был, поэтому жеребей тянул старшина; рост – 2 аршина 3 5/8 вершка. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, если по явке из отлучки окажется годным.

Василий Матвеев Патраков, 25 декабря 1829 г.р., д. Токарево Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 1, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, по малому росту представлять не следует.

Игнатий Васильев Коновалов, 12 декабря 1829 г.р., д. Самылово Конищевского сельского общества, по призывному списку № 23, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 2/8 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Василий Петров Коряковский, времени рождения в метриках не найдено, по ревизии писан 5 лет, д. Палачевская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 20, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 1/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Ефим Леонтьев Цыпилев, 11 октября 1829 г.р., д. Смольянка Юшковского сельского общества, по призывному списку № 22, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, но за малым ростом представлять не следует.

Арсений Титов Алениевский, 4 мая 1829 г.р., д. Нефедовская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 38, жена Ольга, детей не имеет, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 5/8 вершка; годен.

Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Семен Евстигнеев Дербин, 6 марта 1829 г.р., д. Угол Конищевского сельского общества, по призывному списку № 18, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 $\frac{7}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Никанор Елизаров Бубнов, 24 июля 1829 г.р., д. Ташериха Конищевского сельского общества, по призывному списку № 5, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 $\frac{3}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Павел Прокопьев Калинин, 3 июля 1829 г.р., д. Тимонинская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 8, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 $\frac{1}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Аника Арсениев Некипелов, 28 октября 1829 г.р., д. Лукина Гора Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 15, жена Екатерина, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 $\frac{7}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Григорий Иванов Борболин, 25 января 1829 г.р., д. Борболино Конищевского сельского общества, по призывному списку № 11, холост, православного вероисповедания, читает и пишет по-русски, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 $\frac{2}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Прокопий Иванов Борболин, 25 февраля 1829 г.р., д. Онохово Конищевского сельского общества, по призывному списку № 8, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 $\frac{1}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Григорий Козьмин Бубнов, 19 сентября 1829 г.р., д. Куфтино Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 9, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 вершков; годен. Пала-

та государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Александр Самсонов Жуков, 10 августа 1829 г.р., д. Лукина Гора Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 13, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 $\frac{3}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят на испытание по паховой грыже, а по испытании оказался не годен, почему 30 ноября и возвращен в первобытное состояние.

Николай Васильев Шаравин, 2 мая 1829 г.р., д. Берликово Конищевского сельского общества, по призывному списку № 24, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; сам не был, поэтому жеребей тянул старшина. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, если по явке из отлучки окажется годным. Представленный вместо Николая Петр Иванов Шаравин принят окончательно.

Платон Андреев Кокшаров, 18 ноября 1829 г.р., д. Хавино Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 5, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 $\frac{5}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Представленный вместо Платона Козьма Васильев Кокшаров принят окончательно.

Александр Васильев Пьянков, 19 июня 1829 г.р., д. Петренино Россоулинского сельского общества, по призывному списку № 23, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 вершков; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Архип Устинов Морозов, 16 февраля 1829 г.р., д. Карандашево Брюховского сельского общества, по призывному списку № 24, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 вершков; левая нога была вывихнута, но срослась хорошо, годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Не принят в рекруты по ту-пости слуха.

Григорий Васильев Петряшев, 19 января 1829 г.р., д. Плес Брюховского сельского общества, по призывному списку № 42, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 $\frac{1}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Сидор Родионов Ласкин, 6 мая 1829 г.р., д. Подол Юшковского сельского общества, по призывному списку № 14, холост, православного вероисповедания, читает и пишет по-русски, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 7/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Степан Ефимов Дурагин, 23 января 1829 г.р., д. Глебово Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 21, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 2/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, но за малым ростом представлять не следует.

Флегонт Яковлев Патраков, 4 апреля 1829 г.р., д. Матасово Конищевского сельского общества, по призывному списку № 4, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; сам не был, поэтому жеребей тянул старшина, рост – 2 аршина 4 6/8 вершка; на шее после золотухи рубцы, не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Не принят по золотухе, обнаруживающейся затвердением по опухолью под челюстью, по ст. 13.

Козьма Никифоров Шевницын, 1 ноября 1829 г.р., д. Большое Лыцово Брюховского сельского общества, по призывному списку № 30, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Не принят в рекруты за малым ростом 2 аршина 3 3/8 вершка.

Петр Степанов Чернышев, 21 декабря 1829 г.р., д. Лисицыно Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 2, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; не был, жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 5 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Представленный вместо Петра Иван Николаев Чернышев принят окончательно.

Петр Евстафиев Ивановский, 8 августа 1829 г.р., д. Клепиково Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 3, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 3/4 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Александр Андреев Пьянков, 22 декабря 1829 г.р., д. Петренино Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 25, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 вершков; годен. Палата госу-

дарственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Логин Козьмин Меньшиков, 16 октября 1829 г.р., д. Лисицыно Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 4, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; не был, жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 3 2/8 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Лука Максимов Подьяков, 13 октября 1828 г.р., д. Волково Конищевского сельского общества, по призывному списку № 13, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 1 7/8 вершка, не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Яков Осипов Цыпилев, времени рождения в метриках не найдено, по ревизии писан 5 лет, д. Смольянка Юшковского сельского общества, по призывному списку № 21, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 вершков; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Представленный вместо Якова Леонтий Николаев Цыпилев не принят по водяной болезни, по ст. 89.

Селиверст Константинов Лобов, 24 декабря 1829 г.р., д. Феофилово Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 19, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 2/8 вершка; на шее после золотухи рубцы, а потому не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение за золотушную болезнь.

Данило Иванов Коряковский, 11 декабря 1828 г.р., д. Палачевская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 19, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 6/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Григорий Сергеев Алениевский, 13 января 1829 г.р., д. Нефедовская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 37, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 5/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Степан Иванов Ботвин, 29 июня 1829 г.р., д. Лопухинская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 32, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; же-

ребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 вершков; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Герасим Иванов Падерин, 1 марта 1829 г.р., д. Красавино Брюховского сельского общества, по призывному списку № 17, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 6 $\frac{2}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Петр Васильев Шишев, 30 ноября 1829 г.р., д. Плоская Юшковского сельского общества, по призывному списку № 32, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 $\frac{1}{2}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Не принят в рекруты за малым ростом 2 аршина 3 $\frac{3}{8}$ вершка.

Дмитрий Васильев Ивановский, 23 октября 1829 г.р., д. Федяево Брюховского сельского общества, по призывному списку № 6, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 $\frac{6}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Афанасий Николаев Моклоков, 26 апреля 1829 г.р., д. Якшинская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 12, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 $\frac{6}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Дмитрий Власов Суворов, 6 ноября 1829 г.р., д. Езекиевская Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 23, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 $\frac{6}{8}$ вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Василий Семенов Пустохин, 2 апреля 1828 г.р., д. Жаравиха Юшковского сельского общества, по призывному списку № 6, жена Марья Артамонова, детей не имеет, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; сам не был, поэтому жеребей тянул старшина. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Пигасий Яковлев Шемякин, 1 ноября 1829 г.р., д. Большое Шартаново Брюховского сельского общества, по призывному списку № 25, холост,

православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 7 2/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Александр Конанов Дурягин, 24 августа 1829 г.р., д. Еловинское Юшковского сельского общества, по призывному списку № 16, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Не принят в рекруты за малым ростом 2 аршина 3 2/8 вершка.

Никита Семенов Бабилов, 3 сентября 1829 г.р., д. Повинская Конюшевского сельского общества, по призывному списку № 12, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 5/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение. Принят в рекруты окончательно, сам за себя.

Егор Кириллов Коробицын, 28 января 1829 г.р., д. Бяково Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 10, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул брат его. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, если по явке из отлучки окажется годным.

Антон Федоров Лепихин, 1 декабря 1829 г.р., д. Еловинское Юшковского сельского общества, по призывному списку № 2, жена Февронья Васильева, дочь Марья, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул старшина. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Никон Иванов Козарин, 17 марта 1829 г.р., д. Коркин Дор Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 14, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 5/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Дмитрий Моисеев Якимовский, 17 октября 1829 г.р., д. Клепиково Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 2, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 1/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Федор Васильев Тетерин, времени рождения в метриках не найдено, по ревизии писан 5 лет, д. Федяево Брюховского сельского общества, по призывному списку № 7, холост, православного вероисповедания, неграмотен,

ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 6/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Игнатий Иванов Жаравин, 19 января 1829 г.р., д. Тихоновская Брюховского сельского общества, по призывному списку № 23, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 вершков; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Игнатий Федоров Пустохин, времени рождения в метриках не найдено, по ревизии писан 5 лет, д. Жаравиха Юшковского сельского общества, по призывному списку № 5, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 5/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Сила незаконнорожденный Якимовский, 1 июля 1829 г.р., д. Клепиково Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 4, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 5 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Иван Осипов Саблин, 11 сентября 1829 г.р., д. Голузино Юшковского сельского общества, по призывному списку № 12, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 1/8 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Василий Иванов Ласкин, 12 марта 1829 г.р., д. Желнино Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 7, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 1 3/4 вершка, не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Тимофей Петров Шельгин, 13 февраля 1829 г.р., д. Голузино Юшковского сельского общества, по призывному списку № 13, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 4 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Протас Андреев Томилов, 16 октября 1829 г.р., д. Чупово Брюховского сельского общества, по призывному списку № 40, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам; рост – 2 аршина 3 2/8 вершка; не годен. Палата госу-

дарственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Ларион Иванов Батаков, 10 августа 1829 г.р., д. Берсенево Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 6, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 3 1/2 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Никифор Евстратьев Лобанов, 7 марта 1829 г.р., д. Антропово Брюховского сельского общества, по призывному списку № 1, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 5 6/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Федор Феокистов Манаков, 11 февраля 1829 г.р., д. Якшинская Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 13, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Алексей Федоров Лепихин, 17 марта 1829 г.р., д. Хавино Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 6, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 5 вершка; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Федор Петров Балув, 9 мая 1829 г.р., д. Рогозин Починок Конищевского сельского общества, по призывному списку № 26, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 2 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Александр Васильев Черняев, 22 ноября 1829 г.р., д. Фефилово Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 20, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 7 вершков; годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Виктор Егоров Коркин (ФИО установлены по метрике в связи с ветхим состоянием дела. – Д.П.), 10 ноября 1828 г.р., д. Лубозино Емельяновского сельского общества, по призывному списку № 12, жена Акилина Васильева, православного вероисповедания, читает и пишет по-русски, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 1/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Ларион Ильин Дьяков, 21 марта 1829 г.р., д. Лукина Гора Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 14, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; сам не был, поэтому жеребей тянул старшина. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, если по явке из отлучки окажется годным.

Никита Леонтьев Ушаков, 8 февраля 1829 г.р., д. Горбово Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 14, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 6 вершков; голен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Василий Игнатьев Огарков, 25 февраля 1829 г.р., д. Берсенево Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 4, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 6/8 вершков; голен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Иринарх незаконнорожденный Шарапов, 28 ноября 1829 г.р., д. Ивашево Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 5, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 вершка; голен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Сергей Игнатьев Киркин, 13 сентября 1827 г.р., д. Лукина Гора Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 10, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул старшина. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Михей Николаев Бубнов, 9 августа 1829 г.р., д. Загарье Конищевского сельского общества, по призывному списку № 6, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул отец его, рост – 2 аршина 6 2/8 вершка; голен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение.

Платон Семенов Черняев, 5 апреля 1829 г.р., д. Фефилово Росоулинского сельского общества, по призывному списку № 8, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 5 вершков; голен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по семейному положению.

Василий Иванов Беляев, 24 января 1827 г.р., д. Пайкино Брюховского сельского общества, по призывному списку № 1, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 4 1/2 вершка; голен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Максим Никифоров Бубнов, 6 августа 1829 г.р., д. Загарье Конищевского сельского общества, по призывному списку № 7, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 2 6/8 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Емельян Иванов Бубнов, 1 августа 1828 г.р., д. Борболино Конищевского сельского общества, по призывному списку № 4, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 6 3/8 вершка; годен. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Капитон Козьмин Манев, времени рождения в метриках не найдено, а по ревизии писан 5 лет, д. Угол Конищевского сельского общества, по призывному списку № 8, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул старшина, рост – 2 аршина 3 1/8 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Иона Максимов Суворов, 8 мая 1829 г.р., д. Лукина Гора Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 13, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 2 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение по семейному положению.

Иван Никитин Шарапов, 23 февраля 1828 г.р., д. Селиваново Россулинского сельского общества, по призывному списку № 1, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам. Палата государственных имуществ не утверждает принятое решение по старости лет.

Иван Федоров Киркин, 7 июня 1829 г.р., д. Куфтино Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 7, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 3 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение, за малым ростом представлять не следует.

Маркелл Дмитриев Шубарин, 24 декабря 1828 г.р., д. Горбово Бобровско-Захаровского сельского общества, по призывному списку № 15, холост, православного вероисповедания, неграмотен, ремесло не знает, под судом не был; жеребей тянул сам, рост – 2 аршина 2 1/2 вершка; не годен. Палата государственных имуществ утверждает принятое решение по старости лет.

Анализируя данные об учтенных выше в жеребьевом списке 80 рекрутах, можно сказать, что призывной возраст их в основном – 20 лет. Рост рекрутов составлял от 2 аршин 3 вершков (155,56 см) до 2 аршин 7 1/4 вершка (174,5 см). Все они – православного вероисповедания, из 80 новобранцев только пять женатых, остальные холостые. Только три человека были грамотными («читает и пишет по-русски»), и только один владел плотницким ремеслом. Любопытно, что у пяти рекрутов не было найдено метрической записи о рождении, поэтому сверка года рождения производилась на основе материалов восьмой ревизии 1834 г.

Таким образом, жеребьевые списки рекрутов 1849 г. представляют собой ценный источник по военному учёту мужского населения в Российской империи, в котором, помимо фамилии, имени и отчества, указаны место и точная дата рождения, семейное положение, вероисповедание, грамотность, владение тем или иным ремеслом, наличие судимости, отмечен рост и т.д. Эта информация имеет и значительную генеалогическую ценность. Можно также предположить участие перечисленных выше лиц в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. и, в частности, в героической 349-дневной обороне Севастополя.

Источники и литература

1. Баяндин, В.И. Изменения срока службы в русской армии в XIX – начале XX вв. / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 30–33.
2. Баяндин, В.И. Рекруты русской армии в XIX в.: призывной возраст / В.И. Баяндин // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – С. 136–141.
3. Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 603. Оп. 1. Д. 6.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Северо-Восточные губернии. Ч. 3. Вологодская губерния. – Санкт-Петербург, 1850.
5. Вологодские губернские ведомости. – 1840. – № 12.
6. Высочайший Манифест о производстве восьмого, частного, очередного рекрутского набора с губерний Восточной полосы государства (1849 г., Августа 19) // Сын Отечества. Кн. 10. – Санкт-Петербург, 1849.
7. Иванов, Ф.Н. К истории рекрутских наборов в Вологодской губернии в середине 1840-х – начале 1870-х гг. / Ф.Н. Иванов // Двинская земля. Вып. 3. – Вельск: Вельти, 2004. – С. 98–107.
8. Иванов, Ф.Н. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) / Ф.Н. Иванов. – Москва: Перо, 2016.
9. Оленев, М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I / М.Б. Оленева. – Москва: Старая Басманная, 2016.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. – Т. 4.

11. ПСЗРИ. Собр. 1. – Т. 20.
12. ПСЗРИ. Собр. 2. – Т. 49. Отд. 1.
13. Пшеницын, Д.А. Рекрутские наборы 1849 и 1853 года в Вельском уезде (по материалам Государственного архива Вологодской области) / Д.А. Пшеницын // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 4. – Октябрьский: Устьянский краеведческий музей, 2018. – С. 30–85.
14. Пшеницын, Д.А. Рекрутский набор 1849 г. в Тотемском уезде (по материалам Государственного архива Вологодской области) / Д.А. Пшеницын // Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. – С. 158–169.
15. Пшеницын, Д.А. Страницы истории волости Шонга (XVII–XX вв.) / Д.А. Пшеницын, А.Н. Хомутов. – Вологда: [Б. и.], 2015.
16. Рабинович, М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны / М.Д. Рабинович // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX века. – Москва: Наука, 1969. – С. 221–233.

УРОЖЕНЦЫ ЯРЕНСКОГО УЕЗДА – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

***Аннотация:** Статья повествует об участии уроженцев Ярэнского уезда Вологодской губернии в русско-японской войне 1904–1905 гг.*

***Ключевые слова:** Ярэнский уезд, русско-японская война 1904–1905 гг.*

Русско-японская война 1904–1905 гг. является весьма подробно исследованным событием российской военной истории. Однако изучение влияния столь масштабного вооружённого конфликта на жизнь российской провинции нельзя признать достаточным. В полной мере это замечание относится и к Ярэнскому уезду Вологодской губернии. Ни воздействие войны на местные социально-экономические процессы, ни участие местных уроженцев в боях на Дальнем Востоке пока не являлись объектом специального исследования. Настало время закрыть эту смысловую лауну, уделив особое внимание забытым героям войны. При этом сразу следует оговорить, что под участниками войны в данной статье подразумеваются только непосредственные участники боёв и сражений, а применяемый для краткости изложения термин «ярэнчане» используется в собирательном смысле: под ним понимаются не только жители города, а ныне села Ярэнска, но и все уроженцы бывшего Ярэнского уезда в границах начала XX в.

Количество выявленных к настоящему времени участников русско-японской войны с территории Ярэнского уезда – 58 человек – существенно меньше по сравнению с любым другим уездом Вологодской губернии. Обусловлено это двумя причинами. Во-первых, Ярэнский уезд являлся самым малонаселённым из десяти уездов Вологодчины. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на его отнюдь не малой территории проживали всего лишь 47 038 чел., т. е. 3,4 % населения губернии [80, с. 106]. Во-вторых, в отношении рассматриваемого вопроса фиксируется слабая источниковая база: сохранилось относительно небольшое число материалов местного воинского учёта, к тому же в связи с перекройкой административных границ в XX веке эта документация рассредоточена по нескольким региональным архивам, что существенно затрудняет её изучение.

К исследованию привлекались материалы Государственных архивов Архангельской и Вологодской областей, Национального архива Республики Коми, Великоустюгского центрального архива и Российского государственного архива военно-морского флота. Информация о боевых потерях среди

* Гладких Сергей Александрович – кандидат исторических наук, учёный секретарь Котласского краеведческого музея, г. Котлас.

выходцев из рассматриваемого региона, сохраняемая ныне в Российском государственном военно-историческом архиве, публиковалась в 1904–1906 гг. в «Вологодских губернских ведомостях», поэтому заимствовалась из данного источника.

На данный момент времени в той или иной форме опубликованы сведения об очень немногих яренчанах – участниках русско-японской войны. Наиболее известен среди них Дмитрий Михайлович Белых, комендор мореходной канонерской лодки «Кореец», участвовавшей вместе с крейсером «Варяг» в легендарном Чемульпинском бою 27 января 1904 г.** Его имя увековечено в ряде публикаций В. Ф. Паршукова [66, с. 3; 67, с. 6; 68, с. 60–61]. В буклете «Ленский район Архангельской области» составителем О. А. Угрюмовым упомянут матрос Андрей Афанасьевич Леушев, погибший в Цусимском сражении [44, с. 6]. О герое обороны Порт-Артура Василии Ивановиче Титове писал в своей книге «На службе Отечеству» Н. И. Сурков [86, с. 91–92]. О пяти морях-яренчанах повествует одна из публикаций Л. А. Кызыурова [42, с. 82–88].

Весьма краткая информация о 18 яренчанах приведена в материалах размещённой на сайте Национального архива Республики Коми виртуальной выставки «На сопках Маньчжурии (коми-зыряне в русско-японской войне 1904–1905 годов)» [50], подготовленной Л. А. Кызыуровым и М. М. Сельковой. Однако двое указанных здесь яренчан – Алексей Алексеевич Баженов и Даниил Афанасьевич Лютоев – находясь на театре военных действий, не являлись непосредственными участниками сражений русско-японской войны. К тому же название выставки вводит в заблуждение: Яренский уезд был двуязычным и двунациональным, и далеко не все его уроженцы являлись представителями народа коми, хотя установить национальность человека по документам того времени зачастую не представляется возможным.

Не всегда можно проверить и правильность передачи информации во многих официальных бумагах воинского учёта начала XX в., составлявшихся недостаточно грамотными полковыми или волостными писарями. По причине допущенных ими бесчисленных ошибок и описок, в данном исследовании также возможны отдельные искажения в именах, отчествах, фамилиях воинов и названиях населённых пунктов. Некоторая информация о яренчанах – участниках войны 1904–1905 гг. – возможно, остаётся скрытой в архивных делах, которые не выдаются исследователям из-за неудовлетворительного физического состояния. Тем не менее задействованная документальная база вполне достаточна для того, чтобы раскрыть вынесенную в заголовок тему. Для этого в первую очередь необходимо рассмотреть специфику местных мобилизаций.

** Все даты в тексте до 1 февраля 1918 г. даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

В связи с невозможностью одновременной переброски на Дальний Восток и содержания на отдалённом театре военных действий всех людских ресурсов российской армии, призыв запасных на русско-японскую войну 1904–1905 гг. проходил поэтапно и порегионально, в рамках так называемых частных мобилизаций. Первоначально яренчанам и их соседям усть-сысольцам, как уроженцам самых дальних и труднодоступных уездов Вологодчины, везло: первые мобилизации обходили их стороной. Например, состоявшие в запасе военные моряки других уездов губернии были мобилизованы согласно императорскому указу от 22 марта 1904 г., а мобилизация моряков Усть-Сысольского и Яренского уездов объявлена очередным царским указом лишь 21 июня 1904 г. [45, с. 75; 46, с. 299–300].

Мобилизационные мероприятия на территории Яренского уезда начались 26 июня и завершились 11 июля. Несмотря на летнее время, они традиционно осложнялись состоянием путей сообщения. Например, в Разгортской волости «вследствие плохого состояния дороги» на перевозку каждого запасного было выделено по отдельной подводе, хотя официально полагалось по одной подводе на троих, а для Яренского уезда, в виде исключения «по слабосилию лошадей» – по подводе на двоих [58, л. 68]. Однако запасных моряков проживало в уезде настолько мало, что призыву подлежали только 11 человек; из них один признан негодным к воинской службе при медосмотре, и в результате призвано десять [28, л. 14]. Все они были направлены на Балтийский флот [30, л. 250]. В целом же по состоянию на 11 июля 1904 г. с учётом яренчан, призванных в других регионах (не обязательно во флот), а также единственного добровольца – Алексея Васильевича Буткина из села Серёгово – мобилизованными оказались всего лишь 28 нижних чинов, тогда как в запасе по Яренскому уезду оставалось 1320 человек [60, л. 14–16, 18–19, 67–67 об.].

Позднее этот список запасных постоянно сокращался, поскольку некоторых яренчан в ходе частных мобилизаций призывали на ином месте жительства или на отхожих промыслах за пределами родного уезда: например, Александр Афанасьевич Доронин из села Глотова был мобилизован в Оренбургском уезде, Иван Галактионович Минин из села Турья – в Тюмени, Николай Павлович Лютоев из Айкинской волости – в Мезени [60, л. 15, 83, 130]. Однако большинство запасных были людьми семейными, а согласно распоряжению министра внутренних дел от 27 ноября 1904 г. «призванные из запаса нижние чины, которые являются единственными кормильцами семьи», могли быть уволены в отпуск по семейным обстоятельствам [29, л. 5]. Возможно, такая счастливая судьба выпала и некоторым яренчанам. Например, право на отпуск «впредь до распоряжения, но не долее окончания войны» имел проживавший с женой в Санкт-Петербурге и мобилизованный там же матрос 18-го флотского экипажа Михаил Фёдорович Епов, уроженец

деревни Софроновской, но смог ли он воспользоваться этой льготой – неизвестно [29, л. 1, 31; 60, л. 15, 59].

Осенью 1904 г. в Вологодской губернии состоялся плановый ежегодный призыв новобранцев на воинскую службу, проходивший по традициям мирного времени. Всего в призывные списки по Яренскому уезду было внесено 506 человек, а после прохождения медосмотра, жеребьёвой процедуры и отсева льготников принято в вооружённые силы 208 человек [30, л. 41 об., 263]. Эти люди, пройдя курс военной подготовки, прибывали в Маньчжурию только в последние месяцы войны, когда активных боевых действий на фронте не велось, или же и вовсе не попали на театр военных действий. Однако не всем из них довелось вернуться на родину. Так, Михаил Прокопьевич Евсеев из деревни Ибская Ёртомской волости был принят на службу рядовым Московского жандармского дивизиона и «умер от огнестрельной раны, полученной во время беспорядков в г. Москве» 11 декабря 1905 г. [53, л. 5–6], тем самым став жертвой не войны, а вызванной ею революции.

Несколько иная ситуация сложилась с нижними чинами запаса, призванными в рамках новых частных мобилизаций. Армейские запасные западных уездов Вологодской губернии – Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского – призывались по шестой частной мобилизации, начавшейся 10 октября 1904 г. [63, с. 27]. Призыв же в армию из остальных уездов Вологодчины, в том числе Яренского, начался лишь в конце войны, 15 июня 1905 г., по восьмой частной мобилизации, организованной согласно Высочайшему повелению от 13 июня [60, л. 214; 64, с. 24]. Только тогда отлаженный механизм местного призыва заработал на полную мощь. Гужевым транспортом запасные из самых отдалённых уголков уезда прибывали в Яренск, проходили здесь медицинскую комиссию на предмет годности к военной службе, затем по Вычегде доставлялись в Котлас, откуда железной дорогой направлялись в Нижний Новгород, далее Волгой до Симбирска и только оттуда, снова железной дорогой, – на театр военных действий [13, л. 228–228 об.]. Уже в первый список призванных по восьмой мобилизации нижних чинов Яренского уезда вошли 163 человека [60, л. 206–213], и далее это количество только увеличивалось. Но им повезло: уже в августе русско-японская война закончилась, и призванные в 1905 г. запасные были демобилизованы, так и не успев принять участия в боевых действиях.

Уклонений от призывов и мобилизаций 1904–1905 гг. на территории Яренского уезда не выявлено, хотя встречались случаи несвоевременной явки. При этом объяснения призывников выглядят по нынешним временам анекдотично: «неграмотный и русский язык ничего не понимает», «жил... без паспорта, почему и не знал, в каком году подлежит призыву» [56, л. 6; 57, л. 3 об.]. В подобных случаях виновные отделялись минимальным штрафом или краткосрочным арестом, а то и вовсе освобождались от ответ-

ственности. Среди участников русско-японской войны лишь один яренчанин зарекомендовал себя с негативной стороны: рядовой 138-го пехотного Болховского полка Михаил Степанович Коняев из деревни Тыдор Айкинской волости «за неисправимо дурное поведение» был переведён в разряд штрафованных и даже подвергнут тюремному заключению [54, л. 99–104 об.]. В целом же мужское население Яренского уезда несло воинскую повинность честно и достойно, многократно доказав это в боях с врагом.

Поздние мобилизации привели к тому, что на театре военных действий в основном сражались яренчане довоенных призывов, проходившие срочную службу в частях армии и флота. Главным стратегическим вопросом русско-японской войны являлось достижение господства на море, и первыми в бой вступили именно моряки. Ещё до начала войны японская эскадра блокировала в корейском порту Чемульпо находившиеся там русские корабли: крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Более того, при попытке пройти с дипломатической почтой в Порт-Артур «Кореец» около 16 часов 26 января 1904 г. подвергся атаке со стороны японских миноносцев на фарватере чемульпинского порта. По кораблю было выпущено, согласно японским данным, две торпеды (по русским – три); в ответ произведено, по русским сведениям, два выстрела (по японским – до шестнадцати). Попаданий и потерь с той и другой стороны не было, но «Кореец» вынужденно вернулся в Чемульпо [69, с. 169–185]. Впоследствии японцы назвали ответный огонь русских моряков «первыми выстрелами войны» [65, с. 36], «скромно» умолчав о выпущенных торпедах. Подробных сведений о происходившем в тот день на борту канонерской лодки не сохранилось, и кто знает: может, первый выстрел по врагу сделал именно комендор (флотский артиллерист) «Корейца» Дмитрий Михайлович Белых – уроженец деревни Гавриловская Палевицкой волости [17, л. 41 об.]?

Однако этот вооружённый инцидент, который при наличии доброй воли сторон ещё можно было «замять», всё-таки не являлся началом войны. Русско-японская война началась через несколько часов: внезапной атакой японских миноносцев на корабли русской эскадры в Порт-Артуре в ночь на 27 января. В отражении этой атаки, а затем и дневного нападения японского флота принимали участие служившие здесь моряки-яренчане. И почти одновременно с дневным сражением на внешнем рейде Порт-Артура «Варяг» и «Кореец» вышли из Чемульпо на свой безнадежный бой с японской эскадрой.

Основной огонь врага был сосредоточен на шедшем головным «Варяге», поэтому «Кореец» почти не пострадал, несмотря на то, что поддерживал крейсер своим огнём, а в заключительной фазе боя прикрывал отход избитого «Варяга» обратно в порт, находясь ближе к противнику. В течение часового боя «Кореец» получил единственное повреждение осколком, хотя

и сам не добился попаданий в японские корабли. Убедившись, что прорыв невозможен, командир «Варяга» В.Ф. Руднев приказал затопить крейсер и взорвать канонерскую лодку. Уничтожив свои корабли, русские моряки перешли на суда нейтральных держав, что позволило избежать японского плена. После принесения официального обещания о дальнейшем неучастии в боевых действиях они были беспрепятственно доставлены в Россию [37, с. 150–166]. Таким образом, реальное участие Д.М. Белых в русско-японской войне длилось менее суток. И это была, бесспорно, самая счастливая военная судьба среди всех яренчан.

Поскольку боевые действия велись сначала только на море, первые безвозвратные потери также понесли яренчане-моряки. Хотя авторитетный яренский краевед О.А. Угрюмов считал, что «полную славы и трагизма историю ратных подвигов наших земляков двадцатого века» открыл погибший при Цусиме А.А. Леушев [44, с. 6], всё же эта история, если исходить из традиций землячества в пределах Яренского уезда, началась годом раньше. Уже на третий день войны первой жертвой среди яренчан пал Андриан Александрович Рогов, уроженец деревни Ипатовская Палевицкой волости. Родился он 17 марта 1876 г., призван осенью 1897 г., зачислен на семилетнюю действительную службу во флот и в 1904 г. должен был демобилизоваться, но война судила иначе.

Андриан Александрович служил кочегаром 1-й статьи минного транспорта «Енисей» [26, л. 120 об.; 60, л. 39, 41; 72, л. 23 об.–24]. С началом войны «Енисей» был направлен из Порт-Артура в Талиенванский залив выставить минное заграждение для защиты торгового порта Дальний. К полудню 29 января эта опасная работа была закончена, однако две мины всплыли, демаскируя место постановки. Командир корабля капитан 2 ранга В.А. Степанов, чтобы расстрелять их, допустил опасный манёвр вблизи только что выставленного заграждения, и «Енисей» подорвался на собственной мине, затонув в течение 15 минут. Часть команды спаслась на шлюпках, В.А. Степанов сойти с корабля отказался. Вместе с «Енисеем» погибли 95 членов экипажа [38, с. 11–12], в том числе А.А. Рогов.

Другой жертвой минной войны стал флагманский эскадренный броненосец порт-артурской эскадры «Петропавловск». 31 марта 1904 г. он подорвался на японской мине, выставленной накануне ночью. От её взрыва детонировали мины заграждения, хранившиеся в носовой части броненосца, затем артиллерийские погреба с боезапасом, а хлынувшая внутрь корпуса вода привела к взрыву паровых котлов. Серия страшных взрывов погубила «Петропавловск» фактически мгновенно – огромный корабль пошёл ко дну менее, чем за две минуты. Вместе с броненосцем погибли 650 человек, в том числе командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров и знаменитый художник-баталист В.В. Верещагин [31, с. 21–33]. Среди немногих спасён-

ных не досчитались и старшего марсового «Петропавловска» Василия Ивановича Люосева – уроженца села Княжпогост Яренского уезда [75, л. 123].

Сигнальщик мореходной канонерской лодки «Бобр» Михаил Тарасович Лютоев (во флотских документах – Лютаев) из деревни Башлыкловская Серёговской волости отличился 13 мая 1904 г., когда уже велись бои на сухопутном фронте. «Бобр» совместно с эскадренными миноносцами «Бойкий» и «Бурный» был отправлен, как тогда многим казалось, на верную гибель – для поддержки правого фланга русских войск, занимавших позиции «от моря до моря» на узком Кинчжоуском (Цзинджоуском) перешейке близ Дальнего. Метким артиллерийским огнём «Бобр» сорвал наступление японской армии на её левом фланге, принудив противника к отходу. Однако на правом фланге, где русских кораблей не было, а японскую пехоту поддерживали свои канонерские лодки, неприятелю к вечеру удалось прорвать линию обороны и в итоге одержать победу. В ночь с 13 на 14 марта «Бобр» с миноносцами вернулся обратно в Порт-Артур. Японский флот действиям этого отряда не препятствовал, опасаясь мин, выставленных «Енисеем» в Талиенванском заливе. В рапорте командира «Бобра» капитана 2 ранга В.В. Шельтинга сигнальщик Лютаев отмечен в числе наиболее отличившихся членов экипажа [81, с. 118].

Земляки, однофамильцы и, вероятно, родственники Афанасий и Сергей Зиновьевы из деревни Ибская Яренского уезда служили на эскадренном броненосце «Цесаревич» [71, л. 40 об.–41, 44 об.–45]. Этот корабль был торпедирован японцами в ночь начала войны и вступил в строй после ремонта только 24 мая 1904 г., став флагманским кораблём артурской эскадры. 28 июля 1904 г. именно «Цесаревич» возглавил попытку прорыва русского флота из Порт-Артура во Владивосток. В состоявшемся в этот день генеральном сражении с японским флотом основной огонь противника был направлен на флагманский броненосец. Судьба сражения колебалась до тех пор, пока командующий эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт не погиб от японского снаряда, а потерявший управление «Цесаревич», описывая циркуляцию, разрушил боевой кильватерный строй. В итоге эскадра распалась на отдельные отряды и одиночные корабли, действовавшие по усмотрению командиров. С потерей единого руководства бой был проигран, и основные силы эскадры вернулись в Порт-Артур.

В ночь после боя несколько русских кораблей всё же смогли прорваться сквозь вражескую блокаду. Одним из них был «Цесаревич», повреждённый настолько, что до Владивостока дойти не мог, а потому разоружённый в нейтральном порту Циндао. Для экипажа этого корабля война закончилась: интернированная в соответствии с нормами международного права команда оставалась здесь до ратификации мирного договора между Россией и Японией. Таким образом, бой 28 июля завершил военную биографию слу-

живших на «Цесаревиче» яренчан, которые прибыли на своём броненосце в Россию уже по окончании войны [Подробно см.: 48].

А матросы вернувшихся в Порт-Артур кораблей продолжили вооружённую борьбу уже на сухопутном фронте обороны русской крепости. Так, матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Победа» Егор Матвеевич Матвеев из деревни Ипатовская Палевицкой волости погиб на редуте № 1 во время первого штурма Порт-Артура 9 августа 1904 г. [26, л. 120 об.]. Редут находился на острие японской атаки, и за него развернулись жесточайшие бои. Десантная рота «Победы» под командованием мичмана А.С. Бершадского была выдвинута к редуту в качестве резерва вечером 8 августа и на следующий день введена в бой, понеся огромные потери. Руководивший обороной Восточного фронта генерал-майор В.Н. Горбатовский в 13 часов 9 августа докладывал коменданту крепости К.Н. Смирнову: «Редут № 1 четыре раза переходил из рук в руки. В данный момент на одной половине редута № 1 наши, а другую половину занимают японцы...» К вечеру, когда В.Н. Горбатовский израсходовал все резервы фронта, практически полностью разрушенный редут был занят японцами [83, с. 185, 197–198, 200].

Сильнейший крейсер артурской эскадры «Баян» первые полгода войны являлся одним из наиболее активно действовавших кораблей русского флота. «Баян» принимал участие в морских боях 27 января, 12 февраля, 31 марта и 10 июня 1904 г. на артурском рейде, в бомбардировках позиций японской осадной армии. После подрыва крейсера на японской мине 14 июля 1904 г. его экипаж активно участвовал в боях на сухопутном фронте [15, с. 117]. 22 ноября именно десантная рота «Баяна» с остатками других десантных рот предприняла последнюю попытку отбить у противника занятый им ключевой пункт обороны Порт-Артура – Высокую гору, с которой прекрасно просматривался внутренний рейд. Японцам удалось отразить атаку, и в последующие дни большинство русских кораблей были потоплены осадной артиллерией, огонь которой корректировался с Высокой горы. В решившем печальную судьбу артурской эскадры бою 22 ноября среди других моряков сражался и кочегар 1-й статьи крейсера «Баян» Николай Николаевич Растегаев из села Жешарт [17, л. 41 об.; 21, л. 21 об.; 35, с. 1210; 70, с. 114].

Не установлено, на каких конкретно кораблях служили числившиеся в составе Сибирского и Квантунского флотских экипажей яренчане Михаил Иванович Засорин и Степан Степанович Шиптунов, но оба они также защищали Порт-Артур [17, л. 91 об.–92]. В обороне крепости участвовали и гражданские лица, объединённые в дружины ополченцев. Одним из таких дружинников стал порт-артурский мастеровой Степан Иванович Михалев, выходец из деревни Захаринская Ленской волости [19, л. 39 об.; 21, л. 31 об., 49 об.]. Но 20 декабря 1904 г. Порт-Артур по воле командования капитули-

ровал, ещё не исчерпав всех возможностей обороны, и уцелевшие в боях за крепость яренчан оказались в японском плену.

Однако не все русские корабли в Тихом океане базировались на Порт-Артур. Трое яренчан служили на Владивостокском отряде крейсеров, прославившемся своими дерзкими боевыми походами к берегам неприятеля. Действуя на морских коммуникациях противника, отряд потопил и захватил ряд военных транспортов врага и коммерческих пароходов с контрабандным грузом. Своими операциями владивостокские крейсера нанесли существенный ущерб экономике Японии и нарушили многие планы японского командования [Подробно см.: 34]. Однако 1 августа 1904 г. неприятельская эскадра, действовавшая против русского отряда, смогла обнаружить его и атаковала превосходящими силами. В бою участвовали три русских крейсера – «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Сражение длилось около пяти часов, и на тот момент времени было самым длительным боевым столкновением паровых кораблей.

В самом начале боя «Рюрик» вследствие полученных повреждений потерял управление и, кружась почти на одном месте, несколько часов отбивался от врага. Огонь по неприятельским кораблям вёл и комендор «Рюрика» Михаил Алексеевич Окулов, выходец из деревни Керос Коквицкой волости [74, л. 13 об.–14]. Прикрывавшие неуправляемый корабль «Россия» и «Громобой» также получили значительные повреждения и вынужденно оставили «Рюрика». Им удалось отвлечь на себя основные силы противника и с боем прорваться во Владивосток. На сражавшемся «Громобое» от обречённого русского крейсера уходили двое яренчан – минёр Михаил Михалев и гальванёр Андрей Москательников [73, л. 457 об.–458]. «Рюрик» продолжал сопротивление до конца, и после выхода из строя всей артиллерии был затоплен экипажем. Тяжело раненый в бою и подобранный японцами с воды М. А. Окулов попал в японский плен.

Осенью 1904 г. на помощь блокированной в Порт-Артуре 1-й Тихоокеанской эскадре была отправлена сформированная из кораблей Балтийского флота 2-я эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. Помощь опоздала: балтийская эскадра прибыла на Дальний Восток, когда Порт-Артур стал добычей противника, а большинство кораблей 1-й эскадры уже лежали на дне морском. После тяжелейшего многомесячного перехода 14 мая 1905 г. у островов Цусима русские корабли с измотанными экипажами встретил прекрасно подготовленный и вооружённый японский флот.

В трагическом для русской стороны Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г. погибли восемь яренчан. Сохранившиеся свидетельства очевидцев позволяют отчасти восстановить обстоятельства их гибели. Так, эскадренный броненосец «Ослябя» уже в начале боя подвергся сосредоточенному обстрелу со стороны восьми кораблей противника. В течение получаса бук-

важно засыпанный снарядами корабль полностью утратил способность к сопротивлению, вышел из строя и затонул. Из-за крена на броненосце заклинило бронеовые крышки люков, ведущих в машинное отделение. В результате не спасся ни один из машинистов: они были заживо погребены в морской пучине. Вместе с кораблём ушёл на дно и машинист 1-й статьи, яренчанин Иван Иванович Захаров [77, л. 96]. Последним подвигом погибавших «ослябцев» стала остановка машин броненосца – чтобы вращавшиеся винты не погубили людей, спасавшихся с верхних палуб [49, с. 98]. Увы, это не помогло уцелеть земляку И.И. Захарова – кочегару «Осляби» Ивану Афанасьевичу Гулынину из деревни Базлук Софроновской волости [26, л. 120; 77, л. 196].

Почти одновременно с «Ослябей» вышел из строя флагманский броненосец русской эскадры «Князь Суворов», в одиночку продолжавший сопротивление врагу вплоть до окончания дневного боя. Потерявший управление и горевший корабль был обезображен до неузнаваемости, и по нему временами вели огонь даже корабли русской эскадры, приняв его за подбитый броненосец противника. Расстреливаемый силами двух флотов, превращённый буквально в плавающую грудку металлолома, но проявивший невероятную живучесть «Князь Суворов» к вечеру был торпедирован и затонул. По словам известного английского историка Х.В. Вильсона, «так кончился самый ожесточённый бой, который когда-либо вёл броненосный корабль» [Цит. по: 1, с. 124]. На «Князе Суворове» погибли двое яренчан: кочегар 2-й статьи Михаил Петрович Кобычев и матрос 1-й статьи Андрей Афанасьевич Леушев [26, л. 120].

Защитить свой флагманский корабль в его последние минуты доблестно пытался оказавшийся рядом русский военный транспорт – плавающая мастерская «Камчатка». Лишившись хода в результате попаданий японских снарядов, «Камчатка» из своих малокалиберных орудий до конца поддерживала флагмана и была потоплена почти одновременно с броненосцем. Из 304 человек экипажа плавмастерской японские миноносцы подобрали 57 моряков [Подробно см.: 87]. Среди спасённых не досчитались матроса 2-й статьи, уроженца деревни Муфтыга Важгортской волости Степана Михайловича Ивкина [26, л. 121; 78, л. 92].

А ночью на уцелевшие русские корабли начались торпедные атаки. Их первой жертвой стал эскадренный броненосец «Наварин», из экипажа которого посчастливилось спастись только троим морякам. В числе семисот человек, погибших на «Наварине», значится и кочегар 2-й статьи Зосим Семёнович Трофимов из села Разгорт [4, с. 79; 26, л. 121]. Защищать броненосцы от торпедных атак следовало русским крейсерам, но они в этот момент из-за несогласованных действий командования полным ходом уходили с места сражения во главе с крейсером «Олег», на котором служил раненый

в бою кочегар 2-й статьи, уроженец города Яренска Василий Павлович Крашенинников [79, л. 254; 82, с. 83]. Через неделю после боя «Олег» и ещё два русских крейсера разоружились до конца войны в нейтральном порту Манила на Филиппинах [39, с. 133–134].

Иная судьба выпала кораблям, продолжавшим путь во Владивосток. 15 мая сдался в плен окружённый превосходящими силами врага отряд контр-адмирала Н.И. Небогатова, деморализованного погромом предыдущего дня. После капитуляции адмирал в слезах обратился к матросам своего флагманского корабля, эскадренного броненосца «Император Николай I», с речью: «Бой дать нельзя, поражение наше неизбежно. Мёртвые мы пользы России не принесём. ... Я не хочу быть причиной вашей смерти и горя ваших близких, и потому сдаюсь. ... Себя мне не жаль. Вашим потом и кровью заработанные, я получал чины и ордена, и за вас я получал почести, за вас приму и позор» [Цит. по: 32, с. 205]. Эти горькие слова уже не суждено было услышать матросу 1-й статьи Дмитрию Ивановичу Пудову из села Шешецкого (Шошка) Княжпогостской волости, погибшему на «Императоре Николае I» днём раньше [26, л. 120 об.].

Шедший в одиночку броненосный крейсер «Дмитрий Донской» был настигнут японцами на исходе Цусимского сражения, вечером 15 мая, и несколько часов вёл героический неравный бой на оба борта против шести крейсеров противника. При этом, что является исключительным случаем в истории морских войн, одновременно на корабле шло подавление мятежа переданных на «Донской» спасённых членов экипажа «Осляби», не желавших тонуть в Японском море ещё раз. Русский крейсер смог нанести ряд повреждений кораблям врага и продержаться до наступления ночи, благодаря чему утратил огневой контакт с неприятельскими крейсерами. «Донскому» удалось отбить и атаки вражеских миноносцев, но вследствие тяжёлых повреждений утром 16 мая корабль был затоплен экипажем, высадившимся на остров Дажелет и взятом в плен [2, с. 31]. Среди 59 моряков крейсера, отдавших свои жизни в последнем морском бою войны, значится и старший водолаз Михаил Степанович Белых из села Палевицы. Он был убит «у фок-мачты на верхней палубе, разорвавшимся снарядом» [26, л. 120 об.; 76, л. 13], и стал последним из моряков-яренчан, погибших в русско-японской войне.

Пока противостоящие флоты вели затяжную борьбу за господство на море, активные боевые действия разворачивались и на сухопутном фронте. Русская Маньчжурская армия не только сдерживала натиск врага, но и пыталась переходить в контрнаступление, чтобы помочь осаждённому Порт-Артуру. Действия эти по ряду причин оказались безуспешны, но многие яренчане, числившиеся в составе русской армии, смогли отличиться в кровавых боях на суходуте. И пусть подробности их боевой

службы в большинстве случаев неизвестны, можно рассмотреть коллективные подвиги яренчан в составе русских полков, сражавшихся на сопках Маньчжурии.

22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк принял боевое крещение в открывшем войну на суше сражении при Тюренчене 17–18 апреля 1904 г., где, впрочем, первым отступил с позиций [3, с. 109]. В этом бою получил ранение стрелок Максим Чукичев из Айкинской волости [5, с. 9; 27, л. 9 об.]. Среди раненых позже стрелков 22-го полка значится и уроженец Княжпогостской волости Афанасий Лапин [7, с. 5]. В сражении при Шахэ полк, неся большие потери, днём 28 сентября безуспешно атаковал позиции неприятеля, а в ночь на 29-е поддержал отчаянную атаку 23-го полка, также не увенчавшуюся удачей из-за отсутствия подкреплений [41, с. 303–304].

7-й пехотный Сибирский Красноярский полк прибыл на театр военных действий в начале мая 1904 г., но уже в июне понёс серьёзные санитарные потери из-за вспыхнувшей эпидемии дизентерии [40, с. 282; 41, с. 365]. Болезнь затронула и выходца из Палевицкой волости Ивана Афанасьевича Прокушева [54, л. 59–63 об.; 59, л. 44 об.]. Позже полк участвовал во всех основных сухопутных сражениях войны, особенно отличился в бою у Гальулина [41, с. 421].

12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк прославился 15 июля 1904 г. успешными штыковыми контратаками в бою при Ташичао, удостоившись краткой и ёмкой характеристики командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина: «Полк молодецкий» [40, с. 302–303]. В сражении при Шахэ 29 сентября 1904 г. получил ранение младший унтер-офицер полка Александр Петрович Щеголев, уроженец деревни Пустошь Ленской волости [54, л. 80–82 об.]. В сражении под Мукденом десять рот Барнаульского полка были растянуты на позиции, которую следовало оборонять четырём полкам [41, с. 417–418]. В результате противник силами двух дивизий прорвал оборону на этом участке, что привело к окружению части русской армии [36, с. 317].

17-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, в котором числилось двое яренчан – Александр Иванович Игошин и Афанасий Иванович Туркин [12, л. 125 об.; 59, л. 45 об., 65 об.] – вёл оборонительные бои при Кангуалине, Ляояне и Мукдене, участвовал в неудачных наступлениях при Шахэ и Сандепу. С этим полком не следует путать 17-й стрелковый полк, входивший в 5-ю стрелковую дивизию Сводного стрелкового корпуса, которая прибыла в Маньчжурию в конце 1904 г., а в 1905 г. приняла участие в январском сражении при Сандепу и в февральской битве при Мукдене [43, с. 308, 334–338; 85, с. 25–27]. В 17-м стрелковом полку служил яренчанин Василий Николаевич Махин [21, л. 15 об.; 35, с. 1176].

Тесно связаны войной боевые судьбы 139-го Моршанского и 140-го Зарайского пехотных полков, составлявших вторую бригаду 35-й пехотной дивизии. А.Н. Куропаткин считал эти полки одними из лучших в Маньчжурской армии [40, с. 321]. Если в Зарайском полку числился единственный уроженец Яренского уезда – Николай Иванович Жданов, то в Моршанском – сразу восемь, что выделяет эту воинскую часть среди иных, где служили яренчане. Четверо из них погибли, двое пропали без вести, двое были ранены и уволены в отпуск по болезни.

«Моршанцы» и «зарайцы» приняли боевое крещение 2 июня 1904 г. под Вафангоу, хотя их участие в бою было кратковременным. Затем они участвовали во всех генеральных сражениях на маньчжурском театре войны: при Ляояне, Шахэ и Мукдене. В Шахэйском сражении полки ночной штыковой атакой с 28 на 29 сентября 1904 г. заняли тактически важное селение Ендониулу (Ендолиулу), позже оставленное без серьезного давления со стороны противника, исключительно по вине русского командования [41, с. 287, 316–317, 321–323]. В бою за Ендониулу получили ранения «моршанцы» Александр Балин из Айкинской волости, Егор Бочкин из Ленской волости, Андрей Прокушев из Палевицкой волости и Фёдор Соров из Важгортской волости. Александр Андреевич Балин и Андрей Александрович Прокушев впоследствии умерли от ран [8, с. 9; 26, л. 120–120 об.; 52, л. 5–5 об.].

Четверо яренчан служили в одной из наиболее активных кавалерийских частей русской армии – 51-м драгунском Черниговском полку. Полк прибыл на театр военных действий из Орла в июле 1904 г. и участвовал как в генеральных сражениях, так и в дальних кавалерийских рейдах и краткосрочных набегах [Подробно см.: 84]. Яркими боевыми эпизодами с участием полка стали рейд в глубокий тыл противника, к городу Инкоу, в декабре 1904 г., и взятие деревни Санвайза 18 июня 1905 г. Обе операции осуществлялись под руководством генерал-лейтенанта П.И. Мищенко. В бою под Инкоу в ночь с 30 на 31 декабря 1904 г. был ранен Василий Петрович Игошин из Айкинской волости, а Алексей Исаевич Андреев из Разгортской волости отличился в бою у Санвайзы и в упоминавшемся ранее бою за Ендониулу [11, с. 9; 19, л. 83–84; 54, л. 73–75; 35, с. 143, 435, 687].

Единственный яренчанин-сапёр – Александр Иванович Челпанов из села Жешарт – служил во 2-м Восточно-Сибирском сапёрном батальоне и имел боевой опыт, полученный ещё до русско-японской войны: ему довелось участвовать в международной интервенции в Китай при подавлении восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг. [51, л. 5–6 об.] Все пятеро яренчан-артиллеристов служили в одной воинской части – 5-м мортирном артиллерийском полку. Судьбы их сложились по-разному: Егор Зубов из Софроновской волости и Прокопий Шидьусов из Ленской волости вернулись на родину с высокими боевыми наградами, Иван Туркин из Коквицкой

волости стал инвалидом, Пётр Баев из Ленской волости остался невредим, а Лазарь Семуков из Айкинской волости навсегда лёг в маньчжурскую землю [16, л. 73; 17, л. 104, 106; 19, л. 44; 21, л. 40 об.; 35, с. 491, 806; 51, л. 27–28 об.; 54, л. 41–42 об.; 59, л. 65 об.].

Русско-японская война в основном велась на территории Китая и Кореи, и лишь в самом конце войны японцы ступили на русскую землю, высадив десант на Сахалине. Почти не укреплённый остров обороняли большей частью добровольцы из местных жителей, в том числе бывших каторжников, объединённые в народные дружины [36, с. 353]. Одним из таких дружинников стал ссыльный уроженец Княжпогостской волости Егор Леонтьевич Устеленцев. Однако ожидать серьёзного сопротивления регулярным воинским частям от плохо вооружённых и мало обученных ополченцев не приходилось. Сахалин был быстро занят противником, а Е. Л. Устеленцев взят в плен, и смог вернуться на родину только после войны [61, л. 109–110, 148–149].

Война убивала и калечила солдат не только на поле боя. Например, рядовой 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка Иван Афанасьевич Прокушев из деревни Прондор Палевицкой волости долгое время болел, затем «получил удар от лошади», и в результате уволен в отпуск на родину для поправления здоровья, позже признан инвалидом [22, л. 27 об.; 54, л. 59–63 об.; 59, л. 44 об.]. А канонир 3-й батареи 5-го мортирного артиллерийского полка Лазарь Фёдорович Семуков из села Семуково Айкинской волости, оставшись невредимым в боях, умер в Харбинском сводном госпитале № 1 вскоре после войны, 1 октября 1905 г. [51, л. 27–28 об.] Его имя завершает список потерь яренчан в столь неудачной для русского оружия войне.

Конечно, в сведения о боевых потерях неоднократно вкрадывались ошибки, что на войне не является редкостью. Позже эти ошибки выявлялись непосредственно на месте. Так, согласно данным военного министерства, нижние чины 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Пётр Бобылёв из Палевицкой волости и Александр Тесоловский из Серёговской волости числились убитыми в бою при Вафанвопэн (Вафангоу) 2 июня 1904 г., о чём надлежало сообщить их семьям. Однако, хотя родственников искали не только в указанных волостях, но и по всей территории уезда, выяснилось, что оба солдата «к уроженцам Яренского уезда не принадлежат» [27, л. 7–9 об.]. Позднее стало известно, что они являлись выходцами из Велико-Устюгского уезда: Пётр Бобылёв – из деревни Карино Палемской волости, а Александр Тесоловский – из деревни Скорятино Страдной волости, причём второй из них не погиб, а был ранен и взят в плен [6, с. 14; 14, л. 366 об.; 35, с. 975]. Причиной ошибки, очевидно, послужило сходство названий волостей.

Подобная история произошла и с ранеными в боях января-февраля 1905 г. рядовым 137-го пехотного Нежинского полка Василием Зюзиным, якобы из Турьинской волости, и младшим унтер-офицером 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александром Курочкиным, якобы из Серёговской волости. По сообщению яренского уездного исправника, в результате предпринятого поиска «родственников... Александра Курочкина ни в Яренском, ни в Усть-Сысольском уездах не обнаружено» и выяснено, что обеих фамилий в указанных волостях нет [9, с. 6; 10, с. 8; 27, л. 12–14, 18 об.–19]. Точное место рождения этих участников войны пока остаётся неизвестным.

Следует указать и на потенциально возможную ошибку в определении места рождения рядового 140-го пехотного Зарайского полка Семёна Ефимовича Чеусова, с 1912 г. получавшего в Яренском уездном казначействе пенсию, начисленную по боевой награде [18, л. 11; 21, л. 29 об.]. На самом деле он временно переехал в Яренский уезд из соседнего Усть-Сысольского, и являлся уроженцем села Вильгорт Вильгортской волости [7, с. 5; 62, л. 16]. Однако С.Е. Чеусов был далеко не единственным героем русско-японской войны, регулярно являвшимся в местное казначейство.

О героизме, проявленном яренчанами в ходе военных действий, наиболее ярко свидетельствуют именно полученные награды. Самой почётной боевой наградой того времени считался подразделявшийся на четыре степени Знак отличия Военного ордена, более известный как Георгиевский крест или, в простонародье, «Егорий». Этого знака были удостоены 15 яренчан (26 % от общего числа участников войны из Яренского уезда), из них двое (Алексей Исаевич Андреев и Николай Иванович Жданов) получили кресты двух степеней, а один (Василий Иванович Титов) – трёх степеней. По некоторым сведениям, Георгиевским кавалером числился также младший унтер-офицер 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка Александр Петрович Щеголев [54, л. 80–82 об.], но эта информация не подтверждается данными Капитула российских императорских и царских орденов.

Пожалования Знаком отличия Военного ордена производились строго по порядку степеней – от низшей 4-й к высшей первой, но ранее упоминавшийся сигнальщик «Бобра» Михаил Тарасович Лютоев имел Георгиевский крест только 3-й степени, что заставляет предположить либо ошибку при награждении, либо утрату сведений о пожаловании крестом 4-й степени. Второй вариант более вероятен, ибо впервые М.Т. Лютоев отличился при обстреле противника под Кинчжоу 13 мая 1904 г., а крест 3-й степени получил «за отличия, оказанные... 22 июня», когда «Бобр» вновь участвовал в обстреле береговых позиций неприятеля [35, с. 211; 70, с. 64].

Большинство наградных формулировок в документах Капитула российских императорских и царских орденов стереотипны и малоинформа-

тивны: «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией», «за разновременно оказанные заслуги в боях против японцев», «за личные подвиги, мужество и храбрость, оказанные разновременно». Однако иногда среди них встречаются яркие описания совершенных яренчанами подвигов. Так, кавалерист 51-го драгунского Черниговского полка Алексей Исаевич Андреев «в ночь с 28 на 29 сентября 1904 г., во время штурма деревни Эндониулу, под сильным огнём передавал приказания командира полка и доставил важные донесения»; а «18 июня 1905 г., в бою у деревни Санвайцзы, при атаке укрепленной позиции своим примером увлекал и ободрял своих товарищей. В этом бою был ранен, но оставил строй только по приказанию своих офицеров». Его сослуживец по полку Василий Петрович Игошин «30 декабря 1904 г., при атаке станции Инкоу, был ранен двумя пулями, но после перевязки возвратился в строй и выносил из-под огня противника раненых и убитых нижних чинов» [35, с. 143, 435, 687].

Однако самым «титулованным» по своим наградам среди героев-яренчан является защитник Порт-Артура, уроженец села Важгорт Василий Иванович Титов. Родился он 23 июля 1881 г. и призван на воинскую службу 20 ноября 1902 г., будучи к тому времени грамотным и холостым. Служил стрелком 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка – одного из девяти полков русской армии, оборонявших Порт-Артур. Пятому полку довелось отстаивать ключевые пункты обороны – сначала Кинчжоуский перешеек на Квантунском полуострове, где он в бою 13 мая 1904 г. в одиночку противостоял целой японской армии, а затем систему Угловых гор (Угловая, Плоская, Высокая...) в крепостной линии обороны. Героический полк стал единственной воинской частью, которая за русско-японскую войну удостоилась получения трёх боевых наград: Георгиевского знамени, Георгиевских труб и Георгиевских рожков [88, с. 217].

Стрелок пятого полка В.И. Титов был впервые ранен 13 мая в бою под Кинчжоу, затем 6 августа на Угловой горе при отражении первого штурма крепости, 17 ноября двумя осколками на Плоской горе, 22 ноября осколком в левую щеку на Высокой горе [54, л. 2–3 об.]. Как писал об этом на основе более поздних воспоминаний Н.И. Сурков, «вместе с кровью солдат выплюнул зубы, но не ушёл с поля боя» [86, с. 91]. Даже после серьёзных ранений В.И. Титов всегда оставался в строю, за что согласно орденскому статуту и получил все свои Георгиевские кресты [35, с. 65, 134, 1323]. При капитуляции крепости он оказался в японском плену, и лишь по окончании войны возвратился на родину.

Все уцелевшие участники войны награждались также серебряной (для участников обороны Порт-Артура), светло-бронзовой (для участников войны на других театрах военных действий) или тёмно-бронзовой (для служивших в тыловой зоне) медалью в память русско-японской вой-

ны 1904–1905 гг. Защищавшие Порт-Артур дополнительно награждались специальным памятным крестом, а совершившие морской переход вокруг Африки на кораблях 2-й Тихоокеанской эскадры – медалью в память этого похода [33, с. 141–143]. Традиции посмертных наградений в России того времени не существовало.

Однако независимо от полученных наград российские воины, находясь на фронте или в тылу, в плену или в госпитале, оставались незримо связаны со своей малой родиной, в первую очередь – с родной семьёй. Поэтому в связи с мобилизациями и боевыми потерями перед центральными и местными властями остро встал вопрос организации помощи семьям ушедших на фронт, а также пенсионного обеспечения увечных воинов и членов тех семей, которые навсегда остались без кормильца. Вопросами призрения сирот погибших на войне занимался так называемый «Алексеевский главный комитет», вопросами выплат пособий по ранениям – «Александровский комитет о раненых». Кроме государственных структур, вопросами предоставления помощи мобилизованным, ветеранам и членам их семей во время и после войны активно занимались земства и благотворительные общественные организации.

Земство помогало семьям, оказавшимся с уходом мужчины-кормильца на войну в сложном материальном положении. Если до начала массовой 8-й мобилизации ежемесячное пособие из средств земства в Яренском уезде получали жёны только восьми мобилизованных запасных [60, л. 193–194, 215], то в 1905 г. это количество возросло многократно. Пособия выплачивались и в 1906 г., вплоть до возвращения на родину последних мобилизованных. А в 1904 г. рассматривался даже вопрос размещения в Яренском уезде эвакуированных с Дальнего Востока больных и раненых. Согласно предписанию вологодского губернатора, таковых предполагалось разместить 135 человек, поэтому для их проживания были определены несколько частных домов в Яренске и близлежащей Софроновской волости [23, л. 1, 11–14]. Однако эвакуация пострадавших в столь глухой и небогатый уголок Российской империи, к счастью, не состоялась.

Обязательная выплата пособия полагалась сиротам погибших, но Яренский уездный воинский начальник летом 1906 г. в ответ на соответствующие запросы сообщал: «...в числе убитых, умерших от ран и пропавших без вести во время войны с Японией нижних чинов Яренского уезда женатых или имевших детей нет»; «детей, оставшихся после павших в войну с Японией нижних воинских чинов, нет» [59, л. 3; 61, л. 115]. Таким образом, военных сирот по уезду не числилось. Однако Алексеевский комитет назначал пособие не только сиротам погибших, но и детям нетрудоспособных инвалидов войны. Единственным ребёнком в Яренском уезде, получавшим такое пособие, была дочь комиссованного по ранению

стрелка Александра Ивановича Игошина Анна, родившаяся 24 января 1906 г. [59, л. 118 об., 149, 150]

Кроме сирот, с 1906 г. право на пенсию от казны в размере 36 рублей в год имели вдовы погибших и пропавших без вести, если подавали соответствующее заявление. На других членов семьи такое правило не распространялось, хотя они могли получать пособие от земских органов [55, л. 13–13 об.; 59, л. 1]. В 1904 г. лишь матери погибшего на «Енисее» Андриана Александровича Рогова Надежде Роговой после долгой переписки было выдано единовременное пособие в 20 рублей «на поддержание хозяйства» [24, л. 35 об.]. И только после войны родственники моряков получили право на выплачивавшееся Главным морским штабом «единовременное пособие из сумм, пожертвованных в пользу семейств морских чинов, погибших или пострадавших в войну с Японией» [25, л. 1].

Из вернувшихся на родину ветеранов войны право на пенсионные выплаты от казны имели инвалиды по ранениям и кавалеры боевых наград. Размер пенсий по ранениям зависел от тяжести полученных увечий, а пенсий по наградам – от воинского звания награждённого и статуса знака отличия. В итоге получаемые суммы существенно различались. Например, Герасим Тимофеевич Ширяев по званию рядового и Георгиевскому кресту 4-й степени получал всего лишь 1 рубль 15 копеек в год, а Николай Иванович Жданов по званию фельдфебеля и кресту 3-й степени – 16 рублей в год, но при этом Г.Т. Ширяев дополнительно получал 39-рублёвую пенсию по инвалидности [21, л. 5 об., 8 об., 43 об.]. Оба вида пенсий выдавались уездным казначейством приблизительно равными долями три раза в год, и в целом заслуженные ветераны войны не бедствовали.

Пенсии по царским наградам выдавались некоторое время и после прихода Советской власти, но вскоре эта практика была прекращена. 1 августа 1918 г. пенсионный отдел Народного комиссариата социального обеспечения в ответ на запрос Вологодского губернского отдела по назначению пенсий от казны военно-увечным сообщил, что «...пенсии за Георгиевские кресты и медали за упразднением Капитула орденов не выдаются». 12 августа 1918 г. об этом поставили в известность Яренское казначейство – «для исполнения» [20, л. 321]. Новая власть не жаловала героев «царской» войны, и она постепенно стала стираться в народной памяти...

Поэтому, чтобы надёжнее вернуть это нерядовое событие российской истории в местное историческое сознание, по итогам представленной информации следует провести краткий и показательный статистический подсчёт. Итак, из 58 яренчан – непосредственных участников сражений русско-японской войны – 23 служили во флоте, остальные в сухопутных частях. Моряки-яренчане числились в экипажах 16 кораблей 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр, в основном броненосцев и крейсеров. Десять моряков защища-

ли Порт-Артур, трое служили на владивостокских крейсерах, девять участвовали в Цусимском сражении, один – в Чемульпинском бою. Из яренчан, сражавшихся на сухопутье, 27 человек находились на маньчжурском театре военных действий, двое отстаивали Порт-Артур, один участвовал в обороне Сахалина, точное место службы пятерых не установлено.

Ни одно значимое вооружённое столкновение войны 1904–1905 гг. не проходило без участия яренчан. Помимо генеральных сражений на суше и на море, отмечено их присутствие во всех крупных боях. Всего в ходе войны 21 яренчанин погиб или умер от ран и болезней, 16 было ранено, двое пропало без вести, восемь (в том числе двое раненых) попали в плен. Сравнительно большое число погибших моряков (11 человек) объясняется специфическими условиями морской войны, когда члены экипажей массово гибнут со своими кораблями. Участниками войны представлены 12 волостей Яренского уезда и город Яренск, точное место рождения девяти человек пока неизвестно.

Статистический анализ позволяет выявить и ряд особенностей Яренского уезда как поставщика призывного контингента в российские вооружённые силы. Так, среди воевавших яренчан выявлено относительно немного унтер-офицеров – пятеро, что отчасти можно объяснить высоким процентом неграмотных из этого далёкого захолустного региона. До унтер-офицерских званий не дослужился никто из яренчан-моряков, которые преимущественно занимали не требовавшие высокой квалификации корабельные должности матросов и кочегаров. Это означает, что мало кто из местных призывников был знаком даже с речным судоходством, позволявшим легче освоить военно-морские специальности. Выше всех яренчан в служебной иерархии смог подняться произведённый в ходе войны из старшего унтер-офицера фельдфебель 1-й роты 140-го пехотного Зарайского полка Николай Иванович Жданов [21, л. 8 об.; 35, с. 165, 368], но этот пример смотрится исключением на общем фоне.

Интересной и труднообъяснимой особенностью Яренского уезда является весьма высокая доля служивших во флоте (40 %), артиллерии (9 %) и кавалерии (7 %). Редкостью в сравнении с другими уездами Вологодчины является и наличие среди яренчан двух ополченцев – в Порт-Артуре и на Сахалине, что наряду с большим числом мобилизованных за пределами Яренского уезда подтверждает широкое развитие отходничества среди местных крестьян [47, с. 28]. А высокий процент полученных наград и боевых потерь свидетельствует о том, что в целом яренчане проявили себя достойными воинами, не посрамившими славу русского оружия. В поражении, понесённом Российской империей, эти люди неповинны, и причины военных неудач 1904–1905 гг. следует искать отнюдь не в боевых качествах рядового личного состава отечественных армии и флота: ведь «рыба тухнет с головы».

Несмотря на объёмный корпус задействованных источников, представленные в данном исследовании цифры, конечно же, не являются окончательными. Известен ряд имён, в отношении которых пока нельзя сделать точного вывода: сражались ли эти люди на сопках Маньчжурии? Не учтены служившие в тыловых частях. Большое количество лакун остаётся и в представленных биографиях: зачастую неведомы даты рождения и смерти героев-яренчан, названия их родных деревень, место службы и воинское звание, обстоятельства совершённых подвигов, послевоенная судьба. И не всегда эту информацию можно получить в государственных архивах. Необходимо проводить исследовательскую работу на родине участников войны. А это означает, что перед местными краеведами отныне встаёт важная задача пополнения имеющихся данных. Ведь герои русско-японской войны, как и других неисчислимых войн российской истории, не заслужили забвения со стороны потомков. Поэтому на очереди стоит вопрос не только поиска новой информации, но и увековечения памяти героически сражавшихся и погибавших на Дальнем Востоке уроженцев Яренского уезда.

Приложение 1

Алфавитный список яренчан – участников русско-японской войны 1904–1905 гг.

(названия сёл и деревень даны в транскрипции начала XX века)

Андреев Алексей Исаевич. Деревня Нижневелибская Разгортской волости. Холост. Рядовой, затем ефрейтор 6-го эскадрона 51-го драгунского Черниговского полка. Ранен у деревни Санвайзы 18 июня 1905 г. Кавалер Знаков отличия Военного ордена IV ст. № 111153 – «в ночь с 28 на 29 сентября 1904 г., во время штурма деревни Эндониулу, под сильным огнём передавал приказание командира полка и доставил важные донесения»; и III ст. № 10006 – «18 июня 1905 г., в бою у деревни Санвайцзы, при атаке укреплённой позиции своим примером увлекал и ободрял своих товарищей. В этом бою был ранен, но оставил строй только по приказанию своих офицеров». Первоначально был ошибочно награждён Знаком отличия Военного ордена IV ст. № 195905 – «в бою 18 июня 1905 г., будучи ранен, оставался в строю до конца боя»; в 1909 г. произведена замена на крест III ст. № 10006.

Баев Пётр Иванович. Деревня Артемовско-Сидоровская Ленской волости. Родился 25 июня 1879 г. Призван в 1900 г. Холост. Младший мастеровой 3-й батареи 5-го мортирного артиллерийского полка.

Балин (Былин) Александр Андреевич. Село Шежамское Айкинской волости. Призван в 1900 г. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка. Ранен в Шахэйском сражении 29 сентября 1904 г. Ошибочно числился пропавшим без вести. Скончался от ран 10 октября 1904 г.

Белых Дмитрий Михайлович. Деревня Гавриловская Палевицкой волости. Родился 18 сентября 1876 г. Призван в 1897 г. Холост. Комендор мореходной канонерской лодки «Кореец». Участник Чемульпинского боя 27 января 1904 г. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 97959 «за отличие 27 января 1904 г. при Чемульпо». Скончался 11 апреля 1931 г.

Белых Михаил Степанович. Село Палевицкое Палевицкой волости. Родился в 1875 г. Холост. Старший водолаз крейсера I ранга «Дмитрий Донской». Погиб в Цусимском бою 15 мая 1905 г.: убит «у фок-мачты на верхней палубе, разорвавшимся снарядом».

Бочкин Егор. Деревня Княжинье Ленской волости. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка. Ранен в Шахэйском сражении 29 сентября 1904 г., пропал без вести в Мукденском сражении у деревни Ханченпу 22 февраля 1905 г.

Гулынин Иван Афанасьевич. Деревня Базлук Софроновской волости. Холост. Кочегар 1-й статьи эскадренного броненосца «Ослябя». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Жданов Николай Иванович. Старший унтер-офицер, затем фельдфебель 1-й роты 140-го пехотного Зарайского полка. Кавалер Знаков отличия Военного ордена IV ст. № 105452 «за мужество и храбрость, оказанные им в боях с японцами 13-21 августа 1904 г. под Ляояном»; и III ст. № 12583 – «будучи ранен, остался в строю».

Засорин Михаил Иванович. После войны проживал в чужом подворье в деревне Микшина Гора Софроновской волости. Матрос 2-й статьи Сибирского флотского экипажа. Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся на родину. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 165367 «за мужество и храбрость, оказанные им одновременно в боях против японцев при обороне крепости Порт-Артур».

Захаров Иван Иванович. Холост. Машинист 1-й статьи эскадренного броненосца «Ослябя». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Зиновьев Афанасий. Деревня Ибская. Призван в 1900 г. Холост. Машинист 1-й статьи эскадренного броненосца «Цесаревич». Участник обороны Порт-Артура. После морского боя 28 июля 1904 г. вместе с броненосцем интернирован в Циндао до конца войны.

Зиновьев Сергей. Деревня Ибская. Призван в 1902 г. Холост. Матрос 2-й статьи эскадренного броненосца «Цесаревич». Участник обороны Порт-Артура. После морского боя 28 июля 1904 г. вместе с броненосцем интернирован в Циндао до конца войны.

Зубов Егор Михайлович. Деревня Червинская Софроновской волости. Бомбардир-наводчик 3-й батареи 5-го мортирного артиллерийского полка. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 144363

«за личные подвиги, мужество и храбрость, оказанные разновременно в боях против японцев».

Ивкин Степан Михайлович. Деревня Муфтыга Важгортской волости. Родился в 1881 г. Холост. Матрос 2-й статьи транспорта-мастерской «Камчатка». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Игошин (Егошин) Александр Иванович. Село Ляльское Серёгово-Горской волости. Родился 26 августа 1880 г. Призван в 1901 г. Холост. Стрелок 11-й роты 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Ранен в голову на Кангуалинской позиции 18 июля 1904 г., уволен от службы по ранению 3 февраля 1905 г. Инвалид войны.

Игошин (Егошин) Василий Петрович. Деревня Кырсинская Айкинской волости. Родился 1 января 1881 г. Призван в 1902 г. Холост. Рядовой 3-го эскадрона 51-го драгунского Черниговского полка. Ранен в правую ногу у станции Инкоу в ночь с 30 на 31 декабря 1904 г. Контужен. Инвалид войны. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 133460 – «30 декабря 1904 г., при атаке станции Инкоу, был ранен двумя пулями, но после перевязки возвратился в строй и выносил из-под огня противника раненых и убитых нижних чинов».

Истомин Иван Петрович. Деревня Васильевская Ленской волости. Рядовой. Обстоятельства участия в войне неизвестны. Погиб.

Карпов Георгий (Егор) Дормидонтович (Дорофеевич). Село Глотовское Глотовской волости. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка. Ошибочно числился пропавшим без вести в Ляоянском сражении у деревни Сыкватунь 20 августа 1904 г. Убит в Мукденском сражении у Чёрной Роши в ночь с 14 на 15 февраля 1905 г.

Кобычев Михаил Петрович. Деревня Верхний Конец (Сара) Ленской волости. Холост. Кочегар 2-й статьи эскадренного броненосца «Князь Суворов». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Коняев Михаил Степанович. Деревня Тыдорская Айкинской волости. Родился 21 сентября 1879 г. Призван в 1900 г. Холост. Рядовой 138-го пехотного Болховского полка. «За неисправимо дурное поведение» переведён в разряд штрафованных и подвергнут тюремному заключению.

Крашенинников Василий Павлович. Город Яренск. Женат. Призван в 1902 г. Матрос 2-й статьи, затем кочегар 2-й статьи крейсера I ранга «Олег». Ранен в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Лалин Афанасий. Деревня Отлинская Княжпогостской волости. Холост. Стрелок 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Ранен у деревни Ляньдянясья 28 июля 1904 г. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 95046 «за разновременно оказанные заслуги в боях против японцев».

Леушев Андрей Афанасьевич. Деревня Микшина Гора Софроновской волости. Холост. Матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Князь Суворов». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Люосев Алексей Агафонович. Село Княжпогостское Княжпогостской волости. Рядовой. Обстоятельства участия в войне неизвестны. Погиб.

Люосев Василий Иванович. Село Княжпогостское Княжпогостской волости. Холост. Старший марсовой эскадренного броненосца «Петропавловск». Погиб при взрыве «Петропавловска» 31 марта 1904 г.

Лютюев (Лютаев) Михаил Тарасович. Деревня Башлыковская Серёговской волости. Сигнальщик мореходной канонерской лодки «Бобр». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся на родину. Кавалер Знака отличия Военного ордена III ст. № 27229 «за отличия, оказанные им во время военных действий против Японии 22 июня 1904 г.».

Лютюев Николай Павлович. Деревня Арабацкая Айкинской волости. Мобилизован 8 августа 1904 г. в Мезени. Холост. Рядовой. Погиб в Ляоянском сражении.

Матвеев Егор Матвеевич. Деревня Ипатовская Палевицкой волости. Матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Победа». Погиб на редуте № 1 во время первого штурма Порт-Артура 9 августа 1904 г.

Махин Василий Николаевич. Старший унтер-офицер 17-го стрелкового полка. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 175469 «за мужество и храбрость, оказанные им разновременно в боях против японцев».

Михалев Михаил. Призван в 1898 г. Минёр крейсера I ранга «Громобой». Участник походов Владивостокского отряда крейсеров.

Михалев Степан Иванович. Деревня Захарьинская Ленской волости. Дружинник 8-й дружины крепости Порт-Артур.

Москательников Андрей. Призван в 1897 г. Гальванёр крейсера I ранга «Громобой». Участник походов Владивостокского отряда крейсеров.

Нефедов Иван. Деревня Керосская Коквицкой волости. Холост. Рядовой 139-го пехотного Моршанского полка. Пропал без вести в Ляоянском сражении у деревни Сыкватунь 20 августа 1904 г.

Окулов (Акулов) Михаил Алексеевич. Деревня Керосская Коквицкой волости. Родился 25 октября 1875 г. Призван в 1897 г. Холост. Комендор крейсера I ранга «Рюрик». Участник походов Владивостокского отряда крейсеров. Тяжело ранен и взят в плен после гибели «Рюрика» в бою 1 августа 1904 г., по окончании войны вернулся в Россию. Инвалид войны. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 202137 «за бой 1 августа 1904 г.»: «Будучи раненым, не покидал своё орудие, пока его орудие не было совсем выведено из действия. Своей молодецкой работой подавал пример и ободрял прислугу».

Осипов Савватий Степанович. Село Слудское Палевицкой волости. Рядовой. Обстоятельства участия в войне неизвестны. Погиб.

Остапов Пётр Артемьевич. Деревня Кривонаволоцкая Важгортской волости. Рядовой 51-го драгунского Черниговского полка. Ранен. Инвалид войны. Скончался 1 мая 1912 г.

Пологрудов (Полугрудов) Сысой Алексеевич. Деревня Ипатовская Палевицкой волости. Родился 4 июля 1880 г. Призван в 1901 г. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка. Ошибочно числился пропавшим без вести в Мукденском сражении у деревни Ханченпу 20 или 22 февраля 1905 г. Ранен в Мукденском сражении, уволен в отпуск по болезни, вернулся на родину.

Прокушев Андрей Александрович. Село Палевицкое Палевицкой волости. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка. Ранен в Шахэйском сражении 29 сентября 1904 г. Погиб или умер от ран.

Прокушев Иван Афанасьевич. Деревня Прондорская Палевицкой волости. Родился 1 января 1867 г. Мобилизован 15 марта 1904 г. Женат. Рядовой 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка. Болел в Таоцяо, получил удар от лошади в Мукдене. Уволен в отпуск на родину на 1 год для поправления здоровья 23 декабря 1904 г. Инвалид войны.

Пудов Дмитрий Иванович. Село Шешецкое Княжпогостской волости. Призван в 1897 г. Холост. Матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Император Николай I». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Растегаев Николай Николаевич. Село Жешартское Жешартской волости. Кочегар 1-й статьи крейсера I ранга «Баян». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся на родину. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 178129 «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 22 ноября 1904 г.».

Рогов Андриан Александрович. Деревня Ипатовская Палевицкой волости. Родился 17 марта 1876 г. Призван в 1897 г. Холост. Кочегар 1-й статьи минного транспорта «Енисей». Погиб вместе с кораблём при подрыве «Енисея» на mine в Талиенванском заливе 29 января 1904 г.

Рычков Иван Иванович. Деревня Керосская Коквицкой волости. Рядовой 139-го пехотного Моршанского полка. Погиб.

Семуков Лазарь Фёдорович. Село Семуково-Керосское Айкинской волости. Родился 4 ноября 1878 г. Призван в 1900 г. Холост. Канонир 3-й батареи 5-го мортирного артиллерийского полка. Ранен и контужен не был, увечий не получал. Умер в Харбинском сводном госпитале № 1 1 октября 1905 г.

Соров Фёдор Филиппович. Деревня Кривонаволоцкая Важгортской волости. Холост. Рядовой 12-й роты 139-го пехотного Моршанского полка.

Ранен в Шахэйском сражении 29 сентября 1904 г. Уволен в отпуск по болезни, исключён из списков полка 25 марта 1905 г. Инвалид войны.

Титов Василий Иванович. Село Важгортское Важгортской волости. Родился 23 июля 1881 г. Призван в 1902 г. Холост. Стрелок 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Участник обороны Порт-Артура. Ранен 13 мая 1904 г. в бою под Кинчжоу, 6 августа 1904 г. на Угловой горе шрапнельной пулей в ногу навывлет «при отражении неприятеля», 17 ноября 1904 г. легко двумя осколками на Плоской горе, 22 ноября 1904 г. осколком в левую щеку на Высокой горе. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию. Инвалид войны. Кавалер Знаков отличия Военного ордена IV ст. № 188097 – «в бою 13 мая 1904 г. был ранен, но остался в строю»; III ст. № 9390 – «в бою 7 августа 1904 г. на Угловой горе был ранен, но остался в строю»; II ст. № 3612 – «в бою 22 ноября 1904 г. был ранен в лицо, но остался в строю».

Трофимов Зосим (Изосим) Семёнович. Деревня Разгортская Разгортской волости. Родился 16 апреля 1881 г. Призван в 1902 г. Холост. До службы «был кочегаром на фабрике и смазчиком, а также матросом парусного судна». Матрос 2-й статьи, с 15 октября 1904 г. – кочегар 2-й статьи эскадренного броненосца «Наварин». Погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.

Туркин Афанасий Иванович. Село Оквадское Коквицкой волости. Стрелок 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Ранен.

Туркин Иван Филиппович. Деревня Керосская Коквицкой волости. Бомбардир 5-го мортирного артиллерийского полка. Ранен. Инвалид войны.

Устеленцев Егор Леонтьевич. Княжпогостская волость. Дружинник 8-й народной Сахалинской дружины. Участник обороны Сахалина. Взят в плен, по окончании войны вернулся на родину.

Челпанов Александр Иванович. Село Жешартское Жешартской волости. Родился 8 ноября 1877 г. Призван в 1899 г. Холост. До службы – столяр. Участник похода в Китай в 1900-1901 гг. Рядовой 2-й сапёрной роты 2-го Восточно-Сибирского сапёрного батальона. Уволен в 4-месячный отпуск на родину для поправления здоровья 4 июня 1905 г.

Челпанов Матвей Максимович. Деревня Вездинская Айкинской волости. Рядовой. Обстоятельства участия в войне неизвестны. Погиб.

Чукичев Максим. Деревня Вездинская Айкинской волости. Женат. Стрелок 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Ранен в Тюренченском бою у деревень Потетанцзы и Чингоу 18 апреля 1904 г.

Шангин Василий Ильич. Деревня Шубинская Ленской волости. Матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Победа». Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся на родину. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 177620 «за от-

личие, оказанное во время военных действий с Японией, а именно 19 декабря 1904 г.».

Шидьюсов Прокопий Васильевич. Ленская волость. Взводный фейерверкер 5-го мортирного артиллерийского полка. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 115545 «за отличия, оказанные им в делах против японцев».

Шиптунов Степан Степанович. Кочегар 1-й статьи Квантунского флотского экипажа. Участник обороны Порт-Артура. Пленён при сдаче крепости, по окончании войны вернулся в Россию.

Ширяев Герасим Тимофеевич. Деревня Островская Важгортской волости. Родился 28 февраля 1881 г. Призван в 1902 г. Холост. Рядовой 51-го драгунского Черниговского полка. Ранен в левый бок навывлет в Мукденском сражении 18 февраля 1905 г. Уволен в отпуск на родину на 1 год для поправления здоровья 2 мая 1905 г. Инвалид войны. Кавалер Знака отличия Военного ордена IV ст. № 133458 – «18 февраля 1905 г., будучи в разъезде, был ранен и после перевязки возвратился в строй».

Щеголев Александр Петрович. Деревня Пустошь Ленской волости. Родился 3 августа 1868 г. Мобилизован в 1904 г. Холост. Младший унтер-офицер 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка. Ранен в Шахэйском сражении 29 сентября 1904 г.

Приложение 2

Список воинских частей, в которых служили яренчане – участники русско-японской войны 1904–1905 гг.

1-я эскадра Тихого океана:

Эскадренный броненосец «Петропавловск» 2-го флотского экипажа (1).

Эскадренный броненосец «Победа» 19-го флотского экипажа (2).

Эскадренный броненосец «Цесаревич» 20-го флотского экипажа (2).

Крейсер I ранга «Баян» 7-го флотского экипажа (1).

Крейсер I ранга «Громобой» 3-го флотского экипажа (2).

Крейсер I ранга «Рюрик» 17-го флотского экипажа (1).

Минный транспорт «Енисей» 13-го флотского экипажа (1).

Мореходная канонерская лодка «Бобр» Сибирского флотского экипажа (1).

Мореходная канонерская лодка «Кореец» Сибирского флотского экипажа (1).

Квантунский флотский экипаж (1).

Сибирский флотский экипаж (1).

2-я эскадра Тихого океана:

Эскадренный броненосец «Император Николай I» 17-го флотского экипажа (1).

Эскадренный броненосец «Князь Суворов» 16-го флотского экипажа (2).

Эскадренный броненосец «Ослябя» 10-го флотского экипажа (2).

Эскадренный броненосец «Наварин» 9-го флотского экипажа (1).

Крейсер I ранга «Дмитрий Донской» 9-го флотского экипажа (1).

Крейсер I ранга «Олег» 18-го флотского экипажа (1).

Транспорт-мастерская «Камчатка» 8-го флотского экипажа (1).

Стрелковые части:

5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (1).

17-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полк (2).

22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (2).

17-й стрелковый полк (1).

Пехотные части:

7-й пехотный Сибирский Красноярский полк (1).

12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк (1).

138-й пехотный Болховский полк (1).

139-й пехотный Моршанский полк (8).

140-й пехотный Зарайский полк (1).

Сапёрные части:

2-й Восточно-Сибирский сапёрный батальон (1).

Кавалерия:

51-й драгунский Черниговский Её Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны полк (4).

Артиллерия:

5-й мортирный артиллерийский полк (5).

Ополчение:

8-я дружина крепости Порт-Артур (1).

8-я народная Сахалинская дружина (1).

Место службы неизвестно: 5.

Приложение 3

Перечень упомянутых волостей Яренского уезда с указанием современной территориальной принадлежности

Айкинская волость (Усть-Вымский район Республики Коми).

Важгортская волость (Удорский район Республики Коми).

Глотовская волость (Удорский район Республики Коми).

Ёртомская волость (Удорский район Республики Коми).
 Жешартская волость (Усть-Вымский район Республики Коми).
 Коквицкая волость (Усть-Вымский район Республики Коми).
 Княжпогостская волость (Княжпогостский район Республики Коми).
 Ленская волость (Ленский район Архангельской области).
 Палевицкая волость (Сыктывдинский район Республики Коми).
 Разгортская волость (Удорский район Республики Коми).
 Серёговская волость (Княжпогостский район Республики Коми).
 Серёгово-Горская волость (Княжпогостский район Республики Коми).
 Софроновская волость (Ленский район Архангельской области).

Источники и литература

1. Александровский, Г.[Б.] Цусимский бой / Г.[Б.]Александровский. – Санкт-Петербург: Русская симфония, 2005.
2. Аллилуев, А.А. Полуброненосные фрегаты типа «Дмитрий Донской». 1881–1905 гг. / А.А. Аллилуев. – Санкт-Петербург: Издатель Р.Р. Муниров, 2006.
3. Апушкин, В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / В.А. Апушкин // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005.
4. Арбузов, В.В. Броненосец «Наварин» / В.В. Арбузов. – Санкт-Петербург: Корабли и сражения, 1998.
5. Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). – 1904. – № 33.
6. ВГВ. – 1904. – № 35.
7. ВГВ. – 1904. – № 52.
8. ВГВ. – 1905. – № 46.
9. ВГВ. – 1906. – № 4.
10. ВГВ. – 1906. – № 8.
11. ВГВ. – 1906. – № 10.
12. Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 2216.
13. ВУЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 551.
14. ВУЦА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 511.
15. Виноградов, С.Е. Броненосный крейсер «Баян» / С.Е. Виноградов, А.Д. Федечкин. – Санкт-Петербург: Галей Принт, 2005.
16. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 20.
17. ГААО. Ф. 861. Оп. 2. Д. 1173.
18. ГААО. Ф. 861. Оп. 2. Д. 1260.
19. ГААО. Ф. 861. Оп. 2. Д. 1295.
20. ГААО. Ф. 861. Оп. 2. Д. 1541.
21. ГААО. Ф. 861. Оп. 3. Д. 555.
22. ГААО. Ф. 861. Оп. 3. Д. 583.
23. ГААО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 28.
24. ГААО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 32.

25. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 4060.
26. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136.
27. ГАВО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1571.
28. ГАВО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 3781.
29. ГАВО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 3787.
30. ГАВО. Ф. 726. Оп. 3. Д. 387.
31. Гладких, С.А. Роковая «восьмёрка» вице-адмирала С.О. Макарова / С.А. Гладких // Гангут. – 2007. – Вып. 44.
32. Дневник неизвестного моряка с эскадренного броненосца «Орёл» (17 сентября 1904 года – 19 мая 1905 года) // Гладких С.А. Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. – Санкт-Петербург: Морское наследие, 2013.
33. Дуров, В.А. Русские награды XVIII – начала XX в. / В.А. Дуров. – Москва: Просвещение, 1997.
34. Егорьев, В.Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. / В.Е. Егорьев. – Москва–Ленинград: Военмориздат, 1939.
35. Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва: [б.и.], 2006.
36. История русско-японской войны 1904–1905 гг. – Москва: Наука, 1977.
37. Катаев, В.И. Мореходные канонерские лодки типа «Кореец» / В.И. Катаев. – Санкт-Петербург: Галей Принт, 2006.
38. Крестьянинов, В. Я. Морская минная война у Порт-Артура: Минные и противоминные действия русского флота при обороне Порт-Артура в 1904 г. / В. Я. Крестьянинов. – Санкт-Петербург: Издатель М. А. Леонов, 2006.
39. Крестьянинов, В. Я. Цусимское сражение 14-15 мая 1905 г. / В. Я. Крестьянинов. – Санкт-Петербург: Галей Принт, 1998.
40. Куропаткин, А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина / А. Н. Куропаткин. – Москва: ГПИБ, 2010.
41. Куропаткин, А. Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны / А. Н. Куропаткин. – Санкт-Петербург: Полигон, 2002.
42. Кызыуров, Л. А. Участие яренских моряков в русско-японской войне 1904–1905 гг. / Л. А. Кызыуров // Межкультурные связи народов России на Европейском Севере. – Сыктывкар: [б.и.], 2018.
43. Левицкий, Н. А. Русско-японская война / Н. А. Левицкий, П. Д. Быков. – Москва: Эксмо, Изографус; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003.
44. Ленский район Архангельской области. / Сост. О. А. Угрюмов. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2006.
45. Летопись войны с Японией. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. – № 4.
46. Летопись войны с Японией. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. – № 16.
47. Лукошников, В. А. Яренск: Яренский уезд – Ленский район / В. А. Лукошников. – Сыктывкар: [б.и.], 1994.

48. Мельников, Р.М. «Цесаревич». Ч. I. Эскадренный броненосец. 1899–1906 гг. / Р.М. Мельников. – Санкт-Петербург: Корабли и сражения, 2000.

49. Мельников, Р.М. Броненосцы типа «Пересвет» / Р.М. Мельников. – Москва: Военная книга, 2006.

50. На сопках Маньчжурии (коми-зыряне в русско-японской войне 1904–1905 годов) [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: http://na.rkomi.ru/s53v.files/Obnovlennaja_Ucnastniki_russko_japonskoj_voini1904_1905_godov.ppsx (дата обращения: 11.01.2022 г.).

51. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 280.

52. НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 343.

53. НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 351.

54. НАРК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 364.

55. НАРК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 21.

56. НАРК. Ф. 103. Оп. 1. Д. 261.

57. НАРК. Ф. 103. Оп. 1. Д. 262.

58. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1102.

59. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1105.

60. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1131.

61. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1145.

62. НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 17.

63. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1905.

64. Обзор Вологодской губернии за 1905 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1906.

65. Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Т. 1. Военные действия против русской эскадры в Порт-Артуре. – Санкт-Петербург: Типография Морского министерства, 1909.

66. Паршуков, В.Ф. Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг» / В.Ф. Паршуков // Красное знамя. – 1994. – 9 февраля.

67. Паршуков, В.Ф. Матросы из песни / В.Ф. Паршуков // Дым Отечества: Историко-краеведческий выпуск газеты «Республика». – 2002. – 25 мая.

68. Паршуков, В.Ф. Матросы из песни / В.Ф. Паршуков // Участие жителей Коми края в войнах и вооружённых конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2004. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 1).

69. Полутов, А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне / А.В. Полутов. – Владивосток: Русский остров, 2009.

70. Порт-Артур: Действия флота в 1904 году. – Санкт-Петербург: АНТТ-Принт, 2003.

71. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 7.

72. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 20.

73. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 173.

74. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 174.

75. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 404.
76. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 409.
77. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 440.
78. РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 450.
79. РГАВМФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 19.
80. Россия. Энциклопедический словарь. – Ленинград: Лениздат, 1991.
81. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел III. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Действия на южном морском театре войны. Вып. 4. Период командования эскадрой в Порт-Артуре контр-адмирала Витгефта (22 апреля – 28 июля 1904 года). – Санкт-Петербург: Типография Морского министерства, 1913.
82. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел IV. 2-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 3. Бой 14–15 мая 1905 года. Вып. 2. Донесения и описания участников боя. – Санкт-Петербург: Типография Морского министерства, 1907.
83. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. VIII. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 2. От начала тесного обложения до конца осады (17 июля – 20 декабря 1904 года). – Санкт-Петербург: Типография И. Шурухт, 1910.
84. Сребрянский, М.[В.] Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке / М.[В.]Сребрянский. – Москва: Отчий дом, 1996.
85. Стрелковые части. – Санкт-Петербург: Типография В.Д. Смирнова, 1910.
86. Сурков, Н.И. На службе Отечеству / Н.И. Сурков. – Сыктывкар: Коми пед-институт, 2011.
87. Тихонов, А.И. Как погиб в Цусимском бою транспорт «Камчатка» / А.И. Тихонов. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2000.
88. Третьяков, Б.Н. 5-й полк / Б.Н. Третьяков // Порт-Артур. Воспоминания участников. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

ЛЕТЧИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИВАН ОГНЁВ

***Аннотация:** В статье рассматривается военная биография Ивана Николаевича Огнёва (1894–1917), служившего в Эскадре Воздушных Кораблей в 1916–1917 гг. Автор акцентирует внимание на истории семьи Огнёвых, связанной с Вятской губернией, где прошли детские и юношеские годы будущего летчика. На основе личной переписки Огнёва реконструируется его служба. Автор заключает, что деятельность И.Н. Огнёва – яркий пример доблести и профессионализма в освоении новых видов военной техники Русской армии.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, И.Н. Огнёв, самолет «Илья Муромец», И.И. Сикорский, Эскадра Воздушных Кораблей*

В годы Первой мировой войны в Русской армии для разведки и налетов на противника использовался многомоторный самолет «Илья Муромец», разработанный молодым конструктором Игорем Ивановичем Сикорским (1889–1972). Это был первый в мире тяжелый бомбардировщик, который выпускался на Русско-Балтийском вагонном заводе. И хотя первое летное испытание этого самолета обернулось аварией, он быстро был восстановлен и в феврале 1914 г. установил мировой рекорд по максимальному числу пассажиров – 16 человек пять часов находились в воздухе на одном борту [1, с. 161; 3, с. 62]. В дальнейшем «Муромец» успешно совершил перелет из Петрограда в Киев и обратно, установив ряд мировых достижений. Самолетом заинтересовалось военное ведомство, которое приняло решение о заказе заводу десяти таких самолетов.

Известно, что первые «Муромцы» вылетели на Северо-Западный фронт в августе 1914 г., и уже в самом начале Первой мировой войны было понятно, что русская авиация обладает ценным воздушным кораблем, хотя на самом высоком уровне нашлись и противники использования этого самолета в военных целях [1, с. 162–163]. Тем не менее в декабре 1914 г. на основе десяти «Муромцев» была сформирована Эскадра Воздушных Кораблей под командованием генерал-майора Михаила Владимировича Шидловского (1856–1921), месторасположение которой менялось в зависимости от текущей ситуации на фронте: Яблонна (под Варшавой), Белосток, Лида, Псков, Винница.

* Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, профессор Вятского государственного университета, г. Киров.

Одним из тех, кто принимал участие в освоении тяжелой русской авиации, являлся Иван Николаевич Огнёв (1894–1917), военная биография которого малоизвестна, и ее рассмотрению посвящена наша статья. Источниками информации об Огнёве послужили документальные материалы, содержащиеся в фондах Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена и Центрального государственного архива Кировской области; материалы его переписки с семьей, опубликованные Н.А. Зубковой [2].

Иван Огнёв происходил из высокообразованной священнической семьи уроженцев Вятской и Пермской губерний. Его дед, Василий Иванович Огнёв (1837–1884), после окончания Вятской духовной семинарии и Казанской духовной академии преподавал словесность в Пермской духовной семинарии и стал ее инспектором. Отличался пытливым умом, богатством знаний, свободомыслием и добросердечием. В 1873 г. он перешел на службу в Вятскую епархию и почти одиннадцать лет, до самой смерти, священнодействовал в местных церквях. Василий Иванович собрал большую домашнюю библиотеку и сам занимался сочинительством – изучал историю церкви и церковных книг, разрабатывал тему «Вятская епархия и Пугачев». Еще он записывал факты своей биографии и события семейной жизни на пустых страницах в «Месяцослове всех святых...», ставшем его своеобразным дневником, а после смерти В.И. Огнёва «Месяцослов...» продолжали вести его потомки [4].

В обстановке любви к книге и истории, молитвенного слова воспитывался сын Василия Ивановича Николай (1864–1918), отец И.Н. Огнёва. У Николая Васильевича была сложная и драматичная судьба, в которой политические события начала XX столетия переплелись с его желанием провести общественное переустройство [8, с. 88–114]. Сначала Николай решил идти по отцовским стопам: выбрав священнический путь, он учился в Вятском духовном училище, после – стал выпускником Вятской духовной семинарии. Окончив ее в 1886 г., Н.В. Огнёв недолго преподавал русский язык в Глазовском духовном училище, затем продолжил образование в Санкт-Петербургской духовной академии, где получил степень кандидата богословия. Вернувшись в Вятскую губернию и находясь на службе в сельских и городских храмах, занимаясь также педагогической деятельностью, он прошел путь от псаломщика до протоиерея.

Осенью 1904 г. Николай Васильевич перешел на службу в Троицкую церковь г. Яранска. В самый разгар Первой российской революции он организовал и провел пастырские собрания, на которых открыто обсуждались вопросы необходимости церковного обновления. Огнёв стал одним из организаторов и председателем Яранского уездного комитета кадетской партии. Тогда же, в 1906 г., был избран членом I Государственной Думы от Вятской губернии.

Несмотря на короткий срок деятельности первой Думы, Н.В. Огнёв успел ярко проявить себя: на одном из ее заседаний он выступил с речью, в которой заявил о необходимости отмены смертной казни в России. «...Ясен приговор религии Христа, — заявил он, — что никакое правительство, никакая власть на земле не имеет права отнимать жизнь у человека»; его доклад несколько раз прерывался аплодисментами [6, с. 10].

Будучи депутатом, Николай Васильевич присутствовал на собраниях крестьян Петербургской губернии, на которых выступал с антиправительственными речами, призывая в них со ссылкой на Священное Писание к отмене смертной казни. Выступал он и как публицист, размещая свои материалы в кадетской газете «Речь» и в других изданиях.

После роспуска I Государственной Думы Н.В. Огнёв был в числе подписавших Выборгское воззвание депутатов, призывавших население «не давать ни копейки в казну и ни одного солдата в армию» [10, л. 84–84 об.]. Вслед за этим в его судьбе произошел новый поворот: Синод запретил Огнёву проводить богослужения, а в начале 1907 г. за антиправительственную деятельность его выслали из Вятской губернии. За подписание Выборгского воззвания он привлекался к уголовной ответственности, сидел три месяца в одиночной камере в тюрьме. Там он вел дневник. Отбыв наказание, Николай Васильевич жил в Петербурге, где обучался в университете на юриста, и впоследствии, вернувшись в Вятку, поступил на службу в окружной суд.

Изменения в политической жизни страны, произошедшие в 1917 г., вновь вывели Н.В. Огнёва на авансцену истории: он назначался помощником-заместителем вятского губернского комиссара Временного правительства, входил в президиум Вятского временного комитета кадетской партии, избирался гласным в Вятскую городскую думу по ее списку, был первым в списке кандидатов в депутаты Учредительного собрания по Вятской губернии от партии народной свободы. С приходом к власти большевиков в Вятской губернии ещё непродолжительное время сохранялось многовластие, но в новой политической ситуации уже не было места для бывшего депутата Государственной Думы, священника, кадета, последователя Временного правительства. Н.В. Огнёв был арестован как заложник и расстрелян «в ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина». «Боже, храни Россию» — последние слова его предсмертной записки родным [2, с. 73].

У Николая Васильевича с супругой Татьяной Ивановной была большая семья. Своих детей — трех сыновей (Ивана, Гавриила, Василия) и трех дочерей (Марию, Александру, Екатерину) — он воспитывал в строгости, с малолетства приучал их быть самостоятельными, по вечерам читал им классику из собственной библиотеки, в которой были произведения передовых литераторов своего времени: Пушкина, Белинского, Добролюбова, Писарева и других.

Дети Огнёва любили совершать путешествия – как пешие, так и по реке Вятке, причем заводилой был старший сын Иван, проявлявший изобретательность. Для водных прогулок он оборудовал парусное снаряжение, интересовался фотоделом. В «Месяцослове...» есть запись: «1904 года, августа 16-го, внук мой Иван Огнев поступил в Вят[ское] реальное училище» [4]. После его окончания он стал готовиться к поступлению в высшее учебное заведение. Зимой 1909-1910 гг. вместе с сестрой Марией, ученицей 8-го класса Вятской Мариинской женской гимназии, Иван усердно осваивал латынь на дому у учителя Н.А. Падарина для сдачи экзамена на аттестат зрелости, и впоследствии успешно его сдал [11, л. 93–94]. Затем были годы учёбы на физико-математическом факультете Петербургского (Петроградского) университета.

По словам Марии Огнёвой, в разгар Первой мировой, осенью 1915 г., «он сдавал госэкзамены в университете и тотчас после окончания пошел волонтером в действующую армию» [12, л. 210]. Сначала Иван проходил обучение в Павловске, в школе метеорологов – «единственной на всю армию», организованной при Константиновской магнитно-метеорологической обсерватории [2, с. 77]. Именно там в декабре 1915 г. от одного из офицеров, «военного пилотчика», он узнал о службе «в Эскадре Муромцев», и что в одной из эскадр на Северном фронте нет метеоролога. «И я тотчас же вцепился в него (офицера. – М. С.), чтобы он хлопотал о моем назначении туда», – писал Иван родителям в Вятку [2, с. 77]. Своё стремление служить на «Муромце» он мотивировал тем, что на нем летать «куда безопасней, чем на маленьких аэропланах», и для Ивана было важно поскорее получить место, так как долго жить в казарме в ожидании назначения ему не хотелось [2, с. 78].

Заручившись поддержкой руководителя аэрологической обсерватории, профессора, «нашего шефа» Василия Васильевича Кузнецова (1866–1938) и известного геофизика, князя Бориса Борисовича Голицына (1862–1916), в конце декабря 1915 г. Иван Огнёв был принят для беседы генерал-майором М.В. Шидловским, который одобрил его кандидатуру, определив изучать моторы, и вскоре Огнёв отбыл в Псков в Эскадру Воздушных Кораблей. Известно, что к тому времени (в конце 1915 г.) личный состав Эскадры составлял до 1350 чел.; при Эскадре имелись метеостанция, школа для обучения полетам, мастерские, фотолаборатория, гараж. В середине 1916 г. боевые полеты осуществляли уже более совершенные, чем ранее, модели «Муромцев» с семью пулеметными точками и экипажем, состоявшим из двух пилотов, одного механика, моториста-стрелка, штурмана и двух пулеметчиков. Россия в плане развития тяжелой авиации была «впереди всех воевавших стран» [1, с. 168].

Получив солдатское обмундирование, Огнёв приступил к занятиям по строевой подготовке, стал изучать «ружейные приемы» и осваивал

моторы. «Наука моторная, – писал он, – очень и очень нехитрая: самое трудное – зажигание моторное – я, пожалуй, легко осилил бы еще в реальном училище. Для меня самое важное – разборка и собирание мотора...» [2, с. 84]; а в одном из следующих писем добавлял: «...все время руки в черном машинном масле» [2, с. 86]. В его письме от 22 февраля 1916 г. сообщалось об окончании моторного класса, о предстоящей практике «в регулировке мотора на станке» и сдаче экзамена по словесности (!), а затем ожидалось производство «в унтера», после чего – распределение на «Муромцы» [2, с. 86].

В середине мая 1916 г. Иван Огнёв писал родителям, что «летал я уже четыре раза, в общей сложности около полутора часов» [2, с. 89]. Первоначально полеты были пробные: Иван, определенный в авиационный отряд «Илья Муромец XI», выполнял обязанности механика. «...Пробные полеты делаются на восходе солнца, а механику еще раньше нужно готовить корабль и попробовать работу моторов, – делился он с близкими. – Взлет, пожалуй, – одно из приятнейших ощущений: запустишь все моторы на малые обороты, в каютку влезают офицеры и командир; он садится за управление, даешь рукояткой газа полные обороты, моторы начинают свою оглушительную песню; сначала поднимается хвост, затем толчок, корабль перепрыгивает через брусья, подложенные под колеса, несется по площадке всё быстрее и быстрее, причем тряска изрядная; после небольшого разбега на каком-нибудь толчке вдруг отделяется и начинает взмывать кверху, в это время мотор прибавляет обороты; тут я записываю – какой мотор сколько оборотов дает и как работает...» [2, с. 89-90].

Непростой была и посадка: «Когда быстро спускаешься, то чувствуется небольшое напряжение в барабанных перепонках, наконец, перед посадкой земля несется близко и страшно быстро, кажется, вот-вот зацепит за телеграфную проволоку или крышу дома; подносится к аэродрому, вдруг глоснут выключенные моторы, и с мягким толчком садится и бежит по земле» [2, с. 90].

Серьезно и ответственно относившийся к службе И. Н. Огнёв с первых полетов глубоко вникал в работу моторов «Ильи Муромца». Однажды он распечатал конверт уже готового к отправке в Вятку письма, чтобы рассказать о полете. Бомбардировщик, в котором находился Иван, быстро набрал высоту 2 тыс. метров, моторы давали, по его словам, необходимые обороты, но не все – «только один все время давал 960 и сбавил наверху до 920». Огнёва жалели, что такой мотор достался. «А я вчера вычислил, – уверенно заключал он, – что в нем одна шестеренка на два зуба неправильно поставлена; сегодня разберем, докопаемся до шестеренки, переставим ее... и завтра даст 1100 оборотов!» [2, с. 90]. И. Н. Огнёв оказался прав, в дальнейшем моторы работали, «как часы».

Из писем известно, что молодой механик торопился «повоевать», но командир хотел пересесть на новый воздушный корабль. Огнёву было досадно, что он «наладил корабль», который хорошо «облетался», но надо было ждать. Линия фронта проходила недалеко от места дислокации «Муромцев». Летчики время от времени слышали канонаду, видели и немецко-разведчиков на аэроплане, летавшем высоко в небе.

В июне 1916 г. И. Н. Огнёв занимался перестановкой моторов на новый бомбардировщик, «более ширококрылый», и готовился к длительному перелету на боевую базу. «Полеты на новом корабле были удачные, только в первый раз при посадке костыль подломали, на который опирается хвост», – сообщал он в письме от 9 июля 1916 г. [2, с. 93].

По словам Огнёва, июль того года «отличный стоял, тёплый, ясный», и с его стороны вновь слышалась досада: «Жаль, что с кораблем заминка вышла, давно бы на базе немца громили» [2, с. 93]. Сообщал он и о том, что менялся состав экипажей: многие вернулись в прежние части, один разбился, у другого «корабль сгорел», третий не мог дожидаться моторов, прибывали «юнцы». Рассказал он и о новом артиллеристе на своем «Муромце» – бароне Корфе, члене Государственной Думы, который считал «своим долгом участвовать во всех полетах». Раньше он тоже летал, «в бытность артиллеристом на сгоревшем 8-м корабле». «Долговязый, с усами и меланхолическим лицом. Славный такой дядя», – характеризовал его Огнёв [2, с. 94].

Задержка с полетами бомбардировщиков на фронт во многом была оправданной. Иван Огнев сам беспокоился по поводу высоты полета своего «Ильи Муромца», достигавшей 2200 метров – «ниже самой низкой боевой высоты», и, следовательно, уязвимой для «всякой немецкой батареи». Под Псков приезжал Сикорский, который измерял крылья и наклоны своего детища. Огнёв весьма эмоционально, пренебрежительно отозвался о конструкторе. Видимо, сказывалось общее настроение летчиков, переживавших за общую ситуацию на фронте и невозможность сделать безопасными боевые машины. Иван Николаевич отмечал: «Командир рукой махнул, команда бездельничает, время идет и идет» [2, с. 94]. Сикорский же не был кабинетным конструктором, а находился «в самой гуще событий» и не упускал возможности «немедленно вносить необходимые конструктивные изменения» в свои изобретения [3, с. 81–82].

Изменения в боевой авиации, действительно, происходили. «На нашем корабле есть маленькие нововведения в пулеметных установках, в сигнализации, в установке моторов и пр.», – писал Огнёв, добавляя, что в их устройстве он тоже принимал «долю участия» [2, с. 94–95]. Опыт модернизации этого бомбардировщика применялся и на других «Муромцах», а профессиональная репутация И. Н. Огнёва росла. Летом 1916 г. Иван получил новое, кожаное обмундирование: сапоги, одежду и шлем. Небо так увлекло его,

что в письмах домой он размышлял: «Если бы я сейчас первый раз поступал в унив[ерситет], то специализировался бы по астрономии; если бы захотел кончить второй раз унив[ерситет], то выбрал бы философию» [2, с. 95].

Из писем видно, что он стремился много читать, несмотря на нехватку литературы и газет; радовался, когда удавалось найти интересное издание; а описания природы, быта местного населения, встреч, которые Иван постоянно давал в письмах, позволяют характеризовать его как человека наблюдательного, проявлявшего интерес ко всему окружающему. В рисунках, сохранившихся в переписке, прослеживалось творческое начало личности летчика. Он изображал типы самолетов: «моноплан», «истребитель, 16-й Сикорского», «Вуазен», «16-й Фарман». В одном из писем, хранящихся в архиве, после слов: «А рукавицы у нас здоровые – “авиационные”», – Огнёв изобразил перчатку и продолжил: «...из мягкой кожи, с шерстяным вкладышем». Перед рисунком одного из самолетов написано: «Это я лечу на учебе; инструктор, прапорщик Пошехонов сидит сзади и подсказывает» [11, л. 51 об.].

Решающим в судьбе Ивана Николаевича Огнёва стал сентябрь 1916 г., когда сменилось место дислокации его авиационного отряда. Новым адресом Ивана становится: «Действующая Армия, Юго-Западный фронт, штаб VII Армии, “Илья Муромец XI...”»; он оказался в Галиции. Первый боевой вылет Огнёва планировался 8 сентября, но он не состоялся из-за плохой погоды, и уже через день его «Илья Муромец» разбился при посадке: «Корабль свой, который мы везли сюда разобранным, мы уже успели разбить; ждем новый...» [2, с. 97]. Экипаж уцелел, так как дальше И.Н. Огнёв сообщал, что офицеры отряда летают на других «кораблях» и что его командир с артиллеристом ходят на охоту. Из военно-исторической литературы известно, что авария произошла в Ягельнице 10 сентября; воздушный корабль был отправлен на ремонт в Псков [9, с. 141].

О несостоявшемся своем боевом крещении Иван написал родителям позже, видимо, хорошо осмыслив произошедшее и не желая им нанести душевную травму по горячим следам: «Ведь совсем тогда в бой собрались: пулеметы, патроны, бомбы и прочее; но только что начали забирать вверх – лопнула стяжка в крыльях; корабль стало воротить вбок; я вылез на конец крыла – думали, что можно вправить, но она была лопнувши посредине, а потому пришлось с 600 метров спускаться обратно; корабль всё время стремилось перевернуть, и командир с помощником вдвоем крутили штурвал и педали. При посадке (сели с креном и при боковом ветре) врезались в землю, и корабль пришел в негодность. Так и не удалось ни одного боевого вылета сделать» [2, с. 101].

Затем был переезд в Винницу, где Эскадра Воздушных Кораблей занимала «целый маленький городок – какой-то бывший завод» [2, с. 103].

Началась подготовка к полетам нового бомбардировщика. Сверх того, Иван был назначен к прохождению учебы по полетам «на малых аппаратах», или «Фарманах», что открывало для него путь стать военным летчиком. Из писем видно его стремление к овладению новыми знаниями и практикой, он хотел выйти из нижних чинов в офицеры.

С надеждой на лучшее для России будущее Иван Огнёв встретил известие о Февральской революции. 3 марта 1917 г. в его руки попала газета «Киевская мысль», и он поздравил в письме свою семью «с тем, что мы теперь переживаем» [2, с. 105]. В революционных событиях того периода Иван видел «путь к победе не только над врагом, но и над старым злом». По его словам, в армии у всех чинов, «от самых низших до высших», наблюдался «замечательный подъем духа» и «полное сочувствие» сложившейся ситуации [2, с. 105]. К этому же времени бомбардировщик «Илья Муромец XI боевой» был готов к полетам, и, как сообщал Огнёв, «дело только за погодой и хорошим состоянием аэродрома, чтобы воспарить тысячи на четыре с хвостиком» [2, с. 106].

В мае 1917 г. Иван Николаевич сообщал родным, что «время сейчас – самое горячее в буквальном смысле слова; дни, в которые нет полетов, – прямо исключения, и то вследствие каких-нибудь поломок или неисправностей» [2, с. 107]. Полеты как на «Муромце», так и на «Фармане» пока продолжались учебные, причем на «Муромце» посадку производил командир, а в воздухе время от времени управлял уже Огнёв; параллельно по учебной литературе он готовился к экзамену на звание военного летчика. «На “учёбе” я уже вполне овладел искусством полета и теперь загибаю метров с 300-400 такие спирали при планировании, что частенько даже перепадает от начальства за некоторые “номера”, не допускаемые почему-то на этой якобы мало подвижной и плохо управляемой машине», – сообщал Иван родителям [2, с. 107].

На боевом же самолете он с сослуживцами переставлял моторы – тяжелые и мощные «Рено» менялись на более легкие «Русско-балтийские», так как «на “Рено” летать опасно». Иван Николаевич сообщал, что «несколько кораблей ныне весной погибли, даже и с людьми вместе, один “И[лья] М[уромец] I-й”, прекрасный боевой корабль, упал с 3200 метров» [2, с. 107]. Нужно пояснить, что за всю войну «Муромцы» совершили около 400 боевых полетов, неприятелем был сбит лишь один самолет и три было подбито, но последним все же удалось долететь до своей территории [3, с. 82–83]. Иногда воздушные корабли возвращались «с одним и даже двумя подбитыми моторами, сплошь и рядом со многими десятками дыр от неприятельских шрапнелей», – писал И.И. Сикорский [7, с. 176]. Что касается двигателей, то на «Муромцах» ставилось одиннадцать их типов; «Русско-балтийские», на выпуске которых настаивал М.В. Шидловский, заслужили

высокую оценку специалистов. Вместе с тем после революционных событий февраля 1917 г. сам Михаил Владимирович был смещен с поста командира эскадры, не у дел остался и Сикорский [3, с. 86].

Овладев знаниями по устройству «Муромцев» и «Фарманов», имея за плечами богатый опыт по их ремонту, И.Н. Огнёв как механик участвовал в офицерских совещаниях Эскадры Воздушных Кораблей. На одном из них рассматривался вопрос о пропеллерах, и наиболее знавшим их устройство и работу оказался Огнёв. Последнего и решили командировать в Москву к профессору Н.Е. Жуковскому (1847–1921), чтобы иметь в лице Ивана Николаевича соответствующего специалиста, но его непосредственный командир заявил, что без Огнёва «не сделает ни одного полета». В результате командировка не состоялась, о чем сожалел наш герой [2, с. 108]. Переживал он и по поводу того, что «дело, к которому ты призван, которому служишь уже 1,5 года, не дает осязательных результатов в виде нескольких сбитых немцев, разгромленных нашими тяжелыми бомбами немецких штабов и ряда блестящих фотографических разведок, какие только и возможны с “Муромца”» [2, с. 108].

В ожидании скорого участия в боевых вылетах Иван не прекращал учебные полеты: в частности, команда проверяла свой «корабль» на высоту. Иногда с «Муромцем», на котором летал Огнёв, происходили неожиданные истории. Один раз, совершая полет на высоте более 3 тыс. метров, самолет случайно оказался в незнакомой местности. Положение осложнялось тем, что у экипажа не было нужной карты и бензин был на исходе. Увидев какой-то городок и покружив над ним, приземлились, думая, что это Винница. Выяснилось, что на самом деле до нужного города 60 верст. Приземление «Муромца» стало событием для местных жителей: «...Как раз накануне у них было какое-то местное молебствие около этого места – и тут вдруг такое “небесное явление”, как наш ширококрылый корабль!» [2, с. 109]. Поняв, что произошло, жители гостеприимно приняли летчиков: «...Сейчас же нанесли бабы разной снеди полную кабину – молока всякого, яиц, масла, рыбы жареной, ягод, хлеба и пр. – хоть лавочку открывай» [2, с. 109]. Публика целый день не отходила от «Муромца», а экипаж по телеграфу сообщил о случившемся в Винницу, и на следующий день прибыл грузовик с бензином.

Одновременно с июньским наступлением Русской армии в 1917 г. И.Н. Огнёв видел, как падала дисциплина военных: с передовых позиций бежали солдаты, среди них были раненые – «самострелы»; в войсках велась политическая пропаганда. При отступлении с западных рубежей «воздушные корабли» перелетали из одного места в другое, а в сентябре Иван Николаевич сообщил родным, что распался их экипаж – «буквально сбежал командир после первого же боевого вылета» [2, с. 113].

После расформирования «XI-го корабля», на котором служил Огнёв, ему удалось побывать в отпуске в Вятке. Вернувшись обратно, он думал о поступлении в Московскую авиашколу, а затем мечтал воевать уже в отряде истребителей. «Напрасно говорят о мире: повоюем еще, бывало», – считал он [2, с. 114].

В конце сентября 1917 г. Огнёв сдал экзамен на звание военного летчика: «продержавшись около 2-х часов за облаками, завернув несколько спиралей, сев в “кружок”, блеснув знанием “теории авиации” – шутя, получил вместе с группой офицеров почетнейшее из всех военных званий» [2, с. 114]. Он был рад тому, что на его погонах появятся «чёрные орлы». К тому времени на «Муромце» у него было уже более 100 небоевых вылетов и один боевой. «“Летчик” одно, а “военный летчик” – совсем другое: то пустой звук, а это каста», – рассуждал Иван Николаевич [2, с. 113]. В дальнейшем он освоил легкий бомбардировщик «Бреге» французской компании с пулеметной (с круговым обстрелом), фотографической, бомбометной и прицельной установками. «Наш аппарат, – писал Огнёв, – в своем роде первый в Эскадре: на “Бреге” умеют летать здесь пока только четверо» [2, с. 115]. Биплан «Бреге» летал и шел на посадку на большей, чем у «Муромцев», скорости, требовал сноровки для быстрого поворота на случай встречи в воздухе с неприятелем.

Во второй половине 1917 г. революционные настроения в полной мере охватили и состав Эскадры Воздушных Кораблей, причем численный перевес постепенно сложился на стороне большевиков. Во время большевистского восстания в Виннице, произошедшего в конце октября, Огнёв с небольшой группой единомышленников, рискуя жизнью, сумел спасти от уничтожения несколько самолетов. Узнав, что с воздуха планировалась корректировка стрельбы, восставшие решили сжечь воздушные корабли, готовые к полету [2, с. 115–116]. В то же время, несмотря на негативное отношение к большевикам, руководствуясь собственными профессиональными убеждениями, И. Огнёв не стал выполнять установку комиссара Временного правительства о взрыве моста в Виннице, около которого «окопались» большевики 15-го пехотного запасного полка.

Политические события влияли и на последующую жизнь летчика. В архиве хранится «именное удостоверение» для явки на ноябрьские выборы в Учредительное собрание, выданное Ивану Николаевичу Винницкой городской управой [11, л. 47].

Дальнейшая же судьба И.Н. Огнёва была трагична. Он скончался в конце 1917 г. в возрасте 23 лет от ран, «полученных при неудачном полете». Судя по сохранившимся документам, трагедия произошла 29 декабря во время посадки «Бреге» [11, л. 44–45]. Самолет «пошел на землю камнем», ударился, в результате загорелся мотор, взорвался бак с бензином

и «сильное пламя обхватило весь аппарат» [11, л. 44]. Огнёва с горящей на нем одеждой удалось вытащить, но травмы оказались не совместимы с жизнью. Похоронили Ивана 31 декабря 1917 г. Были вынесены знамена и штандарт; проститься с ним пришли военные и гражданские лица, и «некоторые очень плакали, более женщины» [11, л. 44 об.]. В год трагедии Иван писал родителям: «...самое опасное и трудное в авиации – посадка, когда аппарат с большой скоростью приближается к земле носом вниз – трудно уловить момент, когда выравнивать» [11, л. 49 об.–50]. На его могиле в Подольской губернии сослуживцы установили пропеллер – знак памяти о летчике-герое.

Незадолго до гибели Иван Николаевич отправил письмо в Вятку, проникнутое заботой о близких: «Милые Папа и Мама! Интересно, дойдет ли до Вас посылка с мукой, которую я послал вчера; тут через продовольств[енную] комиссию мне удалось, наконец, достать пуд пшеничной муки, и теперь весь вопрос только в том, чтобы ее переслать» [2, с. 114]. В конце письма говорилось: «Скверно сейчас кругом! Вот готов у нас боевой аппарат, а зачем? Теперь пока воюет только одна авиация, да и то – к чему? Во всяком случае, полетим на базу, будем бросать бомбы и пр. Но если дело пойдет на сепаратный мир, то оставляю за собой свободу действий: сяду на свою машину и – в Москву; через 6 часов в Москве; подкачал бензина – через 6 часов в Вятке!» [2, с. 119].

Семья тяжело переживала невосполнимую утрату. «Сколько слез пролили мы о нем!» – спустя много лет, в 1976 г., писала об Иване его сестра Екатерина Николаевна [12, л. 131]. Об Иване напоминали близким вещи, привезенные в Вятку сослуживцем. Смерть Ивана Николаевича совпала с тяжелым периодом в истории и государства, и семьи Огнёвых, которая, как уже отмечалось выше, с началом советской власти подверглась репрессиям. Братья и сестры И.Н. Огнёва в полной мере унаследовали просветительскую жилку, имевшуюся у их деда и отца, и хранили добрую память о славном родственнике – военном летчике.

С Марией Николаевной Огнёвой (1892–1975), выпускницей Вятской женской гимназии и историко-филологического факультета Бестужевских курсов, был знаком писатель, краевед и библиофил Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987), который писал: «...Получив основательную и разностороннюю подготовку, М.Н. Огнева вернулась в родные места. Все последующие годы она преподавала историю и литературу в средних школах Вятки – Кирова. Здесь еще закончила историко-филологический факультет педагогического института. За свой учительский труд была награждена орденом Ленина. До последних дней жизни она деятельно участвовала в краеведческих разысканиях, передала в музеи и библиотеки много редких книг» [5, с. 170–171].

Петряеву же был отдан семейный архив Огнёвых с документами отца Николая Васильевича и брата Марии Николаевны Ивана Николаевича. О судьбе Н. В. Огнёва в то время писать было нельзя, но то, что Е. Д. Петряев не забывал об этой семье, об их вкладе в культурную жизнь региона – в этом, в том числе, его исследовательская смелость и подвижничество. В середине 1980-х гг. часть семейного архива он передал в Отдел рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде (ныне – Российской национальной библиотеки); еще одна часть хранится ныне в личном фонде Е. Д. Петряева в Центральном государственном архиве Кировской области. Среди выявленных здесь – два письма И. Н. Огнёва в Вятку, адресованные родителям, сестрам Маше и Кате, брату Васе [11, л. 48–51 об.].

О судьбах Огнёвых говорится также в «Месяцослове...». Так, Гавриил Николаевич Огнёв скончался в апреле 1942 г. в селе Даровском, где был в эвакуации; Татьяна Ивановна Огнёва умерла в ноябре 1954 г. и похоронена в г. Кирове [4]. Известно также, что Гавриил Николаевич (1895–1942) был выпускником физико-математического факультета Петроградского университета; он – почвовед-географ, в первые годы советской власти работал лаборантом и ассистентом кафедры геологии и минералогии в Вятском пединституте, затем перебрался в Ленинград, где одно время работал в ЛГУ; был научным сотрудником Алданского отряда академической комиссии по изучению Якутии.

Младший брат, Василий Николаевич Огнёв (1902–1993), в 1920-е гг. также учился в Петроградском (Ленинградском) университете, был участником ежегодных геологических экспедиций в Среднюю Азию, более 30 лет изучал Тянь-Шань. В 1938 г. за научные достижения, без защиты диссертации, ему была присуждена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук; впоследствии В. Н. Огнёв стал доктором наук, профессором, был заведующим кафедрой в Ленинградском университете.

В целом отметим, что в истории семьи Огнёвых выпукло отразились различные эпохи истории России. Представители этой фамилии были на гребне политических событий начала XX столетия, связанных с военными и революционными потрясениями. Военная биография Ивана Николаевича Огнёва – яркий пример доблести и профессионализма в освоении новых видов вооруженной техники Русской армии в период Первой мировой войны. Согласимся со словами главного конструктора «Муромцев» И. И. Сикорского: «Справедливо будет сказать, что русские офицеры и солдаты, составлявшие экипажи этих кораблей, равно как и сами “Ильи Муромцы”, честно выполняли свой долг перед родиной в это тяжелое, но славное время» [7, с. 176].

Источники и литература

1. Дузь, П.Д. История воздухоплавания и авиации в СССР: Период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / П. Д. Дузь. – Москва: Государственное научно-техническое издательство «Оборонгиз», 1960. – 302 с.
2. Иван Николаевич Огнёв, вольноопределяющийся эскадры воздушных кораблей (переписка с родными: ноябрь 1915 г. – ноябрь 1917 г.) / публикация Н.А. Зубковой // Первая мировая война и Вятка: сб. науч. трудов и документов / Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена, науч.-исслед. Центр регионоведения. – Киров: ИД «Герцена», 2016. – С. 72–119.
3. Катышев, Г.И. Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский. 1889–1972 / Г.И. Катышев, В.Р. Михеев. – Москва: Наука, 1989. – 176 с.
4. Месяцослов всех святых, празднуемых православною греко-восточною церковию, с показанием табельных и торжественных дней, и с присовокуплением алфавита имен всех святых. 6-е изд. – Москва, 1861. (Хранится в отделе редких книг Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена).
5. Петряев, Е.Д. Вятские книголюбы / Е.Д. Петряев. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1986. – 223 с.
6. Против смертной казни. Речь депутата от Вятской губернии в первой Государственной Думе прот. Н.В. Огнева. Отд. оттиск из газ. «Епарх. отголоски», 1906, № 63. – Вятка, 1906. – 10 с.
7. Сикорский, И.И. Воздушный путь: каким образом он был открыт, как им пользуются в настоящее время и что можно ожидать от него в будущем / И. И. Сикорский. – Москва: Русский путь, УМСА-Press, 1998. – 192 с.
8. Судовиков, М.С. Необыкновенные провинциалы из прошлого: Исторические портреты / М. С. Судовиков. – Киров: КОГБУК «КОУНБ им. А.И. Герцена», 2020. – 160 с.
9. Хайрулин, М.А. «Илья Муромец». Гордость русской авиации / М. А. Хайрулин. – Москва: Коллекция; Яуза; ЭКСМО, 2010. – 144 с.
10. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 178.
11. ЦГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 106.
12. ЦГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 107.

А.В. Силин*

**«ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ...»:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
БЕЛОЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ**

Аннотация: В статье анализируются проблемы взаимоотношений Северного и Северо-Западного анклавов Белой России с Финляндией по поводу признания антибольшевистскими правительствами государственной независимости Страны Суоми, а также возможностей совместных военных операций против красных в российской Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Русский Север, Карелия, Петроград, Финляндия, Временное правительство Северной области, адмирал А.В. Колчак, генерал Е.К. Миллер, генерал Н.Н. Юденич; генерал К.Г.Э. Маннергейм

Смысл и сущность национальной идеи в России вызывали и до сих пор вызывают немало дискуссий в философских, научных и политических кругах, она по разному интерпретировалась, ее брали на щит различные социально-политические силы. Современный философ А.К. Уледов, указывая на специфику национальной идеи, отмечает: «Особенность национальной идеи состоит в том, что она, входя в национальное самосознание, выражает главным образом представления о будущем нации, путях развития, дальнейшей судьбе, о взаимоотношениях с другими нациями. В ней раскрываются идеалы, национальные чаяния, национальные мечты» [2, с. 105].

В годы Гражданской войны в рамках антибольшевистского движения эта идея нашла свое воплощение в принципе «единой и неделимой России», с которым выступали (порой сознательно, порой – на уровне общей риторики) деятели и политические силы различной политической направленности. Так, например, член ЦК партии эсеров, член Верховного управления Северной области М.А. Лихач в августе 1918 г., агитируя на страницах местной прессы за вступление в ряды добровольческих антибольшевистских формирований, патетически восклицал: «Все, кому дорога *единая и неделимая Россия* (курсив наш. – А.С.)... все, все без различия партий и убеждений, должны идти в добровольческие отряды, русские добровольческие отряды» [4].

За «единую и неделимую» ратовал в 1919 г. в докладной записке, поданной на имя генерала А.И. Деникина, глава Отдела законов Особого

* Силин Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Арктического центра Министерства обороны Российской Федерации, г. Северодвинск.

совещания К.Н. Соколов, отмечавший, что многие деятели Особого совещания и ведущих общественно-политических объединений Юга России склонялись к «широкой областной автономии» для «национальностей», а в ряде случаев полагавшие, что можно ограничиться лишь «культурно-национальной автономией» [26, с. 261].

Различные варианты отхода от этого принципа порой интерпретировались идеологами антибольшевистского движения как предательство интересов России, которое во многом лишало высокого смысла продолжение борьбы с большевиками. Хотя наиболее здравомыслящие представители военных кругов, тот же генерал В.В. Марушевский, предупреждали в 1919 г., что идея С.Д. Сазонова (министр иностранных дел правительств Колчака и Деникина, участник Русского политического совещания в Париже) действовать по принципу «единая и неделимая Россия» и во имя этого принципа – верная утопия, «так как фактически-то России в этом виде нет, во имя этого принципа вновь была сорвана попытка вызвать выступление Финляндии» [6].

Попытки практического применения этого принципа в условиях фактического распада бывшей Российской империи приводили, как правило, к отрицательным результатам. Еще первые советские исследователи истории Гражданской войны в России, например Н.Е. Какурин, отмечали, что попытки так называемых «лимитрофных» государств, возникших на западных окраинах бывшей империи (Финляндии, Эстонии, Латвии) и являвшихся политическими противниками Советской России, блокироваться с российской контрреволюцией на платформе совместной борьбы с Советской властью исключались «вследствие упорного нежелания первой признать какие-либо права их на самостоятельное существование в дальнейшем» [21, т. 1, с. 38]. Вместо возможной консолидации антибольшевистских сил, среди них происходили раздоры на почве великодержавных, национальных амбиций и территориальных притязаний.

Примером подобного разлада могут служить взаимоотношения Северного и Северо-Западного анклавов Белой России с Финляндией. На этом примере стоит остановиться, так как он имеет отношение к истории Русского Севера в то драматичное время.

Противопоставляя внешнюю политику советского государства и внешнюю политику антибольшевистских правительств, все тот же Н.Е. Какурин констатировал: «одним из основных моментов внешней политики Советского правительства являлось признание права на самостоятельное существование окраинных народов России» [21, т. 1, с. 38].

В отличие от большевиков лидеры антибольшевистского движения не желали признавать фактическую независимость Финляндии. Сразу после колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 г. министр иностранных

дел Ю. Ключников сделал заявление, в котором «самоопределение народов» не отвергалось «как идеала», но тут же подчеркивалось, что «крайние выводы из него» (образование самостоятельных государств на территории бывшей Российской империи. — *А.С.*) «не привлекают уже больше общественного внимания России» [20, с. 195].

Выходом из создавшейся коллизии виделась «спасительная» отсылка к «Национальному (или Учредительному) собранию», которое Колчак обещал собрать в стране после того, как будут установлены «законность и порядок».

В этом же духе действовало по поручению Колчака и Русское политическое совещание в Париже. В начале марта 1919 г. оно изложило общую точку зрения о национальных окраинах. Совещание предложило Версальской мирной конференции принять резолюцию из двух пунктов: «Державы знают, что никакие вопросы об устройстве национальностей в пределах России до окончания войны, кроме Польши, не могут быть разрешены без России. 2) Для того, чтобы помочь этим нациям обустроить свою жизнь, державы будут помогать образованию на этих территориях фактических правительств, удовлетворяющих для этой минуты необходимым требованиям национальностей» [8]. Посол в Париже В.А. Маклаков, комментируя текст предлагаемой резолюции, отмечал, что такого рода заявление отсрочило бы решение вопросов о независимости окраин до «восстановления России», не вступая в то же время в непримиримые противоречия с национальными чаяниями «иностранцев», что было бы в условиях переживаемого момента весьма рискованно. Предлагаемый в резолюции подход распространялся и на Финляндию. 27 марта член указанного совещания С.Д. Сазонов в телеграмме генерал-губернатору Северной области генералу Е.К. Миллеру сообщал, что Финляндия пользуется независимостью «вследствие царящей в России анархии», вопрос о финляндской независимости не может быть разрешен до созыва Русского Национального (Учредительного) собрания [9].

В течение апреля–мая последовали декларации совещания об отношениях с «национальными окраинами»: Польшей, Финляндией, «Прибалтийскими провинциями». Но все эти декларации и разъяснения не встречали понимания со стороны тех, кому они были обращены, представители национальных правительств на Версальской конференции требовали немедленного признания их независимости. Одна из главных причин этого, как считал Н.В. Чайковский, докладывая Временному правительству Северной области (ВПСО) о деятельности Русского политического совещания и Русской политической делегации, заключалась в том, что антибольшевистские правительства и их представитель С.Д. Сазонов «продолжали понимать задачу собирания русского государства в смысле приемов 16 и 17 веков, что ставит все дело... на мертвую точку» [20, с. 196]. Правда, эта мысль

Чайковского вступает в известный диссонанс с тем, что докладывал генерал В.В. Марушевский Миллеру о встрече с Чайковским в Лондоне осенью 1919 г.: «Все, что было сделано Вами и мною в июне месяце в отношении столь необходимого выступления Финляндии, было аннулировано благодаря выступлениям Николая Васильевича, который, как-никак является председателем правительства». С точки зрения Марушевского, Чайковский вел свою политику, разглагольствовал «о погонах» и совершенно не поддерживал «наш военный режим» [5].

Пожалуй, полнее всего колчаковское правительство очертило свою национальную политику в декларации 3 июня 1919 г., являвшейся ответом на союзническую декларацию, в которой выражалось сочувствие омской власти и высказывалось пожелание получить разъяснения по некоторым политическим вопросам. В колчаковской декларации было еще раз подчеркнуто, что решение всех кардинальных вопросов постреволюционного бытия России будет принадлежать Учредительному или Национальному собранию. Не составила исключения и национальная проблема. Будучи вынужденным продемонстрировать перед союзниками антиреставрационный характер своего правления, Колчак по сути дела проводил весьма двусмысленную политику в отношении народов бывшей Российской империи. Применительно к Финляндии в декларации говорилось: «Уже теперь мы готовы признать фактически существующее финляндское правительство, обеспечив ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. Окончательное решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию» [21, т. 1. с. 66].

Весной 1919 г. страны Антанты пытаются оказать давление на Временное правительство Северной области, чтобы оно урегулировало свои отношения с Финляндией. 29 мая 1919 г. английское правительство уведомило ВПСО, что на собрании министров иностранных дел, которое состоялось в Париже 12 мая того же года, было решено назначить дипломатического представителя в Гельсингфорс (ныне – Хельсинки), что Великобритания и США признают существующее в Финляндии правительство и независимость этого государства. А Франция заявила на парижской конференции, что она уже давно признала финляндский суверенитет.

Но необходимо иметь в виду, что ВПСО с самого начала своего существования как регионального антибольшевистского правительства, находилось в подчиненном положении. Оно еще в октябре 1918 г. признало власть Омской Директории во главе с эсером Н.Д. Авксентьевым и выразило готовность подчиниться всем сообщаемым распоряжениям впредь до созыва Учредительного собрания, а 30 апреля ВПСО подчинилось колчаковскому правительству и признало адмирала А.В. Колчака (временно), как верховного главу государства. Следовательно, самостоятельно решать внешне-

политические вопросы ВПСО не могло. Оно действовало в соответствии с телеграммой Колчака генералу Е.К. Миллеру: «Не вступайте ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством. Условия соглашения неприемлемы». Финляндия требовала признания своей независимости.

Вообще же, еще 10 марта 1919 г. Верховный правитель отдал указание о запрете обсуждения вопроса о независимости Финляндии. Генерал Н.Н. Юденич и его сподвижники, а также Русское политическое совещание (РПС) в Париже пытались добиться снятия этого запрета и выработки политической формулы, которая была бы приемлема для обеих сторон. 21 апреля РПС разработало проект соглашения с Финляндией, текст которого за подписью Сазонова через три дня ушел в Омск. Но в Омске предложили изменить некоторые формулировки, а один пункт, как предопределявший, по мнению колчаковского МИД, независимость Финляндии [18, с. 266, 267].

В конце мая 1919 г. в ВПСО обсуждался вопрос о возможной командировке в Гельсингфорс генерала В.В. Марушевского для связи с Северо-Западной армией Н.Н. Юденича и для выяснения возможности выступления Финляндии совместно с белыми. Перед отъездом Марушевский получил от Миллера инструкцию, датированную 7 июня 1919 года: «В политическом отношении Вы не уполномочены вести какие-либо переговоры о признании независимости Финляндии, ибо это дело будущего Всероссийского правительства. Вы лишь можете уверить генерала Маннергейма от имени правительства, что оно никаких агрессивных помыслов в отношении Финляндии не имеет...» [23, с. 291]. Позже Марушевский признавал в своих мемуарах, что полученные от Миллера инструкции «были проникнуты все тем же духом недоверия к финскому правительству» и генерал не рассчитывал на большую результативность своей командировки [23, с. 292]. Забегая вперед, следует признать, что расчеты генерала, в итоге, оправдались.

Антанта, как ни странно, принимая во внимание ее желание добиться скорейшего урегулирования взаимоотношений между ВПСО и Финляндией, устами главнокомандующего вооруженными силами союзников на Севере России У.Э. Айронсайда, высказала свое недовольство инициативой ВПСО, связанной с командировкой Марушевского в Страну Суоми [1, с. 210]. Айронсайд весьма категорично заявлял, что все, что нужно знать северному правительству о Финляндии и Юдениче, может быть сообщено через него из Лондона. Антанта, а точнее, Великобритания пыталась, образно говоря, одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Во-первых, прослать защитницей интересов «лимитрофных» государств. Еще зимой 1919 г. в беседе с Миллером Айронсайд указал на то, что «русским следует признать независимость поляков, финнов, литовцев, латышей и эстонцев» и что «со-

юзики никогда не согласятся на включение этих народов в состав любой будущей Российской империи» [18, с. 305]. Во-вторых, по словам генерала Марушевского: «Великобританское правительство, поддерживая Колчака, Деникина, Юденича и Север, вело одновременно и переговоры с Москвой. Все эти сибирские, новороссийские, архангельские и ревельские шашки нужны были для переговоров с большевиками. Всякий раз, когда шашки проявляли самостоятельность, они становились если не опасными, то, во всяком случае, стеснительными для британской политики» [23, с. 256–257]. Помимо этого, необходимо учесть, что Англия не стремилась к восстановлению «единой и неделимой России», опасаясь реанимации ее мощи и появления нового политического и экономического конкурента в Европе.

Во время встреч Марушевского с Маннергеймом первый был вынужден дипломатично изворачиваться, так как Маннергейм ребром поставил вопрос о финляндской независимости и отношении к ней со стороны ВПСО. По признанию белого генерала, он «верхним чутьем» еще в Архангельске угадывал, что ему придется не вести переговоры, а просто разговаривать на эти темы. Для ухода от конкретного ответа на поставленный вопрос, Марушевский ссылался на то, ВПСО существует как таковое лишь до соединения с правительством Колчака, и для Финляндии вряд ли представляет интерес признание ее независимости, в сущности, одной лишь Архангельской губернией [22, с. 222].

На переговорах с Юденичем обсуждался проект возможного соглашения с Финляндией. Этот проект предусматривал 19 пунктов, к числу важнейших можно отнести следующие: 1) признание независимости Финляндии; 2) уступка небольшой территории в районе Печенги (кстати, именно за этот пункт в 1918 году противники большевиков с гневом обрушились на договор между Советской Россией и Рабочей Финляндией. – А.С.); согласие русского правительства на плебисцит в некоторых уездах Олонецкой губернии, прилегающих к Финляндской границе, чтобы выяснить вопрос о том, желает ли население этих уездов присоединиться к Финляндии или остаться в составе России; 4) свободное плавание по Финскому заливу и т. д. [22, с. 228].

Но верховный правитель адмирал Колчак был против каких-либо политических соглашений с Финляндией. В уже упоминавшейся телеграмме от 28 июня 1919 года Колчак утверждал, что «нет уверенности в активной помощи Финляндии».

Однако реальное положение дел было несколько иным. Во время подготовки второго наступления генерала Юденича на Петроград Маннергейм довел до сведения Колчака, что он согласен двинуть в поддержку Юденичу 100-тысячную армию. Как отмечал Н.Е. Какурин, еще к февралю 1919 г. Финляндия сосредоточила на своих восточных границах армию в 48 тысяч

человек [21, т. 2, с. 128]. Маннергейм «обеспокоен только непризнанием адмиралом Колчаком финляндской независимости» [7].

Напрасно сам Юденич, члены РПС в Париже и дипломатические советники в Омске доказывали Колчаку, что такое заявление равным счетом ничего не будет значить, что от него под благовидным предложением можно будет отказаться и т.д. Ничего не помогало. Колчак твердо стоял на своем, не желая принимать во внимание никакие «минутные выгоды». Военный министр колчаковского правительства генерал А. Будберг с негодованием записал в своем дневнике: «Какой ужас и какой идиотизм» [20, с. 197].

Е.К. Миллер в телеграмме от 19 сентября 1919 года, адресованной командующему Северо-Западной армией белых генералу Н.Н. Юденичу, ссылаясь на донесение генерала В.С. Скобельцына, командующего белыми войсками Мурманского района, сообщал, что в Поросозеро прибыло две роты финских войск и одна рота разместилась в окрестностях, а в Кеми появилось несколько финских офицеров для ведения переговоров с командующим союзников на Мурманском фронте генералом Ч.К.М. Мейнардом. Миллер спрашивал Юденича, не является ли появление финнов в указанном районе результатом его соглашения с финляндским правительством [13]. Но еще почти месяцем ранее Юденич телеграфировал из Ревеля (ныне – Таллин), что соглашение не подписано [14].

Миллер полагал, что присутствие финских войск в районе Поросозеро может быть полезным, так как они могли бы прикрыть правый фланг войск генерала Скобельцына. Миллер советовал Скобельцыну вступить в переговоры с финнами исключительно по военным проблемам, «отнодъ не касаясь каких-либо политических вопросов».

Тем не менее финская сторона была готова не только установить связь с союзным командованием на Мурмане. По свидетельству Тойво Антикайнена финским белогвардейцам удалось установить контакт с Мурманским фронтом союзников, но координации действий не получилось. Наоборот, обнаружились резкие противоречия и у союзников появились подозрения против финнов [1, с. 14]. Маннергейм был готов был поддержать наступление генерала Юденича на Петроград, выставив хорошо вооруженную союзниками армию. Летом 1919 г. Франция послала Маннергейму большое количество танков, аэропланов и всякого другого снаряжения, а французские офицеры приняли участие в реорганизации финляндского Генерального штаба. К 1 октября 1919 г., когда предполагалось привлечь Финляндию для наступления на Петроград, финская армия насчитывала до 60 000 штыков и 4 000 сабель. Генерал Марушевский в своих мемуарах подтверждает тот факт, что Финляндия располагала кадрами для мобилизации в трехдневный срок чуть ли не стотысячной армии, хорошо вооруженной и снабженной. Мемуарист подчеркивал, что к середине 1919 г., когда сибирский колчаков-

ский фронт стоял накануне своей катастрофы и практически единственной надеждой белых могло бы стать соглашение с Финляндией [22, с. 226]. Но этого соглашения не состоялось.

Об основных препятствиях, которые стояли на пути к соглашению уже велась речь выше. Следует добавить еще два обстоятельства. Во-первых, белые генералы опасались того, что финны, собираясь наступать на Петроград, будут решать и собственные задачи, отличные от генеральских. Примером может служить чуть ли не паническая по тону и настрою телеграмма русского посланника в Стоггольме К.П. Гулькевича С.Д. Сазонову от 24 апреля 1919 г., в которой говорилось о том, что финны будто бы выступили на Петроград, в выступлении приняли участие егеря и что при первом продвижении в Карелию было взято якобы несколько тысяч пленных. Гулькевич с нескрываемым негативизмом пишет о том, что это выступление, если оно и совершено, то совершено «без ведома Юденича и без тени участия русских» [10]. Десятью днями ранее тот же Гулькевич передал Е.К. Миллеру депешу следующего содержания: «В переговоры с финнами выгоднее не вступать. Возможно решено приступить только к “исправлению карельской границы”, похода на столицу не будет» [11]. В итоге, срабатывает принцип бумеранга и недоверие порождает недоверие. Л. Ингман – лидер нового правительства Финляндии сформированного после политического кризиса, вызванного поражением Германии в Первой мировой войне, и в состав которого вошли наряду с «активистами», пропагандировавшими ранее союз с Германией, так и сторонники проантантовской ориентации, 19 апреля 1919 г. откровенно заявил, что Финляндии вовсе не выгодно спасать Россию от большевиков [12]. И в этом заявлении был свой резон, ибо гарантировать то, что после победы в Гражданской войне белые генералы, руководствуясь принципом «единой и неделимой» России, не лишат маленькую Страну Суоми недавно обретенной фактической независимости.

Во-вторых, страны Антанты вооружить-то финскую армию вооружили, но не очень-то жаждали ее наступления на Петроград, ибо получить нового сильного конкурента в Европе в лице Белой России им вряд ли хотелось. В телеграмме Британского военного министерства от 3 мая 1919 г. прямо указывалось, что: «Союзники считают крайне нежелательным всякое движение финских частей к Петрограду и вообще русской территории» [24, с. 97].

В записке, озаглавленной «Неудачи белого движения» и поданной на имя генерала Е.К. Миллера 12 февраля 1920 г., т.е. за несколько дней до падения антибольшевистской Северной области, генерал-майор Генерального Штаба Крузенштерн с отчаянием писал: «Игра Англии в отношении вопроса о Финляндии сводилась к определенному недопущению совместного выступления Юденича и Финляндии» [16]. При этом следует подчеркнуть,

что Крузенштерн, будучи военным профессионалом, смотрит и видит гораздо глубже. Он обращает внимание на отсутствие у белых общего систематического плана действий и ясной программы практической внешней политики, на неправильность функционирования военно-дипломатического аппарата, не только не оказывавшего существенной политической поддержки, но и неоднократно наносившего вред предвзятостью и нереальностью выдвигаемых точек зрения. Крузенштерн резко критикует Русское политическое совещание, возглавляемое С.Д. Сазоновым, как несостоятельный аппарат связи и осведомления [15].

Финал белой эпопеи известен. Одной из причин такого финала являлось то, что, считая гибель большевизма неизбежной, его политические и военные противники не смогли договориться по территориальным и национальным проблемам. Резюмируя, стоит заметить, что председатель ВПСО народный социалист Н.В. Чайковский, уже находясь в эмиграции, в статье «Грехи белого режима» писал, что одной из причин неудачи антибольшевистского движения в России было упорное нежелание признать независимость Финляндии [17].

Источники и литература

Айронсайд, Э. Архангельск. 1918–1919 гг. / Э. Айронсайд // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. – Архангельск: Правда Севера, 1997. – С. 213–387.

Алексеев, С.В. Идеологические ориентиры России / С.В. Алексеев, В.А. Каламанов, А.Г. Черненко. В 2-х т. / под общ. ред. С.В. Степашина. – Москва: Книга и бизнес, 1998. – Т. 1. – 424 с.

Антикайнен, Т. О Гражданской войне / Т. Антикайнен // За Советскую Карелию. – Ленинград: ГИХЛ, 1932. – С. 8–14.

Возрождение Севера. – 1918. – 14 августа.

ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 19. Л. 87–88.

ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 19. Л. 90.

ГАРФ. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 90. Л. 102.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 44. Л. 46.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 44. Л. 57.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 63.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 64.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 66.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 47. Л. 13.

ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 166–170.

ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 168.

ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

Голдин, В.И. Русский Север в историческом пространстве гражданской войны / В.И. Голдин, П.С. Журавлев, Ф.Х. Соколова. – Архангельск: Изд-во «СОЛТИ», 2005. – 350 с.

Голдин В.И. Гражданская война и международная интервенция на Русском Севере: критическое суждение о книге израильского историка / В.И. Голдин, Ф.Х. Соколова, А.Г. Шапаров // Вопросы истории. – 2020. – № 10(4). – С. 265–272.

Иоффе, Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – Москва: Мысль, 1983. – 294 с.

Какурин, Н.Е. Как сражалась революция / Н.Е. Какурин. В 2-х т. – Москва: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 272 с.; – Т. 2. – 431 с.

Марушевский, В.В. Белые в Архангельске / В.В. Марушевский. – Ленинград: Прибой, 1930. – 280 с.

Марушевский, В.В. Год на Севере (август 1918 – август 1919) / В.В. Марушевский // Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Вып.1 / сост. В.И. Голдин. – Архангельск: ИПО «Правда Севера», 1993. – С. 170–341.

Минц, И. К десятилетию неудачи интервенции / И. Минц // Историк-марксист. – 1929. – № 11. – Т. 2. – С. 83–99.

Прайсман, Л.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера / Л.Г. Прайсман. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 400 с.

Цветков, В.Ж. Специфика и итоги политико-правового курса Белого движения в 1919 году / В.Ж. Цветков // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: сб. материалов науч. конференции / отв ред. В.И. Голдин и др. – Архангельск: Изд-во «Солти», 2009. – С. 259–263.

М.В.Таскаев, И.Л. Жеребцов, Б.Р. Колегов*

УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА СЫКТЫВКАРА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В статье рассмотрено участие жителей города Сыктывкара в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (оз. Хасан, Халхин-Гол) и в Восточной Европе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, вооруженный конфликт, Сыктывкар, Коми АССР

Жителям столицы современной Республики Коми – города Сыктывкара (до 1930 г. – Усть-Сысольска, а в еще более раннем прошлом, до 1780 г. – погоста Усть-Сысолы) на различных этапах истории своей «малой родины» доводилось участвовать в самых разных войнах и вооруженных конфликтах, сражаясь вместе с другими народами нашей большой Родины. Можно вспомнить и о легендарных участниках Куликовской битвы из Коми края, и о вполне достоверных участниках ополчения Минина и Пожарского, и о тех, кто пролил свою кровь на Крымской, русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой войнах... Самым суровым испытанием стала, конечно, Великая Отечественная война, об участии в которой жителей Коми республики (об их героизме на фронтах и в тылу) достаточно много (но еще, безусловно, не всё!) сказано в разнообразных публикациях [1–5; 17–19; 26; 29]. Об участии жителей Коми АССР в вооруженных конфликтах, происходивших накануне Великой Отечественной и Второй мировой войн, написано значительно меньше [28]. В настоящей работе авторы рассматривают участие в указанных конфликтах жителей г. Сыктывкара.

Традиционно началом Второй мировой войны считается 1 сентября 1939 г., когда Германия вторглась в Польшу, а Англия и Франция вступились за последнюю и 3 сентября объявили Германии войну. В европейской истории войн и конфликтов эта дата, без сомнения, является ключевой, и если рассуждать с позиций европоцентризма, то никаких сомнений тут и быть

* **Таскаев Михаил Владимирович** – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. **Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. **Колегов Борис Рудольфович** – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского Севера России» (№ 1021032425214-5-6.1.1).

не может. Однако не следует забывать, что к этому времени другой главный агрессор мировой войны Японская империя уже давно воевала в Азии, еще в 1931 г. осуществив агрессию в Маньчжурию и отторгнув эту огромную территорию от Китая. За оккупацию Маньчжурии Япония была исключена из Лиги Наций. В 1937 г. японцы напали на центральный Китай, где к этому времени уже третье десятилетие полыхала гражданская война. И СССР и США активно вмешались в китайские военные события; СССР начал поставки оружия и боеприпасов китайской армии. В 1934 и 1937 гг. крупные группировки Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) при поддержке бронемашин и авиации вступали на северо-запад Китая (в Синьцзян).

Одновременно войны разворачивались и в других частях света. В джунглях Южной Америки в 1932–1935 гг. шла Чакская война между Парагваем и Боливией – самая кровопролитная война на этом континенте в XX веке, причем парагвайскую армию поддерживала российская белоэмигрантская колония, а боливийскую – немецкие военные советники. Фашистская Италия в 1935 г. вторглась в Эфиопию, и сражения начались в Африке. В 1936 г. загремели пушки в Европе: началась гражданская война в Испании, где столкнулись интересы националистов, фашистов, коммунистов, анархистов, поддержанных Германией, Италией, Португалией, СССР и Мексикой.

События развивались по нарастающей. В 1938 г. Германия присоединила к себе Австрию, оккупировала литовский Мемель (Клайпеду), затем была ликвидирована Чехословакия; чешские земли разделили между собой Германия и Польша (которая ввела свои войска в Чехословакию одновременно с немцами и оккупировала Тешинскую область), а Венгрия получила Закарпатье и (в результате краткой венгерско-словацкой войны в марте 1939 г.) южные районы Словакии. (Между прочим, в Чехословакии действовали наши разведчики, сообщавшие в Москву различную информацию; в их числе был и уроженец Тентюково Н. М. Титов, выпускник Московский школы танковых техников и Центральной спецшколы в Москве) [21, с. 90–95].

Советский Союз готов был вмешаться в конфликт и направить войска для поддержки Чехословакии; они уже были подтянуты к границе, но Польша и Румыния отказались пропустить их через свои территории. Более того, поляки (заручившись поддержкой Германии) организовали близь советской границы самые крупные за всю историю Польши военные учения. Отношения между СССР и Польшей (которую лидеры Советского Союза осудили за участие в разделе Чехословакии) резко обострились, но до военного конфликта тогда не дошло, и через пару месяцев ситуация нормализовалась – но лишь относительно. Вплоть до весны 1939 г. Польша готовилась поддержать Германию в неизбежной, по мнению польских лидеров, и непременно «победоносной» войне против СССР и участвовать

в разделе советских территорий, претендуя на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю. Италия в апреле 1939 г. оккупировала Албанию. Одним словом, мировой конфликт повсюду разгорался в течение всех 1930-х гг. (В американской историографии, впрочем, существует мнение, что только с нападением Японии на Гавайи 7 декабря 1941 г. евразийские войны превратились в войну мировую).

Коми периодическая печать – в частности, органы Коми обкома ВКП(б), Верховного Совета Коми АССР, Сыктывкарского горкома ВКП(б) газеты «Вёрлэдзысь» («Лесной рабочий») и «За новый Север» – хорошо передает «дух войны», общую милитаризацию общественно-политической жизни в СССР во второй половине 1930-х гг. Страницы газет заполнены сводками военных действий во всех частях света, подробно освещаются бои в Испании, Китае, Эфиопии. Например, газета «Вёрлэдзысь» дважды писала о злоключениях парохода «Комилес» (получившем название в честь коми лесозаготовителей из треста «Комилес»). В ноябре 1936 г. «Комилес» перевозил немецкий уголь из Голландии в Италию. 24 ноября в Гибралтарском проливе пароход был остановлен огнем из пушек, установленных на корабле, плававшем под флагом испанцев-франкистов, поднявших мятеж против Испанской республики. Проверив документы и осмотрев пломбы в трюмах парохода, франкисты разрешили «Комилесу» следовать дальше. В январе 1937 г. «Комилес», направлявшийся в Северную Америку, был задержан франкистами у берегов Испании, отправлен в североафриканский порт Сеута, где в течение суток обыскивали трюмы, после чего разрешили пароходу плыть дальше [28, с. 193].

Пропаганда подготовки к грядущей войне шла через кинофильмы (оборонные фильмы «Война начинается» режиссера А. Роома, «Если завтра война» и др.), литературу (большую популярность имели в конце 1930-х гг. романы и повести писателя Н. Н. Шпанова о военном превосходстве СССР над Германией). В коми школах, вузах и на производстве велась основательная подготовка призывников в армию (создавались специальные кружки по изучению пулемета, винтовки, противогаса и прочего армейского имущества, выполнялись нормы оборонных значков). В январе 1939 г. в Сыктывкаре прошло коми республиканское совещание практически всех районных советов Осоавиахима (за исключением Прилузского района и Печорского округа), участники которого приняли решение вести военную подготовку коми допризывников зимой без отрыва от производства, а летом – с отрывом [11]. Почти обязательными становились для призывников сдачи норм значков ГТО («Готов к труду и обороне»), «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский пулеметчик», «Готов к ПВХО» («Готов к противовоздушной и противохимической обороне») и т.д. Фотографии подростков, сдавших нормы всех оборонных значков, печатались в газетах [15; 28, с. 194].

Вот одна из типичных публикаций местной печати, которые мы и в дальнейшем будем приводить в нашей статье для более живой и объемной характеристики событий того времени:

«Кросс имени Ворошилова.

Парилов [Автор статьи. – Прим. ред.]

24 сентября с.г. в Сыктывкаре будет впервые проходить кросс имени Наркома Обороны т. Ворошилова. Дистанция для кросса установлена: для мужчин – 10000 метров и для женщин – 2000 метров. Отдельные коллективы уже приступили к тренировкам. Комитет ФК и С утвердил переходящий приз кросса имени т. Ворошилова. Приз получит организация, выставлявшая большее количество участников и давшая большее количество окончивших дистанцию». («За новый Север», 21 сентября 1938 г.).

Постоянная пропаганда армейской службы, воспитание патриотизма со школьной скамьи давали свои результаты. Служба в рядах РККА стала восприниматься прежде всего как главная и почетная обязанность гражданина СССР (а ведь еще в середине 1920-х гг. большинство населения Коми автономии негативно относилось к службе в Красной Армии). Общий настрой и изменившееся отношение к армии хорошо отражают строчки из письма призванного Ширяева из Сторожевского района в призывную комиссию в 1940 г.: «Мне законом предоставляется льгота по семейному положению, но от этой льготы я и мои родители – отец и мать – отказываемся. Прошу зачислить меня в ряды Красной Армии – буду честно служить, как верный сын трудового народа» [15]. Подобные же настроения были распространены и среди сыктывкарцев.

О проведении XX годовщины РККА и РККФ и 18-летия освобождения Коми АССР от белых и интервентов.

XX-летнюю годовщину РККА и РККФ и 18-летие освобождения Коми АССР от белых интервентов провести под знаком:

<...>2. Популяризации роста мощи и обороноспособности нашей страны. Укрепления и повышения боеспособности РККА и РККФ.

3. Показа углубления и обострения противоречий в капиталистическом мире и подготовки новой империалистической войны.

4. Разоблачения политики германских и японских фашистов, засылавших диверсантов, шпионов, террористов в нашу страну, и которые вкупе с врагами народа троцкистско-бухаринцами и иными предателями пытаются вредить, мешать социалистическому строительству и готовят контрреволюционную войну против СССР.

5. Показа роста антифашистских и антивоенных сил, мощного движения Народного фронта.

6. Показа истории героической борьбы рабочих и крестьян Советского Союза, истории гражданской войны и Красной армии.

7. Мобилизации ярости Советского народа на дальнейшее разоблачение и выкорчевывание фашистских бандитов, предателей родины: троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов; поднятия трудового энтузиазма и политической активности масс на борьбу за народно-хозяйственный план первого года Третьей пятилетки, на дальнейшее повышение и укрепление обороноспособности страны, боеспособности РККА и РККФ – верного стража победившего социализма.

8. Повышения и улучшения практической оборонно-массовой работы с населением и укрепление Осоавиахима. <...> («За новый Север», 6 февраля 1938 г.).

В 1938 г. Япония в ультимативной форме потребовала от Советского Союза передачи ей высоты Чжангуфэн (Заозерная) и Шачжаофэн (Безымянная) западнее озера Хасан, якобы принадлежащие марионеточному прояпонскому государству Маньчжоу-Го, сформированному на территории оккупированной японцами Маньчжурии. СССР отверг эти требования. 29–31 июля 1938 г. крупная японская армейская группировка вторглась на территорию СССР, заняв высоты Заозерная и Безымянная и выдвинувшись к советским населенным пунктам Пакшехори и Новоселки северо-восточнее озера Хасана. Действия сухопутных частей поддержала эскадра морских кораблей японского флота, введенная в устье реки Тумень-Ула (Тумыньцзян). Для отражения японской агрессии СССР бросил в район Хасана группу войск Дальневосточного Краснознаменного фронта, которой командовал комкор Г.М. Штерн (фронтом командовал В.К. Блюхер) [16; 28].

Участвовавший в хасанских боях сапер Павел Прокопьевич Хлопин из Сыктывкара вспоминал: «Я никогда не забуду день 29 июля 1938 г., когда в нашей части была объявлена боевая тревога. Нас собрали ночью и комиссар части тов. Лукашенко обрисовал нам боевую задачу. Он рассказал о том, что наглые японские захватчики нарушили нашу государственную границу и вторглись на нашу территорию в районе озера Хасан». Задачей саперного батальона, в котором служил П.П. Хлопин, являлось строительство дорог и мостов для прохождения войск в районе Хасана. «Здесь полностью пригодилась мне специальность, которую я имел до призыва в ряды Красной Армии. В течение пяти лет я работал на сыктывкарских лесозаводах вначале старшим пилоставом, а затем сменным мастером. Мои знания пригодились теперь, когда понадобилось разделявать бревна для строительства мостов» [10].

3 августа саперный взвод П.П. Хлопина был внезапно атакован японской пехотой. Разгорелся жестокий бой, саперы бросились в штыковую контратаку. «Японцев мы кололи штыками, забрасывали ручными гранатами, расстреливали из пулеметов. Только немногим из японского отряда удалось

уйти», – вспоминал П. П. Хлопин. Японская артиллерия прикрывала отступление своей пехоты, от разрыва снаряда П. П. Хлопин был контужен, но остался в строю. 5 августа 1938 г. саперы вновь подверглись внезапной атаке японцев численностью до полуроты в 60 штыков. «Наши пулеметы косили врага ураганным огнем. Весь отряд противника, до единого человека, был уничтожен. Ни один из них не остался в живых. Люди шли в бой с именем великого Сталина на устах» [10].

Участвовал в бою с японцами и сыктывкарец Василий Александрович Лыткин, кавалерист, помощник командира взвода. Кавалеристов ночью поднимали по тревоге и бросили на помощь пограничникам. Красные конники с ходу вступили в бой, прорвались в тыл, захватили несколько артиллерийских орудий. Возглавил прорыв В. А. Лыткин, награжденный орденом Красного Знамени [22, с. 74–75]. В боях у озера Хасан принимал участие будущий генерал Д. Г. Дубровский (Сивков), юность которого была связана с Усть-Сысольском (перед революцией 1917 г. он работал там в пекарне и на купеческом складе) [24]. Начальником штаба Морского отряда особого назначения, сформированного во время хасанских событий, был назначен Б. Д. Попов – сын известного усть-сысольского политического деятеля Д. Я. Попова. (В первой половине 1940-х гг. он был начальником штаба, затем командиром бригады эсминцев Тихоокеанского флота, затем начальником штаба и командиром легких сил Тихоокеанского флота) [25]. В конечном итоге в результате двухнедельных боев японцы были вынуждены оставить советскую территорию, 11 августа 1938 г. военные действия прекратились.

В Сыктывкаре и во всей Коми АССР вторжение японцев на советскую территорию под Владивостоком вызвало массовые митинги и собрания протеста коллективов трудящихся и служащих, отчеты о которых публиковались на страницах газет. 5 августа 1938 г., например, в Сыктывкаре состоялся многотысячный общегородской митинг, на котором выступил председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР Г. В. Ветошкин, заявивший, в частности, что «коми народ готов в любую минуту встать на защиту своей социалистической родины» [8]. Участники митингов принимали примерно одинаковые резолюции, в которых заверяли партию и правительство, что готовы бить врага и повышать производительность труда.

«Бить врага на его территории.

Бондаренко, Канев, Суханов

Заслушав сообщение т. Кулева о трехкратном нападении японских войск на советские территории на Восточной границе, в районе озера Хасан, мы, инженерно-технические работники и служащие «Комилес», Вычегодской сплавконторы и Коми леспродторга, возмущены наглым нападением японской военщины и приветствуем доблестных героических бойцов

Краснознаменной Дальневосточной Красной Армии и ее руководителя маршала Советского Союза т. Блюхера, победоносно отразивших подлую вылазку японской военищины.

Мы склоняем свои головы перед товарищами, героически павшими в бою с японским фашизмом. Честь и слава героям, отдавшим жизнь за нашу счастливую родину.

Советское правительство проводит политику мира, «но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателям войны». Мы заверяем нашу партию и наше правительство, что по первому зову нашей родины в любую минуту готовы вступить в ряды нашей доблестной Красной армии и бить врага на его территории.

Мы обязуемся неустанно повышать производительность труда и план 1938 года выполнить досрочно. Все как один вступим в ряды Осоавиахима и будем усиленно изучать военную технику. Да здравствует СССР – оплот мира!» («За новый Север», 5 августа 1938 г.).

За героизм, проявленный в хасанских боях, правительственные награды получили и уроженцы Коми края. 17 октября 1938 г. было утверждено положение о медали «За отвагу», считавшейся в советском обществе чисто «солдатской» наградой. (Медалью награждались граждане СССР «за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ... при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами советского государства». Награжденному выплачивались 10 руб. в месяц от государства, он имел право бесплатного проезда на трамвае) [9]. Первым воином из Коми АССР, награжденным медалью «За отвагу», стал сыктывкарец П.П. Хлопин. Его большое фото появилось на первой странице газеты «За новый Север» 31 декабря 1938 г. В январе 1939 г. он принимал участие в работе VI Сыктывкарской городской конференции ВЛКСМ, избирался в состав бюро горкома ВЛКСМ, работал в сыктывкарском отделении Осоавиахима, встречался с коллективами сыктывкарских предприятий, рассказывая о хасанских событиях. Фотографии П.П. Хлопина часто мелькали на страницах коми газет в 1939 г. [28, с. 196–197].

«<...> Да здравствует советская политика мира!

Привет мужественным и бесстрашным бойцам-пограничникам, грозным часовым наших границ!

Да здравствует единый фронт рабочих, крестьян и интеллигенции!

Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины! (Сталин)

Да здравствует Первое мая – смотр революционных сил международного пролетариата!» (Из официально утвержденных праздничных первомайских лозунгов, «За новый Север», 27 апреля 1939 г.).

В мае 1939 г. Япония предприняла новую попытку агрессии на Дальнем Востоке, на этот раз против единственного и верного союзника СССР – Монголии, вторгшись в районе реки Халхин-Гол на монгольскую территорию. Японцам противостояла объединенная советско-монгольская группировка под общим командованием командарма Г.М. Штерна и маршала Х. Чойбалсана. Непосредственное («полевое») руководство боями осуществлял комкор Г.К. Жуков. Необъявленная война на Халхин-Гольском плацдарме продолжалась в течение четырех летних месяцев 1939 г. Коми газеты широко освещали военные действия в Монголии, перепечатывая информацию из передовиц центральных советских газет (в первую очередь, «Правды» и «Красной звезды»). Из коми участников халхин-гольских событий газеты часто упоминали депутата Верховного Совета Коми АССР I созыва С.И. Торопова [28]. 20 августа 1939 г. советско-монгольские части перешли в наступление (под звуки «Интернационала», передаваемые мощными звуковещательными установками по всему фронту). Японские части попали в котел и после недельного сопротивления были уничтожены. Крупное поражение на Халхин-Голе вынудило Японию отказаться от планов нападения на СССР во время Великой Отечественной войны.

23 августа 1939 г., в самый разгар боев на Халхин-Голе, СССР и Германия (союзица Японии по заключенному в 1936 г. Антикоминтерновскому пакту или «Японо-германскому соглашению по обороне от коммунизма»; в 1937 г. к этому союзу присоединилась Италия) подписали договор о ненападении, известный также под названием «пакт Риббентропа – Молотова». (Это было седьмое по счету дипломатическое соглашение такого типа, заключенное Германией с европейскими странами; ранее декларации или договоры о ненападении с Германией подписали Польша, Великобритания, Франция, Эстония, Латвия и Литва, а позднее, в 1941 г. договор о дружбе и ненападении с Германией подписала Турция).

Согласно договору, СССР и Германия обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из стран становилась объектом военных действий третьей стороны, а также отказывались от союзных отношений с другими державами, «прямо или косвенно направленных против другой стороны». Секретный дополнительный протокол к договору предусматривал разграничение между Советским Союзом и Германией сфер интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Протокол предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии, восточных «областей, входящих в состав Польского государства», и Бессарабии в сферу интересов СССР. Литва и западная часть Польши были отнесены в сферу интересов Германии.

За несколько месяцев до подписания советско-германского договора обе стороны вели переговоры о создании прямо противоположных союзов. Германия предлагала Польше продлить действие Договора о дружбе еще на 25 лет и сотрудничать Антикоминтерновский пакт, требуя взамен согласия на включение в состав Германии «вольного города» Данцига и создание «данцигского коридора» между основной частью Германии и Восточной Пруссией. Переговоры окончились неудачей, и оба государства стали разрабатывать планы войны друг против друга (польский план «Запад» и немецкий план «Вайс»). Переговоры СССР с Великобританией и Францией о военном союзе против Германии также успехом не увенчались, в значительной мере из-за позиции Польши, которая отказалась предоставить советским войскам (в случае войны между Германией и Англо-франко-советским блоком) право прохода через свою территорию к границам Германии.

Коми газеты подробно освещали советско-германский договор и его ратификацию на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Газета «За новый Север» 2 сентября 1939 г. (на следующий день после нападения Германии на Польшу) опубликовала текст выступления наркома иностранных дел В.М. Молотова, который, в частности, говорил: «Вчера еще в фашистской Германии проводили в отношении СССР враждебную нам политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличить количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения».

Правда, не все могли быстро перестроиться (особенно дети и молодежь), случались казусы. Сыктывкарка Р.М. Леванова вспоминала, как перед войной занималась в кружке чтецов при радиокомитете, которым руководил артист и драматург Н.М. Дьяконов. «Мы неоднократно выступали на радио с чтением стихотворений... Николай Михайлович давал возможность самим подбирать стихотворения, которые нам нравятся. В основном это были серьезные, патриотические стихи... Однажды мне понравилось стихотворение (название и автора уже не помню), в котором говорилось о жестокости фашистов, может быть, в связи с событиями в Испании. Николай Михайлович мне сказал, что это стихотворение не подойдет, так как наша страна заключила с Германией мирный договор; поэтому нельзя говорить о фашистах плохо. Я была озадачена и никак не могла понять, почему к фашистам так резко изменилось отношение, ведь у советских людей уже сложилось устойчивое негативное отношение к ним» [20, с. 214–215].

Будущий председатель Совета Министров и Председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР З.В. Панев в 1939 г. работал директором республиканской заочной средней школы и начальником группы заочного образования Наркомпроса Коми АССР, а в июле 1939 г. был призван в армию и назначен политруком на трехмесячных курсах по подготовке младших командиров в Сыктывкаре. Он вспоминал, что договор с Германией вызвал у курсантов «крайне противоречивые толки». «Одни считали это грубой ошибкой, что мы развязали руки заклятому врагу для разбойничьего нападения на Польшу и агрессии против других стран Европы, в том числе и союзных нам (Югославии и др.); что Гитлеру удалось обхитрить нас; этот договор он будет выполнять только до тех пор, пока не захватит все соседние страны; что это просто хитрая уловка Гитлера. Другие же видели причину в том, что у нас нет другого выхода, что воевать мы сейчас не готовы..., что нас предали Англия и Франция, сорвав переговоры о совместной обороне. если бы мы это предложение Гитлера не приняли, тогда могли бы обвинить нас в том, что мы готовимся напасть на Германию. Были и такие, у которых договор вызвал полное замешательство». «Скоро было получено указание не допускать никаких критических и негативных высказываний в адрес Германии и Гитлера» [23, с. 291].

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, которая вопреки расчетам своих руководителей не смогла организовать серьезного сопротивления. 17 сентября 1939 г. на восточные территории Польского государства вступили войска Белорусского и Украинского фронтов. К этому времени большая часть западной Польши уже была оккупирована немецкими войсками. В ноте правительства СССР, врученной утром 17 сентября польскому послу, говорилось: «Советское правительство не может безразлично относиться к дальнейшей судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих на территории Польши... и поэтому отдало распоряжение командованию РККА взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Советско-польский договор о ненападении 1932 г. был объявлен утратившим силу. Нота была вручена уже после того, как советская артиллерия обстреляла польские стражницы (пограничные заставы) [16; 27; 28].

Сыктывкарские газеты подробно освещали ход кампании. Красочно было описано нападение на польские стражницы (пограничные заставы) на участке Белорусского фронта: «Завязался горячий бой. Красноармейцы под огнем противника прикладами вышибали оконные рамы, сбивали с петель тяжелые двери, забрасывали сопротивляющихся гранатами. Снайпер Лонцов метким выстрелом снял с вышки пулеметчика. Семченко подкрался к одному из польских пулеметов и метким броском гранаты уничтожил его. Ворвавшись на крыльцо стражницы, Семченко первым проник в коридор.

Дважды раненый – пулей и осколком гранаты – он все же не покинул место боя... На всей границе бой продолжался 25-30 минут. За этот предельно короткий срок советские пограничники ликвидировали все польские стражи на границе» [12].

На востоке Польши, не ожидавшей нападения СССР, были размещены малочисленные гарнизоны и части, которые не могли оказать серьезного сопротивления Красной Армии, но очаги польского сопротивления все же имелись. В конце сентября – начале октября советские войска встретили упорное сопротивление поляков в Полесье, преодолеть которое удалось после применения бомбардировочной авиации. Чаше, однако, польские части предпочитали сдаваться. Нередко горечь поражений поляки вымещали на украинцах и белорусах. Советские газеты приводили факты уничтожения поляками сел и деревень. Так, газета «За новый Север» перепечатала сообщение центральных советских газет о том, как польская жандармерия дотла сожгла украинские села Круйское и Варен, расстреляв там все население: «На берегу Днестра трупы крестьян, женщин, детей. Польские жандармы опутывали их колючей проволокой по 10 человек и расстреливали. У некоторых вырван язык, отрезаны уши... в Варене хаты обливали бензином. Расстреляли 50 человек. Женщин насиловали, вырезали сердца...» [13].

Регулярно публиковались оперативные сводки Генштаба РККА, перепечатывались из центральных газет репортажи с мест боев, рассказы о подвигах советских солдат и офицеров, письма коми красноармейцев – участников боев с Польшей (среди них – совместное письмо группы коми красноармейцев «Трудящимся Коми АССР – от бойцов Украинского фронта»). Депутат Верховного Совета Коми АССР I созыва сержант Г.И. Бусов писал домой: «Октябрь 1939 г. Разрешите мне сообщить, как мы освободили Западную Украину. Освободили хорошо, но были столкновения, в одном месте сутки боролись с польской бандой. Но все же всех взяли в плен, и тех, кто не подчинялся, уложили на мягкую землю. А у нас, конечно, были и погибшие, и раненые, но война без жертв не бывает. 5 (или 6) ноября 1939 г. Добрый день, добрый час, письмо пишу в городе Владимир-Волынский, который считался недавно польским городом, а сейчас уже считается советским городом, взяли его в свои руки... После установления границы я со своим отделением укрепил оборону, недалеко до границы, на расстоянии 10 км выкопали окопы, сделали проволочные заграждения... Вчера командир отправил нас в город праздновать, а сегодня тренировались проходить парад» (URL: http://www.75-sd.ru/load/1/28_j_krasnoznamennyj_strelkovyj_polk_mladshij_komandnyj_i_rjadovoj_sostav/serzhant_busov_georgij_ivanovich_komandir_otdelenija_28_go_krasnoznamennogo_strelkovogo_polka/5-1-0-720). Дата обращения 02.09.2020).

7 ноября 1939 г. на страницах газет «Вёрлэдзись» и «За новый Север» были напечатаны письма коми красноармейцев – участников боев с Польшей. «Вёрлэдзись» опубликовал письмо красноармейца И. Тырина под названием «Самые счастливые дни в моей жизни». Среди этих дней – 28 августа 1938 г., когда Тырина призвали в РККА, 23 февраля 1939 г. – присяга, 17 сентября 1939 г. – объявление войны Польше, 21–22 сентября 1939 г. – первое боевое крещение Тырина, его участие в ликвидации «офицерской польской банды» [6]. Газета «За новый Север» напечатала совместное письмо группы коми красноармейцев «Трудящимся Коми АССР – от бойцов Украинского фронта». Письмо содержало призыв к трудящимся Коми АССР «помогать своей армии честным стахановским трудом» и было подписано красноармейцами Н-ской части А. Пешкиным, Т. Лодыгиным, А. Старцевым, Л. Митрошиным, А. Черновым, В. Лушковым, Е. Мелехиным [14]. Будущий первый коми Герой Советского Союза И.П. Марков, до призыва в армию учившийся в Сыктывкаре на рабфаке пединститута (окончил три курса), в сентябре 1939 г. воевал с поляками на Белорусском фронте в составе 297-го артполка 121-й стрелковой дивизии [3, с. 3–4].

В Сыктывкаре прошли митинги, участники которых заверили советское правительство в полной поддержке его внешней политики и выразили уверенность в скорой победе Красной Армии. Газета «За новый Север» 21 сентября 1939 г. сообщала, что такие резолюции 17 сентября 1939 г. вынесли митинг преподавателей и студентов Коми государственного пединститута, митинг сотрудников Наркомфина, Управления сберкасс и Управления госстраха Коми АССР и др. Та же газета информировала, что 21 сентября 1939 г. актив Коми областной и Сыктывкарской городской парторганизаций ВКП(б) направил в Москву, лично Сталину письмо, в котором заявлял: «Мы твердо уверены, что наша непобедимая Красная Армия покажет свое могущество и силу, покроет себя новыми подвигами во славу своей родины и своего народа».

В начале октября 1939 г. Польша прекратила существование как независимое государство. Сопротивление польской армии прекратилось. После заключения 28 сентября 1939 г. нового советско-германского договора о дружбе и границе Западная Белоруссия и Западная Украина были включены в состав Белорусской и Украинской ССР. Секретные дополнительные протоколы договора скорректировали «сферы интересов» Германии и СССР в Польше и Литве (почти вся Литва была отнесена к сфере интересов Советского Союза). В 1939–1940 гг. Советский Союз ввел войска в Эстонию, Латвию и Литву, после чего эти государства (без сколь-либо серьезного вооруженного сопротивления, организованного тамошними властями, и при попустительстве как Германии, так и Великобритании с Францией) были

включены в состав СССР. В составе воинских подразделений, размещенных в Прибалтике, были и военнослужащие из Коми АССР, в частности, из Сыктывкара. Так, уроженец деревни Изкар Тентюковского сельсовета старший лейтенант В.М. Коданев, оперуполномоченный особого отдела НКВД 67-й стрелковой дивизии, служил в Латвии [7, с. 128], а будущий директор Коми книжного издательства С.С. Раевский – в Литве (в артиллерии) [19, т. 6, с. 179]. Создать значительные линии обороны в этом регионе к началу Великой Отечественной войны Советский Союз не успел, однако, по крайней мере, Германия лишена была возможности создать там свои плацдармы для нападения на СССР, что, несомненно, сыграло свою роль на первом, самом критическом этапе войны.

Таковы известные нам к настоящему времени данные об участии сыктывкарцев в вооруженных конфликтах конца 1930-х гг. Исследование этого вопроса применительно к жителям Сыктывкара и Коми АССР в целом необходимо продолжить.

Источники и литература

1. 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Великой Отечественной войны). Материалы научной конференции 4, 5 апреля 1995 г. – Сыктывкар, 1995.

2. Александров, А.Н. Во имя жизни. О подвигах трудящихся Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. / А.Н. Александров. – Сыктывкар, 1966.

3. Александров, А.Н. Семнадцать золотых звезд / А.Н. Александров. – Сыктывкар, 1984.

4. Бой ведет Невельская. Говорят ветераны 28-й стрелковой дивизии. – Сыктывкар, 1981.

5. Великая Отечественная война в судьбах жителей Коми республики. – Сыктывкар, 2005. (Труды Коми отделения академии военно-исторических наук; вып. 3).

6. Вөрлэдзись. – 1939. – 7 нояб.

7. Жеребцов И.Л. Всегда в строю, всегда в бою / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, Н.В. Мельникова. – Сыктывкар, 2018.

8. За новый Север. – 1938. – 8 авг.

9. За новый Север. – 1938. – 20 окт.

10. За новый Север. – 1939. – 1 янв., 6 авг.

11. За новый Север. – 1939. – 5 янв.

12. За новый Север. – 1939. – 30 сент.

13. За новый Север. – 1939. – 8 окт.

14. За новый Север. – 1939. – 7 нояб.

15. За новый Север. – 1940. – 13 окт.

16. История Второй Мировой войны. 1939–1945. – Москва, 1974. – Т. 2.

17. История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 2.

18. История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980.
19. Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1993–2006. – Т. 1–12.
20. Леванова, Р.М. Калейдоскоп жизни. (Воспоминания о Великой Отечественной войне) / Р.М. Леванова // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). – Сыктывкар, 2005. – С. 214–228.
21. Лыткин, Л. В разведку приходят однажды / Л. Лыткин // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 90–99.
22. Лыткин, Л. Через три войны / Л. Лыткин // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 74–77.
23. Панев, З.В. Вехи в пути. Воспоминания / З.В. Панев. – Сыктывкар, 2000.
24. Перова, Л. Коми генералы на Великой войне / Л. Перова // Республика. – 2020. – 17 сент.
25. Перова, Л. Дальневосточный ленд-лиз / Л. Перова // Республика. – 2020. – 22 сент.
26. Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). – Сыктывкар, 2005. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 4).
27. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). – Сыктывкар, 2020.
28. Таскаев, М.В. Забытые герои малых войн / М.В. Таскаев // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Доклады и сообщения научной конференции 27 апреля 2005 г. – Сыктывкар, 2005. – С. 193–206.
29. Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 2.

СЫКТЫВКАРЦЫ НА СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ **

Аннотация: В статье рассмотрено участие жителей города Сыктывкара в советско-финской войне 1939–1940 гг.

Ключевые слова: советско-финская война, зимняя война, Финляндия, Карелия, Сыктывкар, Коми АССР

Осенью 1939 г. обострились отношения СССР с Финляндией. Советское правительство, стремясь обезопасить северо-западные границы и прежде всего Ленинград, решило отодвинуть советско-финскую границу от Ленинграда и потребовало от финнов уступить Советскому Союзу часть Карельского перешейка (в обмен на большую по размерам советскую территорию в Карелии), а также разрешить СССР устроить свою военную базу на юго-западе Финляндии у входа в Финский залив. Но финны отвергли требование. Советский Союз стал перебрасывать к границе с Финляндией дополнительные силы, хотя и не особо крупные [2; 16]. Будущий председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР З.В. Панев, служивший тогда в армии, позднее вспоминал, что им не дали доучиться на курсах младших командиров, и в октябре 1939 г. он уже был на финской границе (в д. Погранкондуши) вместе с группой сыктывкарцев, составивших измерительно-вычислительный взвод 453-го артиллерийского полка. «Всем стало ясно, с какой целью мы оказались здесь», – писал З.В. Панев [18, с. 293].

В деревне, вспоминал он, все мужчины «с 18 лет и старше были арестованы из-за подозрения в шпионаже. Наша хозяйка, мать троих детей, поведала нам печальную повесть о жестокой расправе с мужским населением за то, что те имели родственников, а то и просто знакомых на территории родственной им Финляндии». Судя по мемуарам З.В. Панева, этими арестами и ограничилась подготовка к войне в выдвинутых к границе частях: «Обстановка требовала усиленной подготовки личного состава к боевым действиям. Но, к удивлению, она в полку практически не проводилась. мы ни разу не слышали и рассказа, что из себя представляет противник, каково

* **Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. **Таскаев Михаил Владимирович** – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. **Колегов Борис Рудольфович** – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского Севера России» (№ 1021032425214-5-6.1.1).

его вооружение, каковы боевые и моральные качества финских солдат, какова их тактика, но зато неустанно нам твердили, что во всей финской армии имеется лишь три батареи артиллерии, совсем нет авиации и танков». «Нам постоянно твердили, что финны всю пограничную зону населили кулаками, что финское правительство фашистское, непримиримо враждебное Советскому Союзу. <...> Официальная пропаганда была рассчитана на то, чтобы пробудить ненависть солдат к финнам и ко всему финскому, чтобы оправдать вооруженное нападение. <...> Не случайно у нас надолго установилась прочная неприязнь к финнам и всему финскому как к чему-то исходно враждебному. И это дорого нам обошлось» [18, с. 293].

28 ноября 1939 г. СССР денонсировал пакт о ненападении с Финляндией, отозвал своих дипломатов [9]. З. В. Панев вспоминал, что в тот же день «в Погранкондукшах состоялся общедивизионный митинг», на котором ему внезапно предоставили слово: «Я не растерялся, бегом поднялся на импровизированную трибуну и экспромтом произнес слова боевого призыва и уверенности в нашей победе» [18, с. 296]. 30 ноября 1939 г. части Ленинградского военного округа (командующий командарм 2-го ранга К. А. Мерецков) без объявления войны пересекли советско-финскую границу и развернули боевые действия. Началась «Зимняя война» («Talvisota») [16; 21]. В тот же день «За новый Север» опубликовала отклик сыктывкарского пролетариата на начало войны с Финляндией: «Одобряем Ноту Советского правительства. Коллектив рабочих Доручастка с чувством глубокого негодования встретил сообщение о наглой провокации зарвавшейся финляндской военщины. Советское правительство неуклонно проводя политику мира, никогда не поддастся на удочку провокаторов войны, но оно также не даст спуска зарвавшимся провокаторам. В ответ на провокацию, коллектив рабочих Доручастка еще теснее сплотит свои ряды вокруг партии Ленина-Сталина. Он готов по первому зову Советского Правительства и партии, как один, выступить на защиту наших священных границ» [5].

Участник финской кампании красноармеец Ф. П. Парилов, известный в Коми АССР лыжник из спортивной династии Париловых, перед войной руководивший Комитетом по делам физкультуры и спорта при Совете народных комиссаров Коми АССР, вел дневник. 30 ноября 1939 г. он записал: «Утром сообщили, что глава правительства, Председатель СНК СССР тов. Молотов вечером [т. е. 29 ноября] выступил с речью по радио ко всем трудящимся, и что дан приказ перейти финскую границу и наступать». «В 8 час. утра первой заговорила пушка второй батареи а за ней и наши гаубицы и кругом пошла артиллерийская стрельба. . . После часовой стрельбы, где мы выпустили 40 снарядов батарея снялась с огневой и мы двинулись для перехода границы, пехота ушла вперед, на ее долю выпало первой перейти государственную границу». «Исторический день для всего народа, а для

меня новая веха в жизни; сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов Страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, гор. Ленина – Колыбели революции» [3, с. 108–109].

Финны оказали упорное и умелое сопротивление на «линии Маннергейма» (полоса финских укреплений – обширные минные поля, дзоты и доты – на Карельском перешейке) и в других районах боевых действий (З.В. Панев и Ф.П. Парилов воевали как раз в отдаленных от Карельского перешейка районах). «Большим преимуществом финских войск являлось то, что они воевали на своей территории, защищали свою родную землю, вели справедливую войну. Боевой дух финских солдат был исключительно высок», – писал позднее З.В. Панев [18, с. 308]. Гражданское население уходило от границы вглубь страны, оставляя захватчикам пепелище. З.В. Панев вспоминал, что финны уходили, «поджигая все жилые и хозяйственные постройки, лишая наши войска возможности использовать их для отдыха. Это поставило нас в крайне тяжелые условия. Оставленные же отдельные дома оказались заминированными», и «пехотинцы имели от этого немалые потери» [18, с. 297].

Финское правительство поддерживали Англия, Франция и США. За агрессию против Финляндии Лига Наций 14 декабря 1939 г. исключила из своих рядов СССР как «поджигателя войны». В ходе войны в Финляндию прибыло свыше 11 тысяч добровольцев из Скандинавии, США и других стран для участия в войне с Советами в составе интербригад [9; 16]. В Англии, как и во многих других странах, работали советские разведчики. Одним из них был выходец из Тентюково Н.М. Титов, направленный в Лондон в 1939 г., еще до начала войны. Он числился шофером руководителя торговой фирмы, участвовал в передаче информации о передвижениях войск и военных грузов Великобритании и других государств. В 1940 г. Н.М. Титов неоднократно попадал под бомбежки (германская авиация осуществляла частые налеты на Лондон), во время одной из них едва не погиб. Он находился в Лондоне до 1943 г., затем вернулся в Москву и за успешное выполнение своей миссии был награжден орденом Красной Звезды. Позднее (вероятно, после войны) работал в Албании, Болгарии, Китае, прослужил в военной разведке 22 года; полковник, награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями [14, с. 90–99].

Говоря о разведчиках, нельзя не упомянуть и о том, что с Сыктывкарком пусть и недолго, но всё же была связана жизнь знаменитого советского разведчика Николая Ивановича Кузнецова (уроженца села Зырянка, основанного на Урале выходцами из Коми края; Н.И. Кузнецов, вполне вероятно, был коми по происхождению). Он в 1938 г. состоял в аппарате народного комиссара внутренних дел Коми АССР М.И. Журавлева, который высоко

оценил способности сотрудника. По рекомендации наркома Н.И. Кузнецова взяли на работу в центральный аппарат НКВД. В Москве он в конце 1930-х гг. выполнял спецзадание по внедрению в дипломатическую среду, а позднее, в 1942 г., был заброшен в тыл врага, работал на Украине под видом сотрудника немецкой тайной полиции, первым сообщил в Москву о подготовке покушения на руководителей СССР, США и Великобритании во время конференции в Тегеране, выполнил много других спецопераций и погиб на Западной Украине в марте 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. Н.И. Кузнецов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза [4, с. 126–127].

Зимой ситуация на фронте складывалась для наступавших советских войск непросто. Хотя Ф.П. Парилов в своем дневнике в ночь на 1 января 1940 г. записал, что ушедший год стал «новым торжеством ленинско-сталинской национальной политики в отношении малых зависимых стран», радовался, что противнику послали «новогодний подарок в виде ворошиловских килограммов» (снарядов и бомб) и надеялся в новом году «быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма» [3; 19], одолеть маленькую Финляндию оказалось куда сложнее. З.В. Панев вспоминал: «Заминировано каждое дерево. Дорога тоже в минах. <...> Несли потери мы и от «кукушек» (снайперов), которые маскировались на деревьях вдоль дороги. <...> Грозным оружием у финнов оказались минометы, особенно тяжелые. <...> Небольшие отряды финских лыжников стали совершать внезапные нападения на наши подразделения» [18, с. 298].

З.В. Панев писал, что «наши войска часто попадали в их засады». В одну из таких засад угодил уже упоминавшийся участник боев с японцами сыктывкарец В.А. Лыткин, уже успевший демобилизоваться, но призванный на Зимнюю войну с должности заведующего гаражом. Он был назначен помощником командира автомобильной роты, доставлял боеприпасы артиллеристам и однажды попал на машине в ловушку: дорогу его автомобилю перекрыли поваленные спереди и сзади деревья. От плена или гибели В.А. Лыткина спасли подоспевшие на помощь танкисты [15, с. 75]]. К концу декабря 1939 г. наступление окончательно застопорилось.

Более того, дивизия, в которой служили З.В. Панев, Ф.П. Парилов и многие другие сыктывкарцы, попала в окружение. Возникли трудности с продовольствием. В дневнике Ф.П. Парилова есть такие записи: «обоз бывает обстрелян и есть раненые»; «обоз из Питкананта не пришел, хлеба не получили» (20 февраля 1940 г.); «обоз из Питкананта не пришел» (21 февраля); «обоз снова не пришел» (22 февраля), «хлеба получали на 100 чел. буханку и 50 гр. сухарей»; «до сегодняшнего дня не получали 4 дня хлеба, только по 100 грамм сухарей»; «получали на 3-4-10 ч. буханку»; «зарезали

лошадь и на обед варили конину с гороховым пюре» (23 февраля), «зарезали 3-х лошадей и варили дополнительно мясо» (25 февраля), «ночью варили конину» (27 февраля) [3, с. 110]. З.В. Панев вспоминал, что командир его полка приказал «как можно быстрее забить всех лошадей..., чтобы использовать их мясо на питание». «забитых лошадей закопать в снег», «иначе их могут передать другим полкам». Это «позволило спасти людей от неминуемой голодной смерти» [18, с. 304].

«Отсутствие продуктов длительное время (56 суток) крайне тяжело отражалось на моральном состоянии людей. Нужны ли слова, чтобы понять обстановку, которая сложилась после того, когда были съедены последние куски конины и конской кожи. Но людей мучал и терзал не только голод. Ожидая контрнаступления финнов, мы находились в постоянном напряжении... Была потеряна вера в то, что скоро подойдут наши войска и прорвут кольцо окружения, в некоторых батареях людьми овладело чувство отчаяния. <...> В батареях, где не удавалось наладить хоть какое-то питание, люди настолько истощали, что стали походить на тени» [18, с. 304].

Во второй половине февраля 1940 г., вспоминал З.В. Панев, он побывал на 6-й батарее. «Здесь было 12 сыктывкарцев. Они сразу собрались к костру, пришли и другие... Я многих знакомых не сразу узнал в лицо, изменились поразительно... Тягостно и жалко было смотреть на них. Лица почернели, появились глубокие морщины, глаза потухли, нет в них никакого огонька. <...> Они мне поведали, ...что уже 15 дней не видели ни крошки хлеба. нет и куска конины, ни конской кожи, и даже копыт. Самолеты с продуктами ни разу не прилетали. <...> Послышались грубые слов обиды и проклятия в адрес Ворошилова, называли его маршалом-дураком. “Умереть-то мы умрем, но обидно погибать вот так беспутно. Товарищ Панев, если вы останетесь живым, передайте родным и всему Сыктывкару, как нам приходится погибать за неправо дело здесь в чужом краю”. <...> Я был такой же истухалый и обессиленный, как и они» [18, с. 310–311].

Брат Ф.П. Парилова Василий вспоминал, что «командование приняло решение осуществить разведывательный рейд из передовых частей к своим тылам по берегу и льду Ладоги с целью поиска путей подвоза боеприпасов и продуктов. Эту задачу, как хорошему лыжнику, поручили выполнить Филиппу», который «на лыжах по глубокому снегу ночью и ранним утром совершил несколько рейдов к тыловым подразделениям и обратно» [19, с. 43]. З.В. Панев писал, что в этом разведрейде участвовал также сыктывкарец Б.Ф. Тюрнин, которому удалось во время разведки найти «в каком-то заброшенном фермерском доме полмешка белой муки, которая оказалась настоящей “манной небесной”» для голодавших бойцов [18, с. 303].

23 февраля 1940 г. Ф.П. Парилов записал в дневнике: «Выпущенном номере стенгазеты отмечены мои боевые действия и я вместе с комбатом

политруком представлен к правительственной награде... Неужели мой поход на лыжах в Питкоранта является отважным и героическим походом? Что-то не верится». Казалось, и сама природа противостояла наступавшим: «С вечера начался ветер западный, со снегом уже когда ложились спать весь вход в землянку занесло снегом. Ночью не мог выйти из землянки», – писал в дневнике Ф.П. Парилов [3, с. 110]. З.В. Панев тоже вспоминал «жуткие морозы, которые убийственно действовали» на него; однажды он едва не замер насмерть [18, с. 305].

З.В. Панев в своих мемуарах писал, что «сыктывкарцы весь период войны вели себя мужественно. Почти всех их я знал в лицо еще по Сыктыв-кару, будучи на курсах младших командиров... На фронте... периодически справлялся о них через политруков батарей, приходилось и со многими встречаться лично. Поэтому дела их мне были известны. Командир полка Горелов и комиссар нередко хвалили их за храбрость и мужество. Особенно большую похвалу заслужил комендантский взвод штабной батареи, состоявший целиком из сыктывкарцев. Они отличились в строительстве командных и наблюдательных пунктов, которые сооружались в ночное время прямо под носом финских егерей. Землянка их находилась рядом с нашей штабной, мне приходилось бывать там; и, конечно, я всех хорошо знал. Это были Аркадий Иванович Прошев, Иван Михайлович Терентьев, Федор Федорович Забоев, Илья Михайлович Никонов, Борис Федорович Тюрнин, его двоюродный брат Федор Александрович Тюрнин, Старцев, Селиванов, Князев, Лыткин, Сидоров, Сорвачев, Колпачиков, Жеребцов». «Случалось встречаться и с другими сыктывкарцами, в том числе с Ф.П. Париловым, И.Н. Пешкиным, А.И. Кызродевым и другими». «Коми воины – костяк наших батарей». Они дисциплинированные, смелые и выносливые, без нытья переносят все трудности», – так, по словам З.В. Панева, говорили командиры [18, с. 309, 311–312].

Финскую войну коми периодическая печать освещала более скупой, чем предшествовавшие японские и польскую кампании. Сказывалось отсутствие побед на фронте и большие потери войск. На финской войне погибли многие солдаты и командиры РККА – уроженцы Коми АССР, среди них Алексей Иванович Жеребцов, Василий Николаевич Оверин, Василий Александрович Попов, Семен Александрович Сюрвасев, Алексей Осипович Сюрвасев, Алексей Андреевич Юркин, Владимир Степанович Юркин и другие сыктывкарцы и жители Слободы. Некоторые попали в плен к финнам (в частности, военнослужащие 18-й, 44-й и 75-й стрелковых дивизий, оказавшихся в окружении). Среди тех, кто испытал тяготы плена, были служившие в 44-й дивизии сыктывкарцы старший сержант В.П. Забоев и красноармеец-артиллерист И.А. Лыткин (оба были призваны в армию в 1938 г.). По окончании войны с Финляндией их, как и других побывавших

в плену, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1940 г. направили в Ивановскую область, в Южский лагерь НКВД (там в общей сложности содержалось примерно 5,5 тыс. бывших военнопленных) [13, с. 92, 95, 99].

29 июля 1940 г. Л.П. Берия сообщил И.В. Сталину, что 232 бывших военнопленных приговорены к расстрелу, и предложил арестовать и передать суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР 250 человек из числа содержащихся в лагере, «4354 человек, на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, – решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет», а еще «450 человек, попавших в плен будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, – освободить и передать в распоряжение Наркомата Обороны» (<https://chest-i-razym.livejournal.com/440470.html>). Месяц спустя, в конце августа, В.П. Забоев и И.А. Лыткин были арестованы, но, к счастью, расстрела им удалось избежать. В конце сентября, Особое совещание при НКВД СССР осудило их на 5 лет лишения свободы «за сдачу в плен белофиннам без сопротивления» [13, с. 92, 95, 99]. (Во время Великой Отечественной войны оба, вероятно, попали на фронт. В.П. Забоев демобилизовался в октябре 1945 г., И.А. Лыткин в 1946 г. [11, с. 153; 12, с. 463]).

В газетах публиковались оперативные сводки Ленинградского военного округа, фотографии Героев Советского Союза и другие материалы. 4 января 1940 г. газета «За новый Север» опубликовала письмо Ф.П. Парилова, в котором он писал на родину: «В частях Красной Армии, действующих на территории Финляндии, ...широко развернулось социалистическое соревнование... Этот почин подхватило и наше подразделение. Наша батарея, пролагая для пехоты путь ворошиловскими залпами, за время боев не имеет потерь ни людского, ни конского состава. В этих боях выросли бесстрашные артиллеристы, посылающие точно по врагу наши грозные снаряды... Трудно описать действия озверелых финских белобандитов. Отступая, они насильно уведят мирное население, сжигают на своем пути все дома и постройки. Такого ужаса финской войны народ еще не переживал. Это предсмертные судороги погибающего зверя. Наша Красная Армия, несмотря ни на что, уверенно идет вперед. И недалек тот час, когда финский народ вздохнет свободно и начнет строить свою новую жизнь» [6].

Ф.П. Парилов вызвал молодежь Коми АССР на социалистическое соревнование: «Красная Армия сильна потому, что она имеет хороший, крепкий тыл, обеспечивающий ей великие победы. Чтобы тыл был еще крепче, чтобы Красная Армия получила мужественное и здоровое пополнение, я, физкультурник – чемпион Коми АССР по лыжам, решил вызвать

вас, дорогие товарищи – физкультурники и физкультурницы, на соревнование за быстрейшее освоение нового комплекса “Тотов к труду и обороне”». Ф.П. Парилов ставил перед физкультурниками Коми АССР задачи: «Подготовить новые тысячи значкистов ГТО... каждый выпускник школ – значкист ГТО... Ни один призывник не должен идти в армию без этого значка». В свою очередь, сам он обязался «быстро и точно выполнять приказы командования, пулеметы, боевое имущество и коней всегда держать в образцовом состоянии», так что «грозное оружие – пулеметы – всегда будут готовы поливать врага свинцовым дождем». «Вступая в боевые соревнования, я клянусь мужественно и умело, с достоинством и честью защищать свою родину, не щадя сил и жизни помогать финскому народу в его борьбе против угнетателей» [6]. В ответ на призыв Ф.П. Парилова молодежь Коми АССР всерьез взялась за выполнение норм оборонного значка ГТО. К июлю 1940 г. среди пионеров и школьников Коми АССР было подготовлено 2 174 значкиста [7].

26 февраля 1940 г. газета «За новый Север» сообщила, что в Сыктывкаре организована специальная комиссия городского совета по приемке и отправке подарков на фронт (от населения были приняты в большом количестве полотенца, пуховые кашне, высшие сорта папирос, какао, шоколадные конфеты, теплые варежки и т.д.).

Большое внимание уделялось информационной войне. Нарком внутренних дел Коми АССР М.И. Журавлев 16 февраля 1940 г. направил в Коми обком ВКП(б) и Совнарком Коми АССР докладную записку: «В связи с военными действиями в Финляндии, капиталистические государства усилили антисоветскую контрреволюционную агитацию по радио, передаваемую на русском языке в различное время суток. Перед радиостанциями НКВД стоит ответственность осуществления контроля в эфире и недопущения антисоветских передач путем забивки появляющихся контрреволюционных вещательных радиостанций. В настоящее время радиостанция НКВД Коми АССР не имеет возможности осуществлять контроля и предотвращать антисоветские передачи из-за того, что в 120–150 метрах от радиостанции расположен кабинет физиотерапии в Поликлинике, находящейся на ул. Советская, дом № 19, во время работы последнего контроль и забивку вести нельзя, в то же время весь город хорошо слышит эти передачи. Это происходит из-за того, что питание электроэнергией аппаратуры кабинета физиотерапии совершенно заглушает работу Радиостанции. Исходя из вышеизложенного необходимость требует перевести кабинет физиотерапии от радиостанции на расстояние не менее как на 600–700 метров, при этом прошу учесть, что данное решение необходимо в ближайшее время, так как контрреволюционные передачи в последнее время резко увеличиваются» [17, л. 42–42 об.].

В первой половине 1940 г. Франция и Великобритания, которые вели так называемую «странную войну» с Германией (боевые действия шли в основном на море, а на суше их почти не было) намеревались начать военные действия с Советским Союзом, поставлявшим немцам нефть. Их планы включали бомбардировку нефтепромыслов, нефтеперегонных предприятий, нефтехранилищ и портовых сооружений в Баку, Грозном, Батуми, а также Потти, Туапсе и, возможно, Одессы. Около ста английских, французских и американских бомбардировщиков в мае должны были отправиться в рейд с авиабаз в Сирии, Иране и Турции. Выдвигалась даже идея ввести в Черное море авианосцы. Обсуждались организация мусульманско-сепаратистских восстаний на Кавказе и военное вторжение союзников в этот регион, а также (видимо, вспомнился опыт Крымской войны) военные операции на севере (близь Мурманска и Архангельска) и на Дальнем Востоке [20].

Однако до бомбежки советских городов англо-франко-американской авиацией (и до неминуемого вступления, в результате этого, Советского Союза в войну со странами-агрессорами) дело не дошло. Пока на Ближнем Востоке строились дополнительные аэродромы, перебрасывались самолеты и тысячи зажигательных, осколочно-фугасных и полубронебойных авиабомб для уничтожения Грозного, Баку, Батуми и других городов, обстановка резко изменилась. В апреле 1940 г. Германия оккупировала нейтральную Данию и вторглась в нейтральную Норвегию, где в течение двух месяцев вела боевые действия против норвежских и присоединившихся к ним английских войск. (По иронии судьбы, англичане сами планировали оккупировать скандинавские страны, но не успели; Великобритании и США пришлось ограничиться оккупацией нейтральной Исландии, до которой немцы не добрались). В мае 1940 г. немцы начали широкомасштабное наступление в Голландии, Бельгии и Франции, и в результате шестинедельной войны разгромили союзников, которым стало уже не до войны с СССР [10]. А англо-французские планы бомбить Советский Союз попали в руки немцев, которые не преминули сообщить об этом: «Германия заслуживает благодарности за спасение других государств, включая СССР, от втягивания в этот хаос в результате интриг союзников, поскольку она своевременно приняла ответные меры и быстро разгромила Францию» [20]. Но к этому времени «Зимняя война» уже завершилась.

Для того чтобы переломить ход войны в свою пользу, Советскому Союзу пришлось перебросить к финской границе дополнительные силы со всех военных округов СССР, образовать два фронта – Северный (командующий командарм 2-го ранга Г.М. Штерн) и Северо-Западный (командующий командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко), применять новую бронетехнику, огнеметы, танковые и воздушные десанты, массированные артиллерийские и авиаудары (в том числе и по городам), сформировать первые лыжные

подразделения РККА. В феврале 1940 г. началось генеральное наступление Красной Армии [2; 9].

При штурме «линии Маннергейма» медалью «За отвагу» был награжден И. П. Марков. За бои при наступлении на Выборг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля 1940 г. И. П. Маркову было присвоено звание Героя Советского Союза [1, с. 11–14]. Газета «За новый Север» 5 декабря 1940 г. опубликовала письмо, которое написали И. П. Маркову на фронт его земляки: «Дорогой Иван Петрович! В честь вашего подвига на фронте с финской белогвардейщиной мы, твои земляки, колхозники села Спаспуруб, взяли на себя обязательство всеми силами крепить социалистическое хозяйство, наш колхозный строй». И. П. Марков отвечал: «С именем Сталина на устах шаг за шагом мы двигаемся вперед. Белофинны под мощным нажимом наших частей отступают, сжигая и уничтожая все на своем пути...».

28 февраля «линия Маннергейма» была наконец-то прорвана. 2 марта передовые части РККА вышли на окраину Выборга, откуда открывался прямой путь на Хельсинки. Все эти основные события завершающего этапа войны разворачивались на Карельском перешейке и вблизи Финского залива. Севернее (там, где воевали З. В. Панев, Ф. П. Парилов и другие), обстановка мало менялась. 12 марта 1940 г. Финляндия подписала мирный договор, согласившись на передачу СССР части своей территории и создание советской военной базы [2; 9; 21; 22]. З. В. Панев вспоминал: «Мирный договор застал наш 453-й полк в окружении, в землянках, откуда не каждый уже мог выбраться самостоятельно...» [18, с. 315].

14 июля 1940 г. газета «За новый Север» опубликовала подробный репортаж о проходившей в Москве выставке трофеев японской, польской и финской кампаний Красной Армии. 18 августа 1940 г. в Сыктывкаре состоялась встреча молодежи с участниками боев в Финляндии. На встрече присутствовали братья Ф. П. и В. П. Париловы, Распопов. Младший командир Ф. П. Парилов, награжденный медалью «За боевые заслуги», которую ему торжественно вручил в Кремле сам «всесоюзный староста» М. И. Калинин, рассказал об упоминавшемся выше эпизоде с окружением: «Наш лыжный отряд получил приказ командира доставить обоз с питанием через линию, занятую противником. Высылавшиеся до нас группы не могли выполнить этой задачи. Под градом пуль, в буран, ночью мы доставили обоз к сроку. Комиссар полка объявил нам благодарность». Заканчивая свое выступление, Ф. П. Парилов призвал собравшихся: «Нужно добиться того, чтобы каждый боец Красной Армии был физкультурником». Еще один участник боев с финнами т. Распопов (преподаватель физкультуры в Сыктывкарском лесном техникуме) рассказал еще один случай из финской войны: «Когда получили приказ о прекращении военных действий, красноармейцы взби-

рались на сопки и кричали: «Мы не хотим чужой земли, но и своей никому ни одного вершка не отдадим!» [8].

Много позже, в 1960 г., З.В. Панев уже в ранге Председателя Совета Министров Коми АССР и депутата Верховного Совета СССР посетил Финляндию в составе парламентской делегации, встречался с финскими политиками и общественными деятелями. «Почти во всех беседах обнаруживался один мотив: ...“Зимняя война”.<...> Мы в своих беседах не раз задавались вопросом, не пришло ли уже время забыть об этой печальной истории? И слышали везде однозначные по смыслу ответы: “Это история Финляндии, одна из самых трагических ее страниц; ее не вырвешь и не выбросишь точно так же, как не выбросишь слова из песни”», – написал он в своих мемуарах [18, с. 318].

В марте–апреле 1940 г. в Москве проходила внеочередная VI сессия Верховного Совета СССР, на которой нарком иностранных дел В.М. Молотов отметил: «Начавшуюся... в Финляндии войну англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунктом для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран – Швеции и Норвегии... Крутой поворот к лучшему в отношениях между Советским Союзом и Германией нашел свое выражение в Договоре о ненападении, подписанном в августе прошлого года. Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность» [23].

Сыктывкар тотчас отреагировал на выступление наркома. Газета «За новый Север», 1 апреля 1940 г. сообщала: «Трудящиеся Сыктывкара единодушно одобряют внешнюю политику Советского правительства. С напряженным вниманием и исключительным интересом слушали трудящиеся Сыктывкара передачу по радио текста доклада тов. В.М. Молотова на VI Сессии Верховного Совета СССР о внешней политике Советского правительства. В выходной день 30 марта в классах, общежитиях, красных уголках и на частных квартирах у репродукторов в часы передачи доклада собрались рабочие, служащие, колхозники, учащиеся, советская интеллигенция. Чувство глубокой гордости за свою великую родину, за мудрую сталинскую внешнюю политику правительство наполнило сердца трудящихся. Вчера, после рабочего дня во многих предприятиях, учреждениях, учебных заведениях состоялись митинги, посвященные VI Сессии Верховного Совета СССР и докладу тов. В.М. Молотова. В принимаемых резолюциях трудящиеся единодушно одобрили внешнюю политику правительства. В резолюции, принятой митингом преподавателей и студентов Коми Педагогического и Учительского институтов, в котором участвовало более 500 человек, говорится: “Внешняя политика Советского Союза была, есть и будет ясной,

твердой и вполне самостоятельной политикой, направленной на сохранение мира и обеспечению безопасности СССР. Эту политику нашего правительства единодушно и с громадным энтузиазмом поддерживает весь советский народ” ... Работники Управления милиции Коми АССР одобряя внешнюю политику правительства клянутся: “Еще теснее сплотиться вокруг нашей партии, вокруг Советского правительства и мудрого вождя и учителя товарища Сталина, еще честнее работать на своих постах, тем самым еще более укрепляя обороноспособность Советского Союза”. Сотрудники Верховного Суда и Совнаркома Коми АССР горячо и единодушно одобряют внешнюю политику правительства, обязуются еще упорнее работать на своих постах и ставят своей задачей тщательно изучить доклад тов. Молотова. Резолюции митингов трудящихся Сыктывкара продолжают поступать в редакцию».

Ряды Красной Армии неуклонно пополнялись подготовленными призывниками. Государственная граница была под надежной охраной. Ну, а если война – то малой кровью и на чужой территории...

Источники и литература

1. Александров, А.Н. Звезды отважных / А.Н. Александров. – Сыктывкар, 1991.
2. Аптекар, П.А. Советско-финские войны / П.А. Аптекар. – Москва, 2004.
3. Бондаренко, О.Е. «Сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов Страны Советов с оружием в руках...» / О.Е. Бондаренко // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 6. – Сыктывкар, 2008. – С. 106–111.
4. Жеребцов, И.Л. Всегда в строю, всегда в бою / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, Н.В. Мельникова. – Сыктывкар, 2018.
5. За новый Север. – 1939. – 30 ноября.
6. За новый Север. – 1940. – 4 января.
7. За новый Север. – 1940. – 14 июля.
8. За новый Север. – 1940. – 24 июля.
9. Зимняя война, 1939–1940. – Москва, 1998. – Кн. 1: Политическая история.
10. История Второй Мировой войны. 1939–1945. – Москва, 1974. – Т. 2.
11. Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – Т. 6. – С. 153.
12. Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 2009. – Т. 9. – С. 463.
13. Коробов, И.В. Заочно убитые: судьбы коми военнослужащих на советско-финской войне / И.В. Коробов // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Доклады и сообщения научной конференции 27 апреля 2005 г. – Сыктывкар, 2005. – С. 89–107.
14. Лыткин, Л. В разведку приходят однажды / Л. Лыткин // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 90–99.
15. Лыткин Л. Через три войны / Л. Лыткин // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 74–77.
16. Мейнандер, Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер. – Москва, 2008.

17. Национальный архив Республики Коми. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 669.
18. Панев, З.В. Вехи в пути. Воспоминания / З.В. Панев. – Сыктывкар, 2000.
19. Парилов, В. История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания / В. Парилов. – Сыктывкар, 2005.
20. Саркисов, Г. Бомбить Грозный, Баку, Одессу... / Г. Саркисов // Литературная газета. – 2020. – № 31. – С. 4–5
21. Соколов, Б.В. Тайны финской войны / Б.В. Соколов. – Москва, 2002.
22. Таскаев, М.В. Забытые герои малых войн / М.В. Таскаев // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Доклады и сообщения научной конференции 27 апреля 2005 г. – Сыктывкар, 2005. – С. 193–206
23. Шестая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (29 марта – 4 апреля 1940 г.): стенографический отчет. – Москва, 1940. – С. 26–27.

В.А. Сметанин*

**КУРСАНТЫ-ПИЛОТЫ ПЕРВОГО НАБОРА
СЕВЕРНОГО КРАЕВОГО АЭРОМОРСКОГО КЛУБА
ОСОАВИАХИМА ИМЕНИ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
А.Н. ФЕНЁВ И А.С. ЛЕБЕДЕВ**

***Аннотация:** В статье говорится о подготовке первого набора курсантов-пилотов на самолётах У-2 в Северном краевом аэроклубе и боевой работе на этих самолётах двух лётчиков из первого выпуска аэроклуба на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.*

***Ключевые слова:** аэроклуб, Осоавиахим, самолёт У-2, Великая Отечественная война*

Союз обществ содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим, ОАХ) в СССР существовал два десятилетия, с 1927 по 1948 г. Перед Великой Отечественной войной через Осоавиахим прошли до 80 % военнослужащих сухопутных войск и почти весь личный состав авиации. В школы военно-воздушных сил стали принимать только лиц, прошедших подготовку в аэроклубах ОАХ, а в воздушно-десантные войска призывались исключительно осоавиахимовцы.

В феврале 1934 г. в Архангельске был открыт Северный Краевой аэроморской клуб Осоавиахима. Ему присвоили имя «Героев Советского Союза». Помещался он в одноэтажном доме по улице Садовой, принадлежащем частному лицу Вавилову. Аэроклуб занимал все помещения дома, причём три комнаты были отданы под квартиры технического состава [2, д. 4. л. 17]. В распоряжении аэроклуба находилось четыре самолёта У-2, четыре самолёта Ш-2 и один самолёт СП. Своих ангаров и мастерских у аэроклуба не было, и он базировался на аэродроме гражданского воздушного флота, находящемся на Кегострове [2, д. 5, л. 4].

Первый набор курсантов-пилотов аэроклуба приступил к учебным занятиям 1 апреля 1934 г. [2, д. 11, л. 8.] Занятия проводились без отрыва от производства в вечернее время. В двух группах первого набора обучался 21 курсант. В первой группе инструктора Будаева состояло девять курсантов: Яков Трофимович Степанов, Степан Филиппович Фетин, Василий Иванович Громов, Алексей Михайлович Головин, Павла Павловна Власова, Митрофан Иванович Скрипов, Тимофей Кириллович Карпов, Семён Григорьевич Федотов и Дмитрий Николаевич Попов. Во второй группе инструктора Воробьёва обучалось 12 человек: Александр Николаевич Фенёв,

* Сметанин Владислав Александрович – член Учёного совета Архангельского центра Русского географического общества, г. Архангельск.

Степан Петрович Новосёлов, Вениамин Нилович Бестужев, Алексей Семёнович Угрюмов, Иван Петрович Титов, Сергей Евгеньевич Чашин, Павел Константинович Черноков, Иван Николаевич Варнухович, Василий Иванович Аксёнов, Ефим Григорьевич Твердов, Андрей Степанович Лебедев и Фёдор Васильевич Клементьев [2, д. 4, л. 17–20].

Курсант Александр Фенёв родился в 1910 г. в селе Клоновское Ростовской волости Шенкурского уезда Архангельской губернии [5, оп. 682524, д. 595, № 1102755875] (ныне урочище Клоновское находится на территории Виноградовского района Архангельской области). После демобилизации из Красной армии он приехал в Архангельск и поступил на работу в открывавшийся аэроклуб планеристом [2, д. 4, л. 17].

Курсант Андрей Лебедев, уроженец деревни Гривы Кехотской волости Архангельского уезда Архангельской губернии (ныне Холмогорского района Архангельской области), родился в 1916 г. в крестьянской семье. Во время учёбы в аэроклубе работал слесарем на базе Севгосрыбтреста, состоял в комсомоле [2, д. 4, л. 10].

Через год напряжённых занятий, 9 апреля 1935 г., комиссия в составе председателя, лётчика Гражданского Воздушного Флота Синайского, и членов: начальника аэроклуба А. С. Зака, начальника лётной части Лукинского, представителя Центрального Совета ОАХ А. Ф. Носова и помполита аэроклуба А. П. Старкова проверила технику полётов курсантов. Она заключила, что у курсанта Фенёва все элементы полёта нормальны, но замечается небольшая резкость ногами на глубоком вираже, выставив общую оценку «вполне удовлетворительно». У курсанта Лебедева комиссия нашла все элементы полёта нормальными с общей оценкой «хорошо» [2, д. 4, л. 18–20].

Через месяц, 10 мая 1935 г., аттестационная комиссия, членами которой были А. С. Зак, Лукинский и помощник начальника аэроклуба по политической части В. Н. Тюшев, а председателем – А. Ф. Носов, экзаменовала курсантов. С аттестациями на Фенёва и Лебедева, составленной инструктором П. К. Воробьёвым, комиссия согласилась. В аттестации на Фенёва говорилось, что он был дисциплинированным, политически и физически развитым человеком, участвовал во всех мероприятиях общественной жизни аэроклуба, имел хорошие организаторские способности и пользовался авторитетом у товарищей. Хорошо знал материальную часть самолёта У-2 и вполне удовлетворительно успевал по теоретическим дисциплинам. В аттестации отмечалось также, что имелись случаи тошноты после выполнения спирали, а также жалобы на усталость. В заключении аттестационная комиссия отметила излишнюю говорливость Александра Николаевича и рекомендовала направить его в инструкторскую школу [2, д. 4, л. 36–36 об.].

В аттестации на курсанта Лебедева было сказано, что за период обучения на самолётах У-2, Ш-2 он программу выполнил с оценкой «хорошо».

Физически и политически развит, вынослив, общественник, пользуется авторитетом у товарищей. Летает смело, уверенно и грамотно. Дисциплинирован как на земле, так и в воздухе. Активен, исполнитель, трудолюбив. Теоретически успевает хорошо и материальную часть самолёта У-2 знает тоже хорошо. Комиссией было предложено использовать Лебедева в ВВС РККА или на инструкторской работе [2, д. 4, л. 35–35 об.]. Александр Фенёв, Андрей Лебедев и ещё 19 курсантов первого набора были удостоены звания пилотов Осоавиахима с правами полётов на самолётах У-2 [2, д. 4, л. 18–45].

На следующий год А.С. Лебедев продолжил учёбу в аэроклубе без отрыва от производства, теперь уже в инструкторской группе и тоже первого набора. В этой группе численностью 11 человек, инструктором которой был Н.А. Дроздовский, все курсанты были выпускниками аэроклуба двух первых наборов: Анатолий Сергеевич Рудаков (1915 г.р.), Андрей Степанович Лебедев (1915), Иван Александрович Варлачёв (1903), Павел Константинович Черноков (1915), Павел Фёдорович Бирюлин (1903), Яков Иванович Попов (1905), Митрофан Иванович Скрипов (1913), Иван Петрович Титов (1913), Григорий Фёдорович Филиппов (1909), Дмитрий Николаевич Попов (1915) и Михаил Петрович Захаров (1909).

Актом от 10 декабря 1936 г. комиссия, созданная на основании приказа по Северному военному округу за № 56 от 2 декабря, под председательством командира отдельного авиаотряда части № 31 капитана А.И. Романова и членов – военного лётчика части № 31 лейтенанта Г. Лавреньева, от СВК лейтенанта И.В. Юнина, политинспектора Крайсовета ОАХ Игольников, представителя НКВД И.А. Хабарова, начальника аэроклуба А.С. Зака, исполняющего обязанности начальника лётной части аэроклуба Н.А. Дроздовского произвела приём зачётов у курсантов инструкторской группы по пройденным дисциплинам. Лебедев по технике пилотирования получил 5 баллов, а по теории – 4,2 балла. Общий балл составил «4,6 – отлично». Комиссия присвоила звание инструктора Осоавиахима А.С. Лебедеву и ещё десяти перечисленным выше курсантам, освоившим программу инструкторов [2, д. 10, л. 12–13].

В 1937–1938 гг. А.С. Лебедев работал в Архангельском аэроклубе начальником лётной части, а начальником аэроклуба в те годы был Павел Фёдорович Бирюлин. С 1 января 1939 г. Архангельский аэроклуб прекратил подготовку пилотов и перешёл на подготовку только авиатехнических кадров. Поэтому три группы пилотов были переведены на учёбу по программе авиатехников. А.С. Лебедев был назначен командиром тренировочного отряда, и ему было поручено с 15 января 1939 г. заниматься тренировкой пилотов запаса [1, д. 95, л. 7]. Известно, что накануне Великой Отечественной войны он окончил Ульяновскую школу лётчиков. А 10 ноября 1940 г. Архангель-

ский аэроклуб был закрыт, подготовив за шесть с половиной лет сотни пилотов, авиатехников и парашютистов [1, д. 95, л. 82].

В начале Великой Отечественной войны лейтенант Фенёв был призван из запаса Ухтомским райвоенкоматом Московской области – Ухтомского (ныне – Люберецкого) района. Служил он в 211-й отдельной авиационной эскадрилье связи. 22 сентября 1941 г. эта эскадрилья прибыла из Казани в распоряжение ВВС 52-й отдельной армии Северо-Западного фронта на самолётах У-2. Приземлилась на аэродроме Волгино, находившемся в трёх километрах западнее города Боровичи.

За самолётами У-2 охотились «мессершмитты», так как на них часто перелетали воинские начальники, доставлялись в войска важные документы командования армии и фронта. На этих самолётах тогда не было ни радиий, ни пулемётов, летали без парашютов. Чтобы фашистский стервятник не сбил, приходилось летать на малой высоте над лесами. Такие полёты были рискованными. В случае отказа мотора или когда подобиют, оставалось очень мало времени на поиск подходящего места для вынужденной посадки. Надо было отлично знать район полётов, вести бдительное наблюдение за воздухом, уметь точно рассчитать и посадить самолёт на ограниченную площадку или на дорогу.

Обеспечивая командование связью с войсками на фронте, 211-я отдельная авиаэскадрилья поддерживала связь с нашими войсками, оказавшимися в окружении. А главное, она первой на этом участке фронта применила самолёт У-2 как ночной бомбардировщик. В октябре 1941 г. в эскадрилье была создана экспериментальная группа из пяти экипажей для ночного бомбометания по передней линии обороны противника и в ближайшем его тылу. Экспериментальную группу возглавил лейтенант А. Н. Фенёв.

По прибытии на фронт звена лейтенанта Фенёва командир эскадрильи капитан Срулик проверил подготовку лётчиков, включив три экипажа в группу «ночников». Днём летать было нельзя, так как в небе шныряли истребители противника. Для полётов ночью лётчики прошли специальный курс на аэродроме Веребье под руководством капитана Срулика. Там лётчики набирали опыт в посадке при фонарях «летучая мышь». С экипажами провели занятия и по особенностям ориентировки.

В автомастерских в Волгино установили на шесть самолётов У-2 балки для эрсов (реактивных снарядов, РС) – от четырёх до шести на каждой машине. Кроме того, машины имели по четыре бомбодержателя для подвески бомб: двух ФАБ-50 и двух АО-25. Бомбометание проводилось с высоты от 400 до 1000 м одиночными экипажами. В начале ноября 1941 г. в одну из ночей сделали первые шесть успешных вылетов и получили благодарности наземных войск. В том же ноябре группа начала производить боевые ночные вылеты на бомбометание войск противника в населённых пунктах

Большая Вишера, Папоротно, Гряды, Дубцы, Чудово, Грузино и др. Ночные полёты экспериментальной группы дали положительные результаты. Потерь она не имела, зато сильно изматывала силы врага ночами и давала ценные разведывательные данные о противнике. Лётчики группы А.Н. Фенёва хорошо овладели техникой пилотирования ночью и стрельбой эрсами по зенитным прожекторам, зенитным батареям и другим огневым точкам, а штурманы успешно бомбили опорные пункты захватчиков в местах их скопления [3, с. 62].

Мало того, что У-2 по ночам наносили урон противнику в технике и живой силе, они буквально изнуляли фашистов, давая возможность отдыхать нашим войскам. Группа ночников не давала захватчикам покоя, заставляла их выбираться из тёплых домов на мороз и укрываться в щелях. Над головами гитлеровцев всю ночь тарахтели наши самолёты, сбрасывающие бомбы на огневые позиции, землянки, командные пункты. Как только немцы не называли У-2: «молотилкой», «кофейной мельницей» и даже «ночным бандитом».

Кроме бомбометания, с самолётов сбрасывали большое количество листовок на территорию, занятую врагом. В ночь делали от четырёх до восьми, а иногда до 12 вылетов. За короткое время группа совершила более ста боевых вылетов, эффективность была высокой, а потеря, к счастью, не было.

В декабре 1941 г. эскадрилья вошла в состав войск Волховского фронта, позже группа Фенёва из 211-й отдельной авиаэскадрильи была передана в 662-й ночной бомбардировочный авиаполк, который дислоцировался в деревне Белая Гора Новгородского района Ленинградской области. С января 1942 г. эскадрилья стала передавать свой боевой опыт целым авиационным полкам, вооружённым самолётами У-2, которые стали прибывать на Волховский фронт. Достаточно сказать, что в 1942 г. в составе ВВС наземных армий фронта было 10 таких авиаполков.

7 января 1942 г. А.Н. Фенёв был представлен к награждению орденом Красного Знамени. При кратком изложении личного боевого подвига в наградном листе, подписанном командиром 211-й отдельной авиаэскадрильи капитаном Сруликом, начальником штаба лейтенантом Губочкиным и военкомом политруком Макаровым, сказано: «Предан делу партии Ленина-Сталина и Социалистической родине. Дисциплинирован, требователен к себе и подчинённым. Смелый, храбрый, неутомимый патриот родины. Со 2 декабря 1941 года по 3 января 1942 года произвёл 28 ночных боевых вылетов на самолёте У-2 с общим налётом 39 часов 38 минут, из них на бомбометание войск противника 16 вылетов, и по доставке продуктов и боеприпасов нашим частям, находившимся в тылу у противника, 12 вылетов. Сбросил в расположение войск противника 12 тысяч листовок. Все

эти полёты производились в сложных метеоусловиях, а именно: в облаках, тумане и густой дымке.

4 декабря 1941 г., выполняя боевое задание, экипаж Фенёва попал в туман и, несмотря на обледенение, он свой самолёт привёл на аэродром и благополучно произвёл посадку. В одном из вылетов 14 декабря 1941 г. ночной разведкой установил интенсивную переброску резервов противника на автомашинах к пункту Большая Вишера, где противник находился в критическом положении. Разведав эти автоколонны, лейтенант Фенёв со своим штурманом произвёл ещё три боевых вылета и бомбил автоколонны, тем самым расстроил движение резервов противника и в некоторой доле помог нашим наземным частям освободить город Большая Вишера от немецких войск. Немалую помощь оказал лейтенант Фенёв со своим штурманом в ночь с 30 на 31 декабря 1941 г. В эту ночь он сделал шесть ночных вылетов и, находясь в воздухе 10 часов, летал в тыл противника к своим частям, доставив им продукты и боеприпасы. Несмотря на сложные задания, он выполнял их только отлично, не считаясь со временем и силами. Фенёв как храбрый, неутомимый и преданный патриот нашей родины, заслуживает награды ордена «Красное Знамя»».

Не дождавшись приказа о награждении, 8 февраля 1942 г. лейтенант А.Н. Фенёв, как самый активный лётчик, сделавший самое большое количество ночных вылетов, командованием 211-й отдельной авиаэскадрильи был представлен к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза [3, с. 63]. Представление в наградном листе подписали те же капитан Срулик, политрук Макаров и лейтенант Губочкин.

При изложении личных заслуг А.Н. Фенёва в наградном листе сказано, что он готов в любую минуту пойти на самопожертвование ради своей любимой родины. За время со 2 декабря 1941 по 4 февраля 1942 г. совершил 60 ночных боевых вылетов на изнурение и уничтожение живой силы противника с общим налётом 97 часов 16 минут. Кроме того, выполнял специальные задания, летая ночью в тыл противника для доставки боеприпасов и продуктов своим частям, находившимся в окружении. Все эти ночные полёты производил в средних и сложных метеоусловиях. Так, 2 декабря 1941 г., вылетев ночью на бомбометание противника в пункте Б. Вишера, при возвращении попал в сильный снегопад, но экипаж не растерялся, сумел пройти сквозь снегопад и привести самолёт на аэродром. Летая на бомбометание противника, А.Н. Фенёв попутно вёл разведку по дорогам и пунктам. Так, 14 декабря 1941 г., вылетев на бомбометание пункта Гряды, он разведал большую автоколонну противника, по которой произвёл атаку и тремя последующими вылетами бомбометанием и расстрелом из «РС» расстроил подброску резервов противника, уничтожив пять автомашин с живой силой. Каждый ночной вылет А.Н. Фенёва сопровождался для противника боль-

шими потерями, подтверждёнными наземными частями. Он имел несколько благодарностей за отличное выполнение боевых заданий. Не считаясь со своими силами, 30 декабря 1941 г. произвёл шесть самолёто-вылетов, налетал при этом 10 часов, доставляя частям, находившимся в окружении, боеприпасы и продукты. А. Н. Фенёв, как преданный бесстрашный патриот нашей социалистической родины, достоин высокого звания Героя Советского Союза.

Командование ВВС 52-й армии поддержало командование 211-й отдельной авиаэскадрильи. В заключении от 18 февраля 1942 г., подписанном командующим полковником Брайко и военкомом полковым комиссаром Присяжнюком, сказано: «За произведённые 60 ночных боевых вылетов на изнурение и уничтожение живой силы и материальной части противника, за доставку боеприпасов и продовольствия своим частям, находившимся в тылу противника, мужество и отвагу – достоин высшей правительственной награды звания “Героя Советского Союза”».

Командование 52-й армии в лице командующего генерал-лейтенанта Яковлева, членов Военного Совета дивизионного комиссара Панитаса и бригадного комиссара Фурта 7 марта 1942 г. подтвердило, что лейтенант Фенёв достоин этой награды. Однако в заключении командования ВВС Волховского фронта от 1 апреля 1942 г., подписанном командующим ВВС фронта генерал-майором авиации Журавлёвым и военным комиссаром ВВС фронта бригадным комиссаром Горским сказано, что достоин награждения орденом Ленина.

20 апреля 1942 г. приказом Военного Совета Волховского фронта лейтенант Фенёв за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество был награждён орденом Красного Знамени [5, оп. 682524, д. 595, № 1102755875]. А через месяц, 23 мая 1942 г., приказом войскам Ленинградского фронта, подписанным командующим войсками фронта генерал-лейтенантом Хозиным, членом Военного Совета фронта армейским комиссаром 1 ранга Запорожцем и начальником штаба генерал-майором Стельмахом от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР лейтенант А. Н. Фенёв за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был награждён орденом Ленина. Приказ был утверждён Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписями его председателя М. Калинина и секретаря А. Горкина [5, оп. 682524, д. 100, № 10426501].

О последующей судьбе Александра Николаевича Фенёва автору неизвестно. В 1970–1990-х гг. боевой путь 211-й отдельной авиаэскадрильи изучали пионеры города Малая Вишера Новгородской области. Собранная ими информация хранится в школьном музее. Возможно, там есть и сведения о А. Н. Фенёве.

Андрей Степанович Лебедев в ноябре 1941 г. был призван в РККА военкоматом города Коврова Ивановской (ныне – Владимирской) области. 12 апреля 1942 г. он в составе 714-го ночного бомбардировочного авиационного полка прибыл на Сталинградский фронт. На вооружении полка также стояли «кукурузники» У-2, на которых были установлены балки для РС и бомбодержатели.

А.С. Лебедев воевал умело и эффективно. За проявленные смелость, отвагу и успешное выполнение ночных боевых заданий он ежегодно представлялся командованием к награждению орденом Красного Знамени, но был награждён двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени.

В представлении от 7 июня 1942 г. к награждению младшего лейтенанта А.С. Лебедева орденом Красного Знамени говорилось, что за время пребывания в действующей армии на фронте борьбы с немецкими захватчиками он проявил образцы мужества и стойкости во время выполнения боевых заданий. Совершил ряд успешных ночных бомбардировок, из них по скоплению танков противника в районе хутора Малая Западенка, по скоплению мотомеханических частей противника в районе Большая Гомольша, Змиев, Петровская и др. Успешно проводил бомбометание по скоплению пехоты противника. Все боевые задания выполнял точно в срок. За время боевой работы только до 24 мая 1942 г. имел 20 ночных боевых вылетов с налётом 26 часов 33 минуты. Несмотря на сильный обстрел зенитной артиллерией противника, Лебедев точно в указанное место и время приводил самолёт для бомбометания, а после выполнения боевого задания возвращался на свой аэродром невредимым с исправным самолётом.

За 25 вылетов и 45 специальных заданий на Юго-Западном фронте 31 июля 1942 г. приказом по войскам Сталинградского фронта заместитель командира эскадрильи 714-го авиационного полка ночных бомбардировщиков младший лейтенант А.С. Лебедев за проявленную смелость и успешное выполнение ночных боевых заданий был награждён первой боевой наградой – орденом Красной Звезды. Приказ подписали командующий войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант Гордов, члены Военного Совета Хрущёв и дивизионный комиссар Кириченко [5, оп. 682524, д. 989, № 0588879].

24 января 1943 г. командир авиаэскадрильи 901-го Ночного бомбардировочного авиаполка старший лейтенант Лебедев был представлен к награждению орденом Красного Знамени. В кратком изложении его личного боевого подвига говорится, что после награждения орденом Красной Звезды он произвёл ещё 60 боевых вылетов и 90 вылетов на спецзадания. В одном из вылетов на бомбометание 5 июля 1942 г. А.С. Лебедев был легко ранен. Им сброшено 22,5 тонн бомб, расстреляно 800 патронов, разбросано

12 тыс. листовок. По подтверждению других экипажей, с 16 на 17 декабря 1942 г. на аэродроме села Б. Россошка он уничтожил два транспортных самолёта, с 3 на 4 января 1943 г. в населённом пункте Бобуркин взорвал склад, с 10 на 11 января 1943 г. в селе Новый Рогачик вызвал сильный взрыв, с 15 на 16 января 1943 г. в пункте М. Россошка уничтожил две автомашины. Всего эскадрилей произведено 1 315 боевых вылетов, сброшено 218 тысяч бомб, расстреляно более 8 тыс. патронов, разбросано 357 тыс. экземпляров листовок. Сброшено 83 огневых мешка, 1393 штук «АЖ-2», уничтожено 11 транспортных самолётов противника. Лебедев правильно и умело нацеливает личный состав эскадрильи на быстрейшую ликвидацию вражеской группировки под Сталинградом. Достоин награждения орденом Красного Знамени.

Приказом по войскам Центрального фронта от 3 апреля 1943 г., подписанным командующим войсками фронта генерал-полковником Рокоссовским, членом Военного Совета фронта генерал-майором Телегиным и командующим 16-й Воздушной армией генерал-лейтенантом Руденко, от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество старший лейтенант А.С. Лебедев был награждён орденом Красного Знамени [5, оп. 682527, д. 36, № 18714210].

В представлении от 24 мая 1944 г. к награждению А.С. Лебедева очередным орденом Красного Знамени говорится: «Тов. Лебедев за период боевой работы совершил 400 ночных боевых вылетов, после последнего награждения совершил 183 ночных боевых вылета, из них за период с 1 января по 1 мая 1944 года девять вылетов с посадкой на партизанских аэродромах, вывозя туда груз и людей, обратно вывез восемь раненых и спецгруз и шесть вылетов к партизанам, вывозя туда груз. Большинство полётов к партизанам производил в сложных метеоусловиях при высоте облачности 200-250 метров. В ночь с 16 на 17 июля 1943 года в населённом пункте Тачико создал один взрыв, что подтверждает экипаж Баранов-Никитин. В ночь с 1 на 2 августа 1943 года в населённом пункте Стрелецкая создал один сильный взрыв, что подтверждает экипаж Бухметов-Морозов. В ночь с 22 на 23 ноября 1943 года в результате трёх полётов на населённый пункт Гулевицы уничтожил и повредил три автомашины и подавил один зенитный прожектор, что подтверждают экипажи Дубов-Лебедев, Максимов-Величко, Самойлов-Кулюнин. В ночь с 24 по 25 апреля 1944 года совершил два полёта на выброску груза партизанам, причём оба полёта происходили в сложных метеоусловиях при видимости до одного километра и низкой облачности».

Приказом по 16-й Воздушной Армии от 22 июня 1944 г., подписанным командующим генерал-полковником авиации Руденко и начальником

штаба генерал-майором авиации Брайко, заместитель командира эскадрильи 44-го гвардейского авиационного Донского полка гвардии капитан А.С. Лебедев за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был награждён орденом Отечественной войны I степени [5, оп. 686044, д. 4600, № 22354103].

В представлении 25 апреля 1945 г. к награждению А.С. Лебедева орденом Красного Знамени его боевые заслуги изложены так: «За период Отечественной войны совершил 540 боевых вылетов на самолёте По-2 (самолёты У-2 в 1944 г. после смерти авиаконструктора Н.Н. Поликарпова стали называться в его честь По-2. – В.С.), из них 16 вылетов в тыл противника к партизанам, из коих девять с посадкой на партизанских площадках, доставлял ценный груз и боеприпасы и обратно вывез восемь раненых. После последнего награждения произвёл 158 боевых вылетов, из них на выброску специальных грузов повстанцам в г. Варшава 27 вылетов и восемь полётов на выброску парашютистов в глубокий тыл противника. Примерами бомбовых ударов Лебедева могут служить: 1. В боях за Прагу в сентябре 1944 года, действуя по узлам сопротивления противника, в ночь с 9 на 10 сентября 1944 года в н/п Вавер вызвал взрыв с пожаром; 2. В ночь с 27 на 28 сентября в г. Варшава подавил одну огневую точку; 3. В боях за расширение Наревского плацдарма в ночь с 7 на 8 октября 1944 года, действуя по населённым пунктам Юзефов и Буда-Обрембенская, разрушил одно строение и вызвал взрыв большой силы; 4. 17 февраля 1945 года в крепости Цитадель города Познань вызвал очаг пожара; 5. В боях за плацдарм на западном берегу реки Одер в ночь с 21 на 22 февраля 1945 года на железнодорожной платформе в одном километре от Цехина создал очаг пожара и разрушил одно строение.

На боевом счету тов. Лебедева после его последнего награждения: семь разрушенных строений, три взрыва, шесть очагов пожаров и две подавленные огневые точки. Под его командованием эскадрилья после последнего его награждения произвела 1 670 боевых вылетов при потерях: два самолёта и один экипаж. В 1945 году в его эскадрилье были два случая пьянки, по которым тов. Лебедевым были приняты решительные меры. В марте и апреле 1945 года пьянок и других нарушений директивы ВС фронта № 0143 в эскадрилье нет».

Приказом по 16-й Воздушной Армии от 10 мая 1945 г., подписанным командующим генерал-полковником авиации Руденко и начальником штаба генерал-лейтенантом Брайко, заместитель командира эскадрильи 44-го гвардейского авиационного Донского полка 271-й авиационной Сталинградско-Речицкой ордена Суворова дивизии гвардии капитан А.С. Лебедев за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество

был награждён вторым орденом Красного Знамени [5, оп. 690306, д. 2461, № 41603706].

По сведениям внучки А.С. Лебедева Татьяны Парахиной, в конце войны гвардии капитана А.С. Лебедева представляли к званию Героя Советского Союза, но документы «замотались». Каким-то образом они попали в воду и были испачканы. В таком виде посылать их было нельзя, а восстанавливать не стали [4, с. 308]. После Великой Отечественной войны А.С. Лебедев служил в Германии, а позже готовил курсантов в Кировском и Ташкентском аэроклубах. В 1956 г. полковник Лебедев был назначен начальником Тамбовского авиаклуба. Скончался в 2003 г.

Источники и литература

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 2381. Оп. 1.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 5871. Оп. 1.
3. Сметанин, В.А. Достоин звания Героя Советского Союза. Лётчик, лейтенант Александр Николаевич Фенёв / В.А. Сметанин // Возвращение в прошлое: материалы десятых краеведческих чтений. – Березник, 2018. – С. 59–68.
4. Сметанин, В.А. Северный краевой аэроморской клуб Осоавиахима имени Героев Советского Союза: выпускник первого набора пилотов полковник ВВС Андрей Степанович Лебедев / В.А. Сметанин // Беломорские чтения: материалы II и III межрегиональных научно-практических конференций. – Архангельск, 2019. – С. 301–308.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33.

Б.Р. Колегов, И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев *

СЫКТЫВКАРЦЫ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В статье показано, как отреагировали жители Сыктывкара на начало Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация, добровольцы, военное обучение, Сыктывкар, Коми АССР

Истории Коми республики периода Великой Отечественной войны посвящено значительное количество публикаций [1; 3; 6; 11–17; 22–25]. В данной работе рассматривается вопрос о том, как отреагировали горожане на начало Великой Отечественной войны.

1941 год жители Сыктывкара (а их насчитывалось примерно 32,4 тыс. [10, с. 34]) встречали радостно. В начале января прошли очередные выборы, на которых горожане со свойственным им трогательным единодушием отдали свои голоса кандидату блока коммунистов и беспартийных первому секретарю Коми обкома ВКП(б) товарищу А.Г. Тараненко. На гастроли в Сыктывкар приехал ансамбль песни и пляски Чечено-Ингушской АССР. Как всегда, масштабно праздновали пролетарский Первомайский праздник. Учителя, школьники и, конечно, их родители готовились к «весенним проверочным испытаниям», развернув «социалистическое соревнование» за лучшую успеваемость, подготовку и сдачу экзаменов. Из государственного бюджета были выделены средства на строительство в Сыктывкаре мебельной фабрики, шиноремонтного завода, колбасно-холодильного цеха мясокомбината, молочного завода с цехом для производства мороженого, нового хлебозавода, швейного и кожевенно-обувного комбинатов, судостроительной верфи в затоне «Красный водник», детской больницы и городского водопровода (водоприемник, береговой колодец, насосная станция и коммуникации протяженностью 7 км), новой телефонно-телеграфной станции и провести озеленение города. Горисполком в первом полугодии 1941 г. обсуждал развитие пчеловодства в сыктывкарских колхозах (три пасеки,

* Колегов Борис Рудольфович – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. Таскаев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского Севера России» (№ 1021032425214-5-6.1.1).

с которых планировали собрать 1725 кг меда), ежедневный выпуск (летом) более 10 тыс. литров прохладительных напитков, обустройство парка культуры и отдыха имени Кирова [26, с. 36–37; 21, с. 3, 5; 38, с. 394].

«НОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, ШКОЛЫ, ДОМА.

К. Ранинин

Наступил 1941 год – год новых побед социализма во всех областях хозяйства и культуры советской страны. В прошедшем 1940 году трудящиеся города Сыктывкара добились замечательных успехов в своей работе. Лесозаводы, Хлебокомбинат, артели Промсоюза впервые досрочно выполнили свои годовые производственные планы. Значительно лучше, чем в прошлые годы поработали коллективы рабочих и служащих Стройтреста, ремонтно-строительной конторы, дорожного отдела Горкомхоза. Построены и сданы в эксплуатацию несколько школьных зданий, кинотеатр, много жилых домов, замощен ряд улиц и т. д.

В 1941 году будут проведены работы по дальнейшему развитию Сыктывкара. В районе затона “Красный водник” намечено построить большую судостроительную верфь. В самом городе закончится строительство мебельной фабрики, шиноремонтного завода, коммунальной прачечной. Больничный городок обогатится зданием детской больницы на 70 коек. Значительно обогатится жилой фонд города. Будет построено свыше десятка больших (ведомственных) и около 80 индивидуальных жилых домов. Большие работы будут проведены и по благоустройству города, в частности, по замощению улиц. Начнется постройка основного городского водопровода, по которому в 1941 году вода из Сысолы (от деревни Чит) будет подаваться по ряду улиц города». («За новый Север», 1 января 1941 г.).

Все эти планы рухнули с началом войны.

Л. И. Сурина, в то время студентка Коми пединститута, вспоминала, что они «абсолютно не были готовы к войне. Никто даже и не думал об этом». Но некоторые сыктывкарцы накануне войны чувствовали, что «что-то назревало». А. М. Белозеров (тогда – студент Великоустюгского техникума, а после войны – работник Коми обкома КПСС, Коми совнархоза, Сыктывкарского ЛПК, заместитель председателя Президиума Коми филиала АН СССР, директор Центрального государственного архива Коми АССР) рассказывал: хотя в июне 1941 г. и было опубликовано заявление ЦК ВКП(б), что войны не должно быть, «но в то же время напряжение чувствовалось; по газетам, по радио, по сообщениям, которые помимо этого сообщения шли, чувствовалось, что что-то должно быть, рано или поздно это должно случиться» [29, с. 89].

Даже дети осознали это. Тогдашняя школьница Р. М. Леванова позднее писала: «Так как в мире было неспокойно, с учащимися вели военную подготовку. В школе был такой предмет – ГТО (готов к труду и обороне).

Нас учили, как делать перевязки раненым, учили пользоваться противогазом. Игры наши тоже были связаны с войной. Во дворе дома Комлиных мы построили снежную крепость и играли в войну. Весной 1941 г., в один из выходных дней, несколько классов Сыктывкарской школы № 2 приняли участие в военной игре, которая проводилась за Больничным городком... В этой игре, как и положено, были две противодействующие стороны, которые сражались друг против друга. Особенно активными были мальчики. Звуки трещоток, изготовленных ими, имитировали ситуацию боя. Девочки выполняли роль медсестер, они перевязывали «раненных» и выносили их с поля боя на носилках. Конечно, обилие снега создавало определенное неудобство, но нас спасали валенки и шаровары, которые носили в то время все. Подробности этого мероприятия не помню, но помню чувство радости и удовлетворения от игры» [27, с. 216].

На определенный лад настраивали и газетные публикации. Некоторые из наиболее типичных приводятся ниже.

«ПОДРУГИ.

Н. Кориунов

«Становись!» – прозвучала команда. Группа девушек быстро заняла место в строю. «Смирно!» – и девушки-бойцы стоят, вытянувшись в струнку. Дежурный т. Оверина рапортует командиру о собравшихся на очередное занятие. Командир санитарной дружины т. Сидорова, приняв рапорт, дает команду «Шагом марш!» Голос звучит четко, совсем по-военному. Бойцы строем пошли в класс на занятия. Эти замечательные подруги с предприятий и организаций Сыктывкара с большим энтузиазмом изучают санитарное дело. Они усиленно учатся, чтобы быть готовыми по зову партии и правительства выехать на фронт, оказывать первую помощь раненым или работать в военном госпитале, санитарном поезде и т.д., а если понадобится – взять в руки и винтовку и вместе с бойцами доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии бить врага, который осмелится напасть на нашу родину. В группе сандружинниц учится 15 человек. За последние три месяца состоялось 13 занятий. Три участницы команды учатся только на отлично». («За новый Север», 4 января 1941 г.).

«Планерный клуб.

При Центральном Совете Осоавиахима Коми АССР объявляется прием курсантов на летное отделение. На курсы принимаются лица мужского пола из значкистов «Ворошиловского стрелка» 1-й ступени в возрасте от 17 до 35 лет с семилетним образованием. Продолжительность обучения – 10 месяцев без отрыва от производства, обучение бесплатное. Желающие обучаться должны подать заявление по адресу: Сыктывкар, ул. Кирова, 7 Центральный Совет Осоавиахима, мандатная комиссия. При поступлении на курсы необходимо иметь при себе: свидетельство о рож-

дении, об образовании, характеристику партийной или комсомольской организации, автобиографию, военный билет или приписную книжку». («За новый Север», 11 января 1941 г.).

«НОЧНОЕ ВОЕННОЕ ЗАНЯТИЕ».

П. Жеребцов

4 января спокойно, как обычно прошел учебный день в Фельдшерско-акушерской школе. Но секретарь комитета комсомола т. Кушманов чувствует себя не совсем спокойно. Он быстро обходит классы и группы, проверяет боевую готовность комсомольских групп и несоюзной молодежи. В ночь на 5 января (перед выборами депутата в Верховный Совет СССР) городским комитетом комсомола назначен ночной сбор комсомольцев города и учебных заведений. В 12 часов ночи комсомольская организация фельдшерско-акушерской школы была в боевой готовности. По тревоге собралась вся учащаяся молодежь школы в количестве 265 человек. Тут же был создан штаб во главе с комсомольцем 3-го курса т. А. Окуловым и взвод управления в составе: наблюдателей, санитаров и связистов. Началось формирование групп и команд.

Командир отряда и начальник штаба обходят команды и группы, проверяют моральное состояние и боевую готовность учащихся. Начальник штаба отдает предварительное распоряжение, при походе соблюдать полную тишину и военную тайну. Затем он докладывает командиру отряда о готовности выступить в поход. Командир отряда приказывает двигаться к центральному штабу – к городскому комитету комсомола. Впереди, на расстоянии 100 метров движется команда лыжников во главе с командиром т. Чукичевым – физруком школы. Выставленные дозоры и наблюдатели сообщают о всем, замеченном в пути.

Центральным штабом в городском комитете ВЛКСМ нашему отряду был дан приказ: двигаться в головной походной заставе, выставив головной и боковые дозоры из состава команды, в затон «Красный водник» и укрепиться там, до прихода главных частей. Командиром отряда был дан приказ команде лыжников организовать боевое охранение с фронта, с флангов, с тыла, установить связь и быстро доставлять боевые донесения. С этой задачей команда лыжников прекрасно справилась. Двигаясь впереди, они хорошо маскировались, используя для этого: ложбины, овраги, осматривали каждый куст, отдельные дома, добывали сведения о противнике. Колонна двигалась спокойно, уверенно, на привалах проводились беседы на темы: О Красной армии, о борьбе с белофиннами и о том, как патриоты советской родины били врагов у озера Хасан. Обратный маршрут от затона «Красный водник» был гораздо оживленней. Учащиеся пели песни: о советской родине, о советских героях, о Сталине. Учащиеся фельдшерско-акушерской школы показали, что они не только способны

учиться на отлично и хорошо, но готовы в любую минуту встать на защиту своей родины – Союза Советских Социалистических Республик». («За новый Север», 19 января 1941 г.).

«ПОДГОТОВИТЬ ДОСТОЙНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

А. Сорвачев

В январе текущего года в Сыктывкаре проведена приписка допризывников – молодых патриотов нашей родины, мечтающих вступить в ряды доблестной Красной Армии. На приемном пункте была развернута большая военно-политическая работа. Проведено более 40 докладов, бесед и полтинформаций, на которых участвовало около 1400 человек. С особенным вниманием допризывники слушали беседы участников боев с финской бело-гвардейщиной тт. Попова, Парилова, Войдадьского об отдельных эпизодах борьбы на финском фронте. Проведены так же беседы о новом дисциплинарном уставе РККА и т. д.

Были организованы и работали уголок ВМФ с выставкой, комната лыжного спорта с наглядными пособиями, передвижная библиотека с новинками военной литературы и киоск Союзпечати. Свой досуг допризывники проводили в хорошо оборудованной ленинской комнате, где к их услугам были бильярд, шашки, шахматы, патефон и т. д. Выпущен первый номер стенной газеты «Призывник». Приписка еще раз показала безграничную любовь нашей молодежи к советской социалистической родине, Красной армии. Допризывники активно готовятся к вступлению в ряды РККА, энергично изучают военное дело. Многие имеют по несколько оборонных значков.

Но наряду с этим есть еще допризывники, которые плохо готовы к призыву (они почти совсем неграмотны, однако обучением их никто не занимается). Общественные организации не помогают им в этом важном деле. Особо это относится к Максаковской запани, Нижне-Човской лесостоянке и Сыктывкарской пристани. С этими недостатками надо немедленно покончить. Партийные, комсомольские и общественные организации предприятий, колхозов и учреждений должны развернуть деятельную подготовку к очередному призыву. Надо наладить работы оборонную и спортивную красноармейцев и охватить ими всех допризывников. Необходимо обучить каждого неграмотного и малограмотного призывника. Задача состоит в том, чтобы подготовить для Красной Армии достойное во всех отношениях пополнение». («За новый Север», 16 февраля 1941 г.).

С.С. Леонова (Белевич), учившаяся в Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школе, вспоминала: «В то время уже прошла финская война. Мы знали, чувствовали, что назревала новая война» [29, с. 89–90]. И, тем не менее, для нее известие о начале войны тоже «было неожиданным, стало

неприятно и очень страшно». Как писала Р.М. Леванова, «сознание неотвратимости войны жило в людях задолго до ее начала. И все-таки война застала их врасплох, так как началась неожиданно» [27, с. 219].

22 июня 1941 г. фашистский альянс напал на нашу страну. Началась Великая Отечественная война. Вместе с Германией на территорию СССР вступили войска Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, Словакии (Болгария оказалась единственной европейской страной – союзником Третьего рейха, которая не объявила войну СССР), добровольческие французская дивизия (она потом, в 1945 г., защищала рейхстаг) и «Голубая дивизия» испанцев, добровольческие подразделения австрийцев, бельгийцев, голландцев, датчан, норвежцев, шведов, хорватов, чехов, поляков, албанцев. С Советским Союзом воевали даже воинские части, составленные из мобилизованных в Великом Герцогстве Люксембург. Потом к ним примкнули добровольцы из Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Молдавии. Аргентина и Иран проводили прогерманскую политику; в августе 1941 г. Англия и СССР оккупировали Иран. Швейцарские ВВС на протяжении всей войны вступали в воздушные схватки как с самолетами люфтваффе, так и с летчиками Англии и США...

Сыктывкара С.В. Жеребцова навсегда запомнила этот день: «Мне было 14 лет, но я четко помню тот ослепительно яркий солнечный день – 22 июня 1941 года. Я была на улице Интернациональной напротив того места, где потом находился ресторан “Вычегда”, и увидела большую толпу. Стояла странная тишина. Это поразило меня, и я тоже остановилась. Все смотрели вверх, на черную “тарелку” репродуктора, одного из тех, которые обычно висели на деревянных столбах уличного освещения. И я услышала страшную фразу: “Вероломное нападение Германии на Советский Союз” и потрясающее слово “война”!» [18, с. 171].

А.Ф. Ракин, в то время – первый секретарь Коми обкома ВЛКСМ, позднее писал: «Было воскресенье, но в обкоме комсомола не умолкал шум. На очередной пленум со всех районов республики съехались члены и кандидаты в члены обкома... Еще до 11 часов у меня побывали все члены бюро обкома, многие секретари райкомов. Все мы были веселы, бодры, жизнерадостны. <...> Пленум открывался после обеда, и мы начали уже расходиться по домам, как вдруг из репродуктора послышался голос диктора: «Через несколько минут слушайте важное правительственное сообщение...» <...> Сразу же прекратились шутки и смех... Мы поняли, что в жизни страны, советских людей случилось что-то серьезное» [3, с. 10].

В.Н. Пархачев рассказывал, как в зале сыктывкарского театра «вместе с работниками театра в 12 часов дня услышал выступление В.М. Молотова... по радио о том, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Здесь впервые, пока еще отдаленно, почувствовали живое дыхание

войны, не зная всех ее ужасов. Прослушав радио, люди сразу же собрались на митинг. Его открыл... артист и драматург С.И. Ермолин. Запомнился настрой участников: у одних решимость идти в бой с фашистами, других готовность помогать фронту своим трудом. были и растерянность некоторых. Люди есть люди. Они восприняли страшную весть о начале войны в меру своих волевых качеств, патриотизма и понимания своего гражданского долга. Хорошо помню выступления Дьяконова Н.М. и Ермолина С.И. Они объявили, что весь гонорар от только что вышедшей из печати совместно написанной пьесы перечисляют в фонд помощи фронту. Женщины-актрисы снимали с себя украшения, клали их на стол, заявляя, что все это передают в помощь фронту. Несколько мужчин заявили, что немедленно пойдут в горвоенкомат, будут проситься на фронт» [31, с. 143].

Слобожанин А.В. Юркин вспоминал: «Находимся в городе с младшей сестрой и слушаем по радио выступление Молотова о том, что на нашу страну вторгся вероломно Гитлер. Народ стоит под репродуктором, изо всех сил напрягая слух, чтобы уловить каждое слово, выходящее из репродуктора, кругом слезы, крик, рев – всё смешалось» [39]. Л.И. Сурина так описывала свое состояние в первый день войны: «Растерянность была. Мы уже назначили маленькую свадьбу, и вдруг объявили. Конечно, настроение у всех испортилось» [29]. В тот же день на улице Кирова возле городского парка состоялся митинг, в котором участвовало более пяти тысяч горожан, принявших резолюцию: «Мы готовы в любую минуту по зову нашей партии, Советского правительства пойти на любые жертвы, какие только потребует от нас любимая Родина, кровью и жизнью будем защищать её и в прах уничтожим германский фашизм».

«РЕЗОЛЮЦИЯ МИТИНГА ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА СЫКТЫВКАРА.

Заслушав сообщение о неслыханном в истории цивилизованных народов разбойничьем нападении войск германского фашизма на нашу страну, мы, трудящиеся города Сыктывкара единодушно одобряем решение нашего правительства, давшего приказ доблестной Красной Армии отразить разбойничье вторжение врага и изгнать его войска с территории нашей родины.

Мы глубоко возмущены коварством и наглостью германской фашистской клики, навязавшей нам войну при наличии договора между Советским Союзом и Германией о ненападении, который выполнялся нашим правительством исключительно добросовестно.

Мы просим наше правительство всеми силами и средствами, мощностью нашего оружия жестоко наказать зарвавшегося наглого врага. Мы готовы в любую минуту вместе с доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армией, покрывшей себя неувядаемой славой, грудью встать на защиту нашей родины, на защиту культуры и цивилизации.

Германские фашисты, поработившие французов, поляков, бельгийцев, голландцев, норвежцев, сербов, греков и другие народы, хотят отнять и у нас свободу и радостную жизнь, добытую жизнью и кровью нашего народа в дни великой Октябрьской революции.

От имени всех трудящихся Коми АССР мы заявляем нашему правительству и любимому вождю товарищу Сталину, что никому и никогда не дадим посягнуть на великие завоевания октября, на нашу свободу.

Мы готовы в любую минуту по зову нашей партии, советского правительства пойти на любые жертвы, какие только потребует от нас любимая родина.

Кровью и жизнью будем защищать ее и в прах уничтожим германский фашизм.

Мы обещаем нашему правительству и любимому Сталину всеми силами, честно и самоотверженно трудиться на укрепление военной и хозяйственной мощи страны, бороться за досрочное выполнение государственных планов, за железную дисциплину на производстве, за организованность и большевистскую четкость в работе.

Удесятеренным трудом дадим стране больше угля, нефти, леса, добьемся высоких урожаев на наших колхозных и совхозных полях.

Победа будет за нами. Смерть фашизму!

Да здравствует доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской и Воздушный флот!

Да здравствуют Коммунистическая партия большевиков и вождь трудящихся всего мира, великий Сталин!» («За новый Север», 23 июня 1941 г.).

23 июня началась мобилизация военнообязанных граждан в Красную Армию. В Сыктывкаре в начале войны был создан военно-учетный стол для учета призывников. Только в первые дни призыва свыше 530 сыктывкарцев (среди которых было 89 девушек и женщин) подали в городской военкомат (горвоенком Пыстин) заявления о добровольном вступлении в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии (в том числе за первые два дня – 170). Многие рабочие и служащие, имевшие отсрочки от призыва в армию, просили военкома освободить их от «брони» и направить на фронт. 25 июня в армию ушла первая группа студентов Коми пединститута [20, с. 143; 24, с. 15–16; 5, с. 25; 6, с. 41, 132; 9, с. 71, 36, с. 90].

Выпускник Сыктывкарского педучилища 1941 г. В. Базаров вспоминал о первых днях войны: «Было много добровольцев: у всех – единственное желание: попасть на фронт. Нам, выпускникам педучилища, как раз исполнилось по восемнадцать лет. Мы были радостно возбуждены» [29, с. 91]. Уже 22 июня подали заявления с просьбой призвать их в армию, чтобы сражаться с «заядлыми подлыми фашистами», многие сыктывкарцы, среди которых были старший политрук Затона Н.М. Лютоев, Н.Г. Мысов

(1894 г.р.), Н. И. Марков (он написал в заявлении: «Так как я беспризорник – прошу принять обязательно»), работники больниц, газеты «За новый Север», учащиеся... Шестидесятитрехлетний П. В. Алмазов писал, что его сын погиб на финской войне, и он тоже готов отдать жизнь «за родину, за народ, за светлое будущее – коммунизм» [26, с. 38]. Студент Коми пединститута А. Юранев 10 июля 1941 г. писал: «Считаю себя вполне подготовленным для защиты нашей великой Родины от фашистских варваров; имею шесть оборонных значков, как-то: ГТО I ст., ГСО I ст., ПВХО I ст., ВС I ст., ГТО II ст. (отличника), альпинист СССР I ст.; умею управлять мотоциклом и автомобилем» [2, с. 79]. Учащаяся курсов пионервожатых В. Софьина просила: «Прошу отправить меня на фронт в качестве медицинской сестры, так как я имею среднее медицинское образование... Я горю желанием встать грудью на защиту любимой Родины» [19, с. 421].

Начальник паспортного стола Сыктывкарского городского отдела милиции П. И. Проскуряков, ранее добровольцем участвовавший в войне с финнами, вновь написал заявление: «В настоящем изъявляю желание вступить добровольцем в ряды Красной армии и отдать свои силы на защиту Родины. Убедительно прошу республиканского военкома учесть и удовлетворить просьбу в ближайшие дни». Начальник отдела пожарной охраны Сыктывкара К. И. Комаров в своем рапорте написал: «В грозный час, когда над нашей Родиной нависла опасность, я, как сын, воспитанный Всесоюзной Коммунистической партией, прошу направить меня в ряды действующей Красной Армии для разгрома фашистских гадов». Оба они были призваны и погибли на фронте [35, с. 75].

Внук первого усть-сысольского фотографа П. Ф. Кулакова Герман с первых дней войны рвался на фронт, не раз обращался в городской военкомат, но получал отказ как сын «врага народа» (его отца фотографа Н. П. Кулакова в 1937 г. арестовали, осудили по печально знаменитой 58-й статье как «контрреволюционера» и отправили в Локчимлаг, где он находился до 1943 г.). В конце концов Г. Н. Кулаков добился своего: «в 1941 году его призвали в армию и назначили инструктором по подготовке лыжников для фронта в олене-лыжном батальоне в Архангельском военном округе. 25 сентября в 1942 г., как хорошего мотоциклиста, Германа направили в танковую бригаду, во взвод разведки, в составе которой он воевал на Воронежском фронте, в Орловско-Курской битве и освобождал Украину. В боях под Львовом Герман был ранен, и после лечения его демобилизовали. В Сыктывкар он вернулся в феврале 1945 г. инвалидом II группы... Герман был награжден двумя орденами “Красная звезда”, орденом Боевого Красного Знамени и медалью “За отвагу”» [33].

Сыктывкарка Р. М. Леванова рассказывала: «Чувство патриотизма двигало теми, кто уходили на фронт добровольцами. А таких было немало

и в Сыктывкаре. Одним из них был Лев Максимович Пролетарский... Он учился в Сыктывкарской школе № 2, которую окончил в 1942 г. В аттестате зрелости у Левы были одни «пятерки». Так как у него было очень слабое зрение, он мог бы быть свободным от воинской обязанности. Но Лева настоял на том, чтобы его взяли на фронт вместе с его одноклассниками. 20 августа 1942 г. он ушел на войну. 30 октября 1943 г. младший сержант Пролетарский Лев Максимович погиб в бою под Киевом, похоронен в селе Ново-Петровцы» [28, с. 116–117].

Среди тех, кто писал заявления о призыве в армию, были и коренные сыктывкарцы, и те, кого эвакуировали сюда в начале войны. Например, М.М. Шешукова, студентка КГПИ, писала 26 апреля 1942 г.: «Я эвакуирована в Сыктывкар в 1941 году из г. Люблино вместе с матерью. В Сыктывкаре я осталась одна. Меня ничто больше здесь не оставляет, ничто не задерживает, наоборот, мне очень трудно здесь оставаться. Я среднюю школу окончила в Москве. Все мои друзья и товарищи давно на фронте... Все мои мечты, все мои желания – попасть на фронт... где я, думаю, принесу много больше пользы, пусть не большим трудом. Я буду работать изо всех сил, помогать всем, чем могу громить проклятых фашистов» [5, с. 32; 6, с. 143–144].

«НАРОД ПОДНЯЛСЯ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ»

Н. Шиханов

Горячую любовь, к социалистической родине и советский патриотизм показывают трудящиеся Сыктывкара. В дни отечественной войны советского народа против кровожадного германского фашизма. На предприятиях, в учреждениях повысилась за последние дни производительность труда, улучшилась трудовая дисциплина, в вузах студенты досрочно сдают экзамены.

Свою преданность Советской власти и партии Ленина-Сталина, глубокую ненависть к озверелому фашизму трудящиеся города излагают в своих письмах и заявлениях, направляемых в городской военкомат. Ежедневно в Сыктывкарский городской военкомат поступает по несколько десятков заявлений о твердом решении граждан немедленно выехать на фронт Отечественной войны, с просьбой немедленно направить в ряды героически борющейся Красной Армии и Военно-Морского и Воздушного флота, чтобы с оружием в руках участвовать в разгроме коварного врага.

«Мы, – пишут В.С. Поздеев и Р.Д. Бобрецов, – просим направить нас добровольцами на войну с фашистами. Нам только еще по семнадцать лет, но уже умеем крепко держать оружие в руках. Недавно на «отлично» окончили ФЗО, являемся значкистами ПВХО, ГСО, ВС и ГТО I ступени. Просим не отказать в нашей просьбе, будем бить врага, не жалея своих сил, не щадя своей жизни».

Или вот что пишет сотрудница Сыктывкарского мясокомбината тов. Шенина Н.Н.: «Нет слов выразить неудержимое желание быть в рядах героической Красной Армии и принять непосредственное участие в уничтожении германского фашизма. Владея профессией шофера, я могу быть полезной в действующей армии, сумею выполнять и другие боевые задания. Прошу не отказать в моей просьбе и зачислить в ряды РККА. Все свои силы, а если потребуется, и жизнь свою отдам за любимую родину».

Количество заявлений, поступивших в военкомат за последние дни, исчисляется многими сотнями. Многие в них указывают, что они на предприятиях или в учреждениях на своих местах подготовили заместителей. на предприятиях и в учреждениях, в колхозах трудящиеся с утроенной энергией взялись за изучение военного дела, за овладение военной специальностью». («За новый Север», 2 июля 1941 г.).

В первые дни войны многие надеялись на скорую победу над врагом. В ходу было утверждение: «разгромим врага могучим ударом, малой кровью, на его территории». Тогдашняя сыктывкарская школьница Е.П. Струкова вспоминала, как перед войной в школе они пели песни, прославляющие непобедимость Красной Армии и советского народа: «А если к нам полезет враг матерый...», «Когда суровый час войны настанет, и нас в атаку Родина пошлет...» Люди верили, что так и будет [29, с. 93]. На это же, по словам Л.И. Суриной, оправлявшихся на фронт настраивали и агитаторы, которые пропагандировали идею сокрушительного отпора агрессору и скорого возвращения с фронта домой. Многие добровольцы и мобилизованные уходили в армию именно с такой надеждой [29, с. 92]. А.В. Юркин с иронией описывал одного «своего рода “героя”»: «Один хвастун, наш сосед, выхвастывал по пути, когда провожала его семья и другие родные, что, мол, “попадет пуля в руку – отшвырну, в ногу – пну, а в голову попадет – сама соскочит”. Но от такого хвастуна даже родные не могли получить ни одной весточки, куда пропал, неизвестно» [39, с. 158].

Были и реалисты. А.М. Белозеров рассказывал: «Говорили, что война будет малой кровью, что мы сильны и т.д. – в какой-то степени мы верили. Но ведь мы учились в техникуме – народ общительный, газеты читали, понимали, что все это не так просто» [29, с. 93]. А.В. Юркин вспоминал: «Пароход за пароходом отправляют на бойню живых людей... <...> Были очень сдержанные, многосемейные, уходившие на фронт, будущие бойцы Красной Армии, защитники Родины. Оставались по семь и более детей на попечении женщин и старух. Что думали беспомощные женщины с оравой детей в то время? Можно с уверенностью сказать только одно, что они ни о чем абсолютно не мечтали, был только немой вопрос в их глазах: зачем, куда и почему отрывают их мужчин от тихой и спокойной жизни» [39, с. 158].

Будущий ведущий ученый-историк Коми филиала АН СССР В.Н. Давыдов, мобилизованный в армию сразу по окончании учебы в Сыктывкарском педучилище в мае 1942 г., вспоминал: «Из Сыктывкара уезжали 71 человек. Провожал весь город. Все учебные заведения прервали свои занятия и колоннами вышли на площадь, где состоялся митинг. С площади нас провожали на паром». Не только ободряющие напутственные речи и громкая музыка звучали на сыктывкарской пристани. Г.А. Бызова писала Р.Л. Поповой: «Отчетливо помню тревожные, долгие гудки пароходов, плач женщин и детей... Казалось, что весь Сыктывкар пришел на пристань провожать мужчин на фронт. Я тогда провожала своего папу и друга Мишу Макагона. Боль и страх сжимали сердце, не давали дышать» [33]. Плач и слезы на проводах сыктывкарских призывников руководством, кстати, не одобрялись. Зав. военным отделом Коми обкома ВКП(б) Лодыгин указал: то, «что родственники и жены, в частности, плачут на проводах своих мужей и родственников», есть «прямой результат» недостаточной постановки «массово-политической работы среди трудящихся в условиях военного времени» [6, с. 112].

Многие упоминали о прощальных гудках пароходов, терзавших душу, и не случайно: первых добровольцев и мобилизованных отправляли в армию именно на пароходах с городской пристани, располагавшейся на реке Сыsole у Кировского парка. Первое сыктывкарское пополнение отплыло уже 23 июня на пароходе «Бородино». (В их честь 26 августа 2006 г. по инициативе общественной организации «Сыктывкар» возле бывшего спуска к старой пристани установлен памятный знак) [8, с. 48–50]. Когда река замерзала, призванных в армию везли до железнодорожной станции Айкино на автомашинах, которые предоставляли городские предприятия и учреждения. (Порой случались сбои: 8 января 1943 г. автоуправление, дорожное управление, авиаотряд и лесозавод не прислали автомашины, и часть призывников удалось отправить на железнодорожную станцию только на следующий день. Случалось, что в дороге автомобиль ломался, и призывникам приходилось большую часть пути из Сыктывкара до Айкино идти пешком [6, с. 99, 107]).

Даже год спустя после начала Великой Отечественной войны были надежды на то, что ее конец не за горами. Газета «За новый Север» 30 июня 1942 г. сообщала: «На днях в летнем театре парка культуры и отдыха состоялась лекция на тему: «1942 год должен стать годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». Лекцию читала лектор Городского комитета ВКП(б) тов. В. Михайлова. Присутствовали около 800 человек. Сообщение о ратификации Верховным Советом договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о со-

трудничестве и взаимной помощи после войны и подписании соглашения с Соединенными Штатами неоднократно прерывались бурными аплодисментами слушателей, выражающих глубокое удовлетворение внешней политике Советского правительства, горячей любовью к вождю и полководцу товарищу Сталину и твердую уверенность в окончательной победе коалиции свободолюбивых народов над гитлеровской Германией». Но в конце концов ко всем пришло понимание того, что война закончится не скоро, и далеко не всем доведется дожить до ее завершения.

В самый трудный период (1941–1942 гг.) из Сыктывкара в армию было отправлено около 8 тыс. чел. Почти 90 % работников Сыктывкарского горисполкома ушло на фронт в первые же месяцы войны. Из Коми пединститута ушли на фронт 248 человек: 184 студента, 46 преподавателей, 28 служащих; 107 из них (93 студента и 14 преподавателей и сотрудников) погибли в боях. Всего с июля 1941-го по май 1945 г. в Сыктывкаре было призвано в армию 10332 человека, в том числе 565 женщин [20, с. 145–146, 9, с. 71, 23, с. 4].

Особо скажем о призыве в Польскую армию, формирование которой началось в 1941 г. из советских граждан польской национальности, польских граждан, бежавших на территорию СССР во время наступления немецких войск, и поляков, содержавшихся в советских лагерях (все они подлежали освобождению) [34, с. 75–76; 6, с. 86]. К 12 сентября 1941 г. поступило 207 заявлений о вступлении в Польскую армию от проживавших в Сыктывкаре поляков (156), евреев (49), литовца и латыша. В Красную армию пожелали вступить восемь поляков, пять евреев и один литовец [6, с. 88].

В сентябре–октябре 1941 г. фактически начала работу Сыктывкарская делегатура посольства Польши в СССР, которая, в частности, наблюдала за освобождением поляков. Делегатом был назначен Тадеуш Грыгер. Это было первое в истории Коми дипломатическое представительство. Наркомат иностранных дел СССР утвердил список регионов (в числе которых была и Коми АССР), где должны были находиться делегатуры, 27 декабря 1941 г. [34, с. 77; 32]. В феврале 1942 г. в Сыктывкаре и пригородных поселках проживали 508 «лиц польского подданства – военнообязанных» (в основном еврейской национальности) [34]. В середине 1942 г. деятельность польских делегатур в СССР стала сворачиваться из-за «антисоветской деятельности» польских дипломатов. 14 октября 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о высылке из Советского Союза 78 человек, среди которых был Станислав Винярич, к этому времени сменивший Т. Грыгера на посту делегата в Сыктывкаре. После этого делегатура фактически перестала существовать. Весной 1943 г. начался призыв добровольцев в польскую дивизию имени Т. Костюшко. По данным НКВД Коми АССР на ноябрь 1943 г., из Сыктывкара в эту дивизию были направлены 177 чел. [34, с. 79, 81].

К первоочередным задачам исполнительного комитета сыктывкарского городского совета депутатов трудящихся, который возглавлял его председатель К. Ф. Ранинин, относились организация максимально быстрой мобилизации людей и транспортных средств и отправки их в армию и подготовка боевых резервов для фронта. Проблему подготовки резервов первоначально призваны были решить изучение военных специальностей и создание народного ополчения. В начале июля 1941 г. горисполком постановил «закрепить всех рабочих, служащих и колхозников – женщин в возрасте от 18 до 50 лет и мужчин в возрасте от 16 до 60 лет – в обязательном порядке в одну из групп самозащиты» с химическим, медико-санитарным, противопожарным звеньями, звеном связи, наблюдения и оповещения и звеном охраны порядка и безопасности [6, с. 151]. Отдел городского коммунального хозяйства должен был сформировать общегородскую аварийную команду, участковые восстановительные команды, городской совет Осоавиахима готовил инструкторов и организовал обучение населения, а предприятия, учреждения, учебные заведения, колхозы и совхозы приводили в готовность средства противопожарной защиты [6, с. 151].

«ПАТРИОТКИ ИЗУЧАЮТ САНИТАРНОЕ ДЕЛО»

М. Чупрыкина

Вместе с новой волной производственного подъема, улучшением труда и технологической дисциплины на всех предприятиях и во всех учреждениях нашей страны, усилилась активизация военно-физкультурной работы.

Женщины-патриотки стремятся изучать санитарное дело, получить звание медицинских сестер, чтобы по первому зову партии и правительства пойти на фронт и оказывать помощь героически сражающимся красным воинам.

Сыктывкарский городской комитет РОКК хорошо организовал санитарную работу не только среди членов РОКК, но среди широких слоев населения. Во многих предприятиях, учреждениях и учебных заведениях были организованы курсы санитарных дружинниц, медицинских сестер. Много работниц, студенток получили специальность санитарок.

В Стройтехникуме курсы санитарных дружинниц на «отлично» окончили т.т. Юхтовская, Чумак, Готман, Попова, Белых и другие. Недавно была создана дружина при лесозаводе. Занятия проходят оживленно, слушательницы с большой активностью готовятся к ним». («За новый Север», 2 июля 1941 г.).

3 июля 1941 г. председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин призвал создавать в стране народное ополчение. При сыктывкарском горкоме ВКП(б) был создан штаб народного ополчения. Уже 3–4 июля 1941 г. в народное ополчение записалось 3645 рабочих, служащих, студентов и пригородных колхозников. Партийный и комсомольский актив

города объединился в учебный ополченческий партийно-комсомольский батальон. Рабочие затона «Красный водник» заявили на своем митинге: «Мы, все, как один, вступим сегодня же добровольцами в народное ополчение. Каждый из нас в кратчайший срок изучит одну из военных специальностей. Превратим наше предприятие в крепость обороны». Ополченцы два-три раза в неделю после работы собирались на военные занятия. Сотни мужчин и женщин овладевали различными военными специальностями в кружках и командах Осоавиахима. В первые военные месяцы городской стрелковый клуб подготовил 313 ворошиловских стрелков, автоклуб – 57 мотоциклистов и 15 шоферов. На курсах Общества Красного Креста были подготовлены 766 сандружинниц, 26 медсестер. В спортивных организациях начали работать секции по штыковому бою, метанию гранат, учебные группы истребителей танков и т.п. Горком комсомола образовал учебный батальон истребителей танков [20, с. 143–144; 6, с. 153]. 14 июля 1941 г. в Сыктывкаре создали штаб противовоздушной обороны, который возглавил К.Ф. Ранинин. 2 августа 1941 г. горисполком утвердил «Правила поведения населения г. Сыктывкара во время воздушных нападений» на территорию города. В Сыктывкаре была создана 121 группа, в которых изучали мероприятия по противовоздушной обороне [26, с. 37].

«ВСТУПАЕМ В НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ».

Выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны товарища И.В. Сталина многие работники Сыктывкарской поликлиники слушали в 6 часов 30 минут утра. На работу они пришли взволнованные. Вдохновленные на самоотверженную работу, на борьбу за победу над коварным и наглым врагом. В перерыве между сменами состоялся многолюдный митинг. С огромным вниманием слушали врачи, фельдшера, сестры, санитарки – все работники поликлиники текст выступления по радио т. Сталина, зачитанный главврачом т. Хаусовой. В выступлениях на митинге медицинские работники выражали горячую любовь и беззаветную преданность партии Ленина-Сталина, Советскому правительству, великому Сталину, свою готовность грудью защищать свою прекрасную родину, честь и свободу.

На призыв тов. Сталина работники поликлиники отвечают делом. Многие из них на митинге заявили, что они готовы в любую минуту грудью встать на защиту социалистической родины от фашистских захватчиков и тут же записались в народное ополчение. В единодушно принятой резолюции они горячо одобрили принимаемые Государственным комитетом обороны меры по защите родины от вооруженного до зубов врага и заверяют, что отдадут все силы, знания, а если потребуется и жизнь за дело партии Ленина-Сталина, за родину, за победу над фашизмом». («За новый Север», 4 июля 1941 г.).

Новым шагом в подготовке резервов стало введенное с 1 октября 1941 г. всеобщее обязательное военное обучение (всевобуч) населения для мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. Сыктывкарский горвоенкомат открыл восемь военно-учебных пунктов для проведения всеобщего обязательного военного обучения по 110-часовой программе без отрыва от учебы или работы, два-три раза в неделю. Затем всевобуч был введен в вузах, средних специальных учебных заведениях и в старших классах средних школ города. Особое внимание уделялось подготовке стрелков. Стрельбы проводились на стрельбище в местечке Лячим. Со стрельбищем весной 1942 г. произошел казус: ввиду сложного положения с продовольствием горсовет разрешил горожанам устраивать там огороды, и огородники стали мешать проведению боевых стрельб (а там, помимо «всевобучающихся», стреляли из винтовок, автоматов и даже минометов работники НКВД, военкомата и др.). Для наведения порядка потребовалось вмешательство председателя республиканского Совнаркома [20, с. 144–145; 4, с. 168, 6, с. 155–158, 174].

Обучали во всевобуче также обращению с ручной гранатой, рытью окопов, противохимической и противотанковой защите. В школе № 1 готовили специалистов радиодола, в школе № 2 – телеграфистов [24, с. 23]. При обучении военным специальностям учитывалось желание обучающихся. Женщины обучались отдельно от мужчин. Бюро Коми обкома ВКП(б) решением от 15 октября 1941 г. «О ходе всеобщего обязательного военного обучения» обязало все без исключения партийные организации предприятий, учреждений, колхозов, МТС, учебных заведений постоянно оказывать всевобучу всестороннюю помощь. Сыктывкарские подразделения всевобуча в октябре 1941 г. возглавили заместитель наркома земледелия Н.П. Потолицын, заведующий городским отделом народного образования С.В. Рудаков, директор ремесленного училища К.В. Аршинов, директор республиканского краеведческого музея А.К. Бандуровский (он, правда, пробыл на этом посту лишь несколько дней и ушел на фронт) и другие ответственные работники, руководители предприятий и организаций [20, с. 144–145; 4, с. 169; 6, с. 155–158; 37, с. 173].

Проблемы с материально-техническим обеспечением военно-учебных пунктов (наглядные пособия, макеты и т.п.) решались при помощи городских предприятий и организаций (лесозавода, «Комистройтреста», комитета физкультуры и спорта и других). Для сыктывкарских пунктов всевобуча было изготовлено около 600 деревянных макетов винтовок, 400 саперных лопат, 500 макетов гранат, а также прицельные стволы и чучела. Для тренировки истребителей танков бутылки с зажигательной смесью из керосина, бензина и сажи изготавливали прямо на учебных пунктах; бутылки для смеси собирали в городе и приносили на пункты пионеры [6, с. 172, 174].

«ВОЕННАЯ УЧЕБА НАЧАЛАСЬ.

Ровно 6 часов. По-военному точно в зал вошли командир роты тов. Балашов и старший политрук тов. Старцев. Оба они, как и все собравшиеся сюда, пришли после своего рабочего дня. Воцарилась тишина. Допризывная молодежь – учащиеся техникумов и школ Сыктывкара первый раз в своей жизни были названы почетным именем бойца.

– Товарищи бойцы, командиры и политруки, – обратился к присутствующим командир роты тов. Балашов. – Мы собрались сюда согласно постановлению Государственного Комитета Обороны «О всеобщем обязательном обучении граждан СССР», перед нами поставлена большая, государственной важности, задача – овладеть грозным оружием, чтоб громить им врага, дерзко напавшего на нашу мирную страну.

Слова командира звучат грозно, когда он, уверенный в победе, предсказывает сокрушительный и беспощадный разгром немецких бандитов. На трибуну выходит старший политрук тов. Старцев.

– От Балтийского моря до Тихого океана, от Арктики до Солнечной Армении вся страна Советов сегодня берется изучать грозное советское оружие, берется овладевать искусством побеждать врага. Мы должны помнить слова: чем больше пота в мирной учебе, тем будет меньше крови в бою. Я призываю не щадить своих сил и не жалея времени, учиться по-большевистски.

Горячие слова политрука живо воспринимает зал. Он ответил бурей аплодисментов.

– Наша страна, – продолжает т. Старцев, – располагающая мощными сырьевыми, материальными и людскими резервами, под руководством великого полководца товарища Сталина (громкие, долго не смолкающие аплодисменты) разобьет врага. За нашу победу, товарищи, ура!

Сотни голосов подхватили и громкое «Ура!» раскатилось по всему залу. Короткая торжественная часть закончена. Выходят командиры взводов. Переключка. Бойцы, выстроившись по-взводно, расходятся для занятий». («За новый Север», 2 октября 1941 г.).

«ВЗВОД В ОБОРОНЕ.

Н. Олин

Взвод допризывников гор. Сыктывкара проводил практическое занятие. Тема научиться отрывать окоп для стрельбы и суметь замаскировать его. Бойцам было известно, что «противник», находящийся в районе Лесозавода, продвигается к их оборонительному рубежу. Разведка донесла, что численность его достигает одной роты. Задача нашего взвода – подготовиться к обороне. Первое отделение заняло район обороны справа и выставило наблюдателей. Второе расположи-

лось в 30 м слева. Третье – сзади уступа. Надо уметь обмануть врага, ввести его в заблуждение, поэтому необходимо быстро менять огневые позиции.

Боец Антон Белевич – ученик фельдшерско-акушерской школы – вылез из своего окопа и отполз на несколько метров в сторону, где снова окопался. Ученик школы № 1 Вальтер Кайзер проделал то же самое и тоже поступил так успешно, что «враг» не заметил его передвижения. Этот маневр проделал каждый из бойцов. Через два часа командир взвода спросил бойцов:

– Не замерзли, товарищи?

– Нет, товарищ командир взвода.

А был холодный день. Но что значит осенний холод в сравнении с лютыми зимними морозами. Боец должен быть закален и поэтому на учебе допризывники не хотят делать никаких скидок на учебу. Занятие продолжалось еще два часа. Многие допризывники всеобща на первом практическом занятии проявили себя инициативными, находчивыми бойцами, способными решать самостоятельно и грамотно военные задачи. Командир взвода отметил в своей записной книжке несколько фамилий, отличившихся на занятии бойцов. Николай Заика, учащийся школы № 2 дисциплинирован, отличник. Белевич Антон, ученик фельдшерской школы, он прекрасно усвоил правила отрывки окопа для стрельбы и маскировку. Он хорошо разбирает и собирает ручной пулемет. Вальтер Кайзер – ученик школы № 1 примерный по дисциплине и инициативный боец. Борис Мизунов... и еще несколько фамилий. Это отличники военной учебы, взявшиеся в первые дни. С каждым новым занятием число их будет увеличиваться.

После занятий бойцам было дано задание на день – написать отчет на тему: «Задача бойца в обороне». Эта работа должна закрепить пройденный материал. Военная учеба проходит с исключительным интересом. Командир взвода т. Жеребцов и командиры отделений сами тщательно готовятся к занятиям, стремясь приблизить их к боевой обстановке. Это им удастся. Бойцы, тренируясь, закаляют себя для походов и битв». («За новый Север», 8 октября 1941 г.).

«МОЛОДЕЖЬ УЧИТСЯ ИСТРЕБЛЯТЬ ВРАЖЕСКИЕ ТАНКИ.

Н. Попов

По инициативе комсомольцев при городском комитете ВЛКСМ организованы две группы истребителей танков. Молодые патриоты упорно овладевают искусством борьбы с вражескими машинами, изучают устройство и боевые свойства танков и противотанковых орудий. Ко дню XXIV годовщины Красной Армии эти группы будут готовы вступить в бой с фашистскими захватчиками». («За новый Север», 11 января 1942 г.).

«ПОДГОТОВИМ МЕТКИХ СТРЕЛКОВ.

П. Малиновский

Последние занятия перед испытаниями бойцов всевобуча – студентов педучилища были посвящены стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Предварительно бойцы повторили упражнение по прицеливанию и спуску курка. Командир подразделения через диафрагму показал каждому из них правильное положение мушки в прорези прицела, а затем бойцы начали прицеливаться со станка. Результаты наводки отмечали командиры отделений. Т.т. Поляков, Ходаков, Конаков, Следников показали лучшие результаты – их «треугольники» были самыми меткими.

22 марта производились стрельбы мелкокалиберными патронами. Бойцы собрались в классе. На доске были написаны условия стрельб по 1-му и 2-му упражнению. К стрельбе патронами допускались лишь те бойцы, которые выполнили подготовительные упражнения и получили справку от командира отделения. Боец Конаков первый прицелился со станка и сделал тремя отметками треугольник со сторонами в полсантиметра, затем он проделал ружейные приемы, изготовился к стрельбе лежа и баскетной пулей с расстояния 10 метров выбил 14 очков из 15 возможных. Его допустили к стрельбе на 25 метров. Конаков и на этот раз дал отличные показатели.

Постепенно к стрельбе на 25 метров были допущены все бойцы. Все они успешно выполнили подготовительные упражнения. После перерыва производилась стрельба на 50 метров. Итоги стрельбы показали: бойцы освоили технику выстрела и стреляют хорошо. Отличные оценки по стрельбе получили Конаков Александр, Нечаев Вениамин, Поляков Вячеслав, Колосков Георгий, Ходаков Алексей и ряд других товарищей». («За новый Север», 25 марта 1942 г.).

Большинство призванных в армию сыктывкарцев прошли организованное в городе военное обучение. В.Н. Давыдов, о котором мы уже упоминали, вспоминал, как в 18-летнем возрасте «учился в Сыктывкарском педучилище и проходил военную подготовку в батальоне всевобуча во взводе минометчиков» [ВПИ, 1976. № 11, с. 31]. Краткосрочная военная подготовка населения не прекращалась на протяжении всех военных лет. В 1942 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ в системе всевобуча из юношей, уже обученных по 110-часовой программе всевобуча, были созданы добровольческие комсомольско-молодёжные подразделения по подготовке вневойсковым путем снайперов, автоматчиков, истребителей танков, станковых пулеметчиков, связистов и других специалистов [ИС, с. 145, 151–152]. В подразделениях сыктывкарского всевобуча на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях тысячи трудящихся и учащейся молодежи получили военные специальности.

Так в течение нескольких месяцев жизнь сыктывкарцев была перестроена на военный лад. Впереди были бесконечно долгие военные годы...

Источники и литература

1. Александров, А. Н. Коми воины в боях за Родину / А. Н. Александров. – Сыктывкар, 1959.
2. Балашова, О. Л. Сыктывкарское педучилище и Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны (по материалам музеев истории учебных заведений) / О. Л. Балашова, О. Е. Бондаренко, Э. В. Роттэ // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 77–81.
3. Бой ведет Невельская. Говорят ветераны 28-й стрелковой дивизии. – Сыктывкар, 1981.
4. Боле, Е. Н. Кадровое и материально-техническое обеспечение системы Всеобщего военного обучения населения в Коми АССР / Е. Н. Боле // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». – Сыктывкар, 2004. – С. 166–174.
5. Боле, Е. Н. Мотивационные факторы при вступлении в армию добровольцев Коми АССР. 1941–1945 гг. / Е. Н. Боле // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». – Сыктывкар, 2004. – С. 22–35.
6. Боле, Е. Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Коми АССР) / Е. Н. Боле, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2005.
7. Вёрлэдзысь. – 1943. – 22 мая.
8. Город белых ночей Сыктывкар. – Сыктывкар, 2010.
9. Жданов, Л. А. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны (по материалам сборника документов и воспоминаний) / Л. А. Жданов, Э. В. Роттэ // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Доклады и сообщения научной конференции 27 апреля 2005 г. – Сыктывкар, 2005. – С. 66–72.
10. Жеребцов, И. Л. «Погост на Усть-Сысолы реке» / И. Л. Жеребцов // Сыктывкар и сыктывкарцы. – Сыктывкар, 2004. – С. 6–43.
11. Жеребцов, И. Л. Проблемы индустриализации тыловых районов в годы войны (по материалам Коми АССР) / И. Л. Жеребцов // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 91–94.
12. Жеребцов, И. Л. Первый труд по истории Коми АССР периода Великой Отечественной войны и его автор / И. Л. Жеребцов // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). – Сыктывкар, 2010. – С. 110–122.
13. Жеребцов, И. Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны: хроника событий (1941–1942) / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2009. – Вып. 7. – С. 79–97.

14. Жеребцов, И.Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны (1943 г.) / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар–Вологда, 2012. – Вып. 8. – С. 153–163.

15. Жеребцов, И.Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны (1944–1945 гг.) / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар–Вологда, 2012. – Вып. 9. – С. 205–229.

16. Жеребцов, И.Л. Коми ученые-гуманитарии – участники Великой Отечественной войны / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев // Арт. – 2015. – № 2. – С. 119–128.

17. Жеребцов, И.Л. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: хроника событий / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, Б.Р. Колегов // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). – Сыктывкар, 2010. – С. 168–222.

18. Жеребцова, С.В. Своими глазами (зарисовки из жизни сыктывкарцев в военные годы) / С.В. Жеребцова // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 171–179. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 2).

19. История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 2.

20. История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980.

21. Колегов, Б.Р. Странная страна: Город Сыктывкар и его обитатели на страницах газеты «За новый Север» / Б.Р. Колегов. – Сыктывкар, 2020. – Ч. 2: 1941–1954 гг.

22. Колегов, Б.Р. Из жизни Сыктывкара в военные годы (материалы газеты «За новый Север», 1941–1945) / Б.Р. Колегов // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 180–200. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 2).

23. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы, материалы, воспоминания. – Сыктывкар, 2005.

24. Копытин, В.Н. Военный комиссариат Коми АССР в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Копытин // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 15–25.

25. Копытин, В.Н. История Военного комиссариата Республики Коми / В.Н. Копытин. Сыктывкар, 2000.

26. Лахтионова, Т.И. Условия жизни населения города Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Коми) / Т.И. Лахтионова // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 36–44.

27. Леванова, Р.М. Калейдоскоп жизни. (Воспоминания о Великой Отечественной войне) / Р.М. Леванова // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). – Сыктывкар, 2005. – С. 214–228. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 4.).

28. Леванова, Р.М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне / Р.М. Леванова // Повседневная жизнь Коми края. – 2-е изд., доп. – Сыктывкар, 2010. – Вып. 2. – С. 105–118.

29. Моисеева, И.Ю. Время «до» и время «после»: к проблеме восприятия начала Великой Отечественной Войны населением России (по материалам воспоминаний жителей Республики Коми) / И.Ю. Моисеева // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 171–179. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 2).

30. На страже правопорядка и законности. – Сыктывкар, 2001.

31. Пархачев, В.Н. Партизаны-добровольцы из Коми АССР в боях за оборону и освобождение Карелии и Мурманской области от немецко-фашистских захватчиков в 1942–1944 гг. / В.Н. Пархачев // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Великой Отечественной войны). Материалы научной конференции 4, 5 апреля 1995 г. – Сыктывкар, 1995. – С. 143–147.

32. Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 2000. – Т. 3.

33. Попова, Р.Л. Из жизни семей служащих в годы войны / Р.Л. Попова // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар, 2006. – Вып. 1.

34. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1941–1945 гг. / М.Б. Рогачев // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). – Сыктывкар, 2010. – С. 74–84.

35. Рочев, Р.А. Паспортная служба Коми АССР в годы Великой Отечественной войны / Р.А. Рочев // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 75–83. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 2).

36. Рочев, Р.А. На страже правопорядка и законности / Р.А. Рочев. – Сыктывкар, 2001.

37. Сова, В.А. Республиканский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны / В.А. Сова // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 71–77.

38. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). – Сыктывкар, 2002.

39. Юркин, А.В. Фронтовой дневник / А.В. Юркин // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 158–170. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; вып. 2).

В.В. Антоновская*

**ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА 1940-х и 1980-х гг.:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
(на материалах Котласского краеведческого музея
и личных коллекций)**

***Аннотация:** В работе представлены результаты сравнительного анализа писем с фронта уроженцев Архангельской области – участников Великой Отечественной и Афганской войн.*

***Ключевые слова:** письма с фронта, Великая Отечественная война, Афганская война*

Анализу фронтовых писем участников Великой Отечественной войны посвящены многочисленные исследования (Т.М. Бондаренко, Б.О. Жучков, А.Ю. Иванов, К.И. Иванов, В.А. Кондратьев, А.П. Минаева, И.Ю. Моисеева, Н.В. Момотова, О.Р. Николаев, О.Е. Хорунжая и др. [1, 73, 74]). Письма анализируются на предмет их информационных возможностей, определяется место писем с фронта в ряду других источников по истории Великой Отечественной войны, проводится их гендерный анализ, рассматриваются «военная этнография» и «эпистолярный этикет».

Афганская война (1979–1989) стала последней войной Советского Союза и последней войной, с которой солдаты массово писали письма домой. В настоящее время отсутствуют полноценные научные исследования, посвящённые изучению фронтовой переписки 1980-х гг. Письма Афганской войны по большей части хранятся в семейных архивах её участников и ещё не являются предметом исследований учёных.

Важность анализа фронтовой переписки отмечается Е.С. Сенинской, по мнению которой, письма являются одним из источников личного происхождения, показывающего психологию личности «человека воюющего» изнутри [75, с. 18].

Целью нашего исследования является выделение общего и особенного во фронтовых письмах 1940-х и 1980-х гг. Выбор темы обусловлен не только новизной проблематики, но и наличием в фондах и архиве Котласского краеведческого музея представительной коллекции писем с фронта 1940-х и 1980-х гг. (более четырёхсот), а также возможностью работы с личными коллекциями писем наших земляков – участников войны в Афганистане.

Участники Афганской войны являются внуками тех, кто защищал нашу страну в Великой Отечественной войне. Сравнительный анализ фронтовых

* **Антоновская Виктория Владимировна**, кандидат педагогических наук, заведующая отделом педагогики Котласского краеведческого музея, г. Котлас.

писем даёт возможность увидеть изменения, которые произошли в сознании «человека воюющего» на протяжении примерно 40 лет.

Для анализа были выбраны наиболее содержательные тексты: 112 писем участников Великой Отечественной войны (1941–1945) и 128 писем, отправленных из Афганистана (1982–1989). Авторы писем – уроженцы Архангельской области, возраст – 19–29 лет, рядовые и сержанты. Далее письма цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Фронтовые письма 1940-х гг. написаны либо на неразлинованных листах с неровными краями (скорее всего, вырванных из блокнота), либо на разлинованных в линейку или клетку тетрадных листах, иногда с красными полями. Редко встречаются письма на типографских бланках документов (например, письмо И. П. Дементьева на бланке бухгалтерской проводки [14]), шесть писем периода 1943–1945 гг. написаны на специальном бланке воинских отправлений. Писали карандашом, перьевой ручкой с синими или зелёными чернилами. Некоторые фразы в письмах подчёркнуты красным карандашом: как правило, это сообщения о получении государственной награды. На всех письмах стоит отметка «Просмотрено военной цензурой», иногда закрашены строчки о месте нахождения адресанта. 81 письмо свёрнуто треугольником, указаны адресат и отправитель, стоят штампы полевой почты и принимающего почтового отделения.

Фронтовые письма 1980-х написаны на разлинованных в линейку или клетку тетрадных листах, иногда с красными полями. Реже встречаются письма на неразлинованных листах формата А4 и на листах тетрадного формата с рисунком, например, с изображением развевающегося красного знамени и лавровой веткой в верхнем левом углу листа.

Письма из Афганистана отправляли в конвертах. Бесплатные конверты для воинских отправлений имелись в частях в ограниченном количестве, поэтому часто встречается просьба прислать конверты и ручки: *«А то, мама выслала бы конвертов и ручку с пастиком запасным...»* [60], *«Да мам посылай пожалуйста в конверте конверт Ну как сейчас А то здесь с конвертами большая проблема»* [37]. На всех конвертах стоит штамп полевой почты и принимающего почтового отделения. На трёх конвертах писем имеются надписи, адресованные почтальону части, например: *«Осторожно, фото!»*, *«Цветок, Юрик, осторожно!»*.

Фронтовые письма 1940-х и 1980-х гг. строятся по одной и той же трёхчастной структуре: начальный протокол, основная часть и конечный протокол. Письма начинаются с обращения к адресату (индивидуальному или коллективному). Участники Великой Отечественной войны, следуя крестьянским традициям, близких именуют с указанием степени родства, себя представляют с обозначением семейного статуса, в обращениях часто используют прилагательные «многоуважаемые», «дорогие»: *«Привет Мно-*

го уважаемой и глубоко уважаемой супруге Екатерине Константиновне милым дорогим синочкам Виктору Михайловичу Анатолию Михайловичу от вашего папы Михаила Степановича» [8], «Привет с фронта жене Валентине Васильевне сыновьям Клавдию Ивановичу Николаю Ивановичу Рудольфу Ивановичу от вашего мужа и папы» [3].

Для писем, отправленных с Великой Отечественной войны, характерны и краткие рифмованные зачины: «Добрый день весёлый час шлю привет для вас» [4], «Крепко целую вас тысячи рас» [19]. М.С. Попов, поздравляя жену и детей с новым 1944 годом, начинает письмо словами: «Как розы всех цветов аляя – алмаз дорожке всех камней лица же вашего милей не нахожусь среди людей» [18].

В связи с переходом к индустриальному обществу традиции аграрного общества с характерными для них жизненными связями, системой образов, со своим миром и языком к 1980-м гг. в значительной мере утрачиваются. В афганских письмах рифмованные зачины не используются, приветствия начинаются со слов «Здравствуйте» и «Добрый день!»: «Здравствуйте все мои родные и близкие: Мама, Папа, Андрюшка, Оля, Бабушки и Дедушка с Дядей» [35], «Добрый день или вечер! Здравствуйте мои дорогие Мамочка, Морозы и все кто есть дома» [50].

В следующей части начального протокола письма адресанты передают многочисленные приветы, снабжённые «военными» эпитетами. В письмах 1940-х гг. эта часть, как правило, начинается словом «шлю»: «Шлю я вам свой горячий красноармейский привет» [24], «Шлю я вам свай сирдечной привет и горячий поцелуй описываю вам асваей жизни» [6]. Часто встречаются пропагандистские клише: «Привет вам из фронта! От гвардейцев минометчиков грозного оружия для немецких захватчиков» [26].

Приветственная часть в некоторых случаях достаточно объёмная, ибо перечисляются все члены семьи и знакомые: «...а так же передайте привет всем знакомым и особенно кузнецам двум Петрам которых отдельно не указывал» [3]. Передача многочисленных приветов может быть перенесена и в конечный протокол письма: «Передай привет всем родным и знакомым, а главное Дяде Мише, всем тетям Бабушке и Парасковье Ларионовне Вместе переживающие горе войны» [32]. Авторы писем стараются максимально подробно перечислить своих близких, знакомых, а иногда и незнакомых: передаются приветы и «тому кто будет читать это письмо для тебя» [29], и «всем тем кто мил» [18].

Иногда складывается ошибочное впечатление о неинформативности некоторых фронтовых писем, полностью состоящих из этикетных формул: приветствий, поклонов родным и знакомым, пожеланий здоровья и прощаний. Владимир Дернов пишет маме из Афганистана: «Тебе уже наверно и не интересно читать всё одно и то же. Даже наверно когда письмо

приходит ты не раскрывая знаешь чего там написано» [45]. Однако в таких письмах передаётся информация другого рода: они являются весточками, что солдат жив, что он сохраняет связь с семьёй и земляками, помнит о каждом, думает и переживает о близких.

В письмах 1980-х гг. приветственная часть значительно сократилась, к этикетным формулам добавилась географическая локализация: *«Привет из Афгана!»* [46], *«С огромным интернациональным приветом с высоких гор Саланга я, Владимир»* [50]. Отметим, что топонимы редко встречаются во фронтовых письмах Великой Отечественной войны по причине цензурных ограничений. Приветы родственникам и знакомым в афганских письмах перенесены в конечный протокол письма, часто используется обобщённая формула «привет всем, всем»: *«...передавайте всем, всем привет»* [45].

Далее авторы и 1940-х, и 1980-х благодарят родных за полученные письма. Леонид Терехов в 1942 г. пишет: *«Сообщаю что я вчера письмо от Вали и Шуры, а по завчера от Гены и Васи из колхоза за которые очень благодарен»* [52]. Благодарности фронтовиков 1980-х похожи: *«Вот получил от вас сразу 3и письма. Огромное спасибо за это»* [17], *«Сегодня у нас был большой праздник Получили письма из дому»* [42].

В следующих предложениях адресанты извиняются за задержку ответов и предвосхищают реакцию адресата. Невозможность сразу ответить на письма из дома солдаты и Великой Отечественной, и Афганской войн объясняют одинаково: *«...одно время я не писал писем потому что нет время всю время находимся в боях и в маршах»* [11], *«Извините, что долго не писал, может быть не верите, как приходится здесь. Был всё время в походах и боях»* [22], *«Всё летаем на вертолётах взад-вперёд, некогда писать»* [53], *«Прежде всего хочу извиница, что так долго не писал. Но я думаю и даже не сомневаюсь что ты меня прекрасно понимаешь и не обижаешься»* [47].

Иногда причиной задержки ответа были не боевые действия, а отсутствие ярких событий и обыденность службы: *«Ты уж меня мам извини но я действительно не знаю чего писать»* [45]. Однообразие фронтовой повседневности, выполнение однотипных служебных обязанностей, элементарная скука в период между боевыми действиями – это проблемы участников любой войны. Так, например, почти все авторы афганских писем отмечают, что *«...на войне здорово, а самое главное быстро летит время, а это лучше чем сидеть в роте»* [58].

Основная часть в большинстве случаев начинается с обозначения места и/или времени написания письма. В письмах 1940-х читаем: *«...пишу письмо вокопе на прекрасном большом поле где посеяно много разных культур»* [3], *«...пишу письмо в 3 часа дня в лесу лежа но в том лесу ягод нет и грибов тоже»* [28], в письмах 1980-х: *«вот стою дневальным по роте,*

время 5.36 утра, скоро надо кричать “Рота, подъём!”, это самое неприятное в армии» [59].

Адресанты и 1940-х, и 1980-х активно используют формулу «жив-здоров», типичную для описания фронтовой жизни и отражающую общие переживания военного времени. Однако авторы 1940-х гг., как правило, добавляют наречие «пока» или литературные обороты «в настоящий момент», «в настоящее время»: *«теперь спешу сообщить о себе пока что жив и здоров»* [3], *«Я в настоящее время нахожусь жив и здоров служу своей матери родины»* [8]. Авторы 1980-х, более уверенные, что с ними ничего плохого на войне случиться не может, уточнение «пока» не используют: *«У меня всё хорошо, жив, здоров, чего и вам желаю»* [56], *«Я жив и здоров не болею и не кашляю»* [46].

Разница в применении эпистолярной формулы «жив-здоров», на наш взгляд, может быть объяснена различием в картине мироустройства представителей разных поколений и разной частотой встреч со смертью во время Великой Отечественной и Афганской войн. Несмотря на то, что участники Великой Отечественной войны в большинстве своём воспитывались в духе атеизма, традиционная религиозная система ценностей составляла основу их мировоззрения. Для того чтобы «разгрузить» психику в период колоссального напряжения на войне, солдаты вверяют свою жизнь высшим силам, хотя и не отражают это в письмах напрямую. Участники Афганской войны учились и воспитывались в советской школе, поэтому их картина мира разительно отличается от картины мира фронтовиков 1940-х гг., религиозная составляющая в ней минимальна.

Кроме того, за четыре года Великой Отечественной войны страна потеряла 26,6 миллионов советских граждан, а за девять лет Афганской войны безвозвратные потери составили около 14,5 тысяч человек [75, с. 36–38]. Участники Великой Отечественной войны встречались со смертью своих товарищей гораздо чаще, чем участники войны в Афганистане. Отсюда и осторожное отношение к планам на будущее: *«родились в революцию и может придётсЯ сложить голову за свой народ»* [33].

В основной части письма содержится наиболее значимая для адресанта информация, выражаются эмоции и чувства, излагаются просьбы и пожелания. Анализ содержания фронтовых писем 1940-х и 1980-х гг. показывает, что фронтовиков волновали одни и те же вопросы. В письмах отражаются природно-климатические особенности места службы, как правило, они сравниваются с родными местами. Преобладает описание деталей фронтового быта, иногда даются характеристики боевых товарищей, командиров, взаимоотношений между ними. Значительную часть занимают воспоминания о доме и близких, мечты о возвращении со службы. Встречаются

рассуждения патриотического характера, размышления о воинском долге. Редко встречаются описания собственно боевых действий.

Война надолго вырывала людей из привычной, мирной, домашней обстановки. Многие из них впервые увидели другие края и даже страны. И, конечно, хотелось разделить эмоции с теми, кто остался дома, передать впечатления. Мы видим это и в письмах 1940-х, и в письмах 1980-х гг.: *«...поля здесь очень большие и ровные невидишь конца земля больше чернозем, домики каменные крыты железом или соломой насмотрелся какой вид просо, то есть пшено, чечевицу и другие которых у нас нет»* [3], *«Посмотрел на Кабул, есть и 5ти этажные дома, проезжали по окраине. Женщины многие ходят в белой такой парандже, бачата (дети) хорошо разговаривают по русски стоит только остановиться как они облепят весь бронетранспортёр и просят купить у них всякую всячину»* [59].

Стоит отметить, что Афганская война, несмотря на локальный характер, оказалась самой длительной в российской истории XX века. Сложность проведения военных действий определялась горно-пустынной местностью и жарким климатом страны, совершенно непривычным для многих наших солдат. Ведению такой войны пришлось учиться в прямом смысле слова в боевых условиях. Горный рельеф, жара, частые ветры и пыльные бури, ограниченность источников воды, резкие перепады между дневной и ночной температурами (доходившие до 50 градусов), незнакомый менталитет местного населения – всё это значительно утяжеляло пребывание наших солдат в Афганистане. Естественно, что особенности службы в другой стране нашли отражение и в письмах на родину: *«...наш северный лес постоянно меняет свои краски а тут всего два цвета горы либо белые либо серые»* [41], *«А те мои цветочки пахнут пылью, как и всё остальное в Афгане. Знаешь, сколько здесь пыли! И всё здесь постоянно под слоем пыли. Хоть вытирай её каждые полчаса. Всё равно»* [17].

Большое впечатление на северян производили горы: *«Ходили два дня назад в горы, впервые я их увидел так близко»* [56], *«Да к стати хоть и говорица что по облакам нельзя ходить, а нам здесь приходица»* [44]. В описании же деталей фронтового быта можно выделить несколько основных сюжетов: жилье и повседневная фронтовая обстановка, солдатский рацион, денежное довольствие.

В письмах 1940-х читаем: *«...находимся все время в лесу под открытым небом уже скоро год не видели никакого населения только скалы, горы и... озера больше ничего погода стоит хорошая но сама знаешь на севере днем тепло ночью зябнут ноги холодно»* [23], *«Сейчас стоим на отдыхе, в одном из городов нашей советской Эстонии живем хорошо есть электричество и даже радио первый раз отдыхаем в таких условиях конечно были землянки или палатки но большинство под открытым небом, конечно нам*

это дело привычно и как будто так и нужно. Война все трудности нужно переживать» [27].

Фронтовой быт в боевых условиях за 40 лет практически не изменился. На Афганской войне тоже были ночёвки в палатках, в горах под открытым небом, в боевой технике: *«...на боевые выдают валенки и ватные штаны, шапка, бушлат и много-много всякой мелочи» [58].* В полку жили в модулях – одноэтажных щитовых домиках: *«Живём мы в одноэтажных казармах, отопление водяное, всё кругом напоминает как в колхозе, асфальта нет» [58], «...представь себе казарму ну как би квартирный дом» [46].* Описывают солдаты и военную повседневность: *«День ходим в наряды, день отдыхаем. Каждый четверг ходим в баню. Баня здесь отличная можно сказать со всеми условиями. И душ есть и даже маленький бассейн» [43].*

Важной частью в описании фронтового быта является солдатский рацион. О нём пишут и в 1940-х, и в 1980-х гг.: *«...живу ничего с питанием дело обстоит лучше дают фронтовой паёк Варим сами» [2], «7 числа получили подарки от уральцев сушки сухари пичени и много другое предметов за которым м очинь благодарим» [7], «По утрам едим молочный суп с кашей, пьём кофе. Уже чувствую набрал свой вес, который потерял в учебке» [43].*

В Афганистане во время боевых операций комбатанты получали усиленное питание: *«Каждое утро молочный суп, каша и т.п. А вот когда ездили в Кабул, колонну сопровождали, то выдавали сух. пайки, то там есть и шоколад и молоко сгущённое, мясо в консервах, сахар, чай, соль, суп сухой в пакете» [62].*

Нелегально купить продукты или обменять их на что-либо военнотружущие могли в небольших торговых лавках – дуканах, кантинах: *«Здесь в кантинах (магазины часные вдоль дороги стоят, там где дорога проходит через кишлак) уже продают яблоки, абрикосы, есть и арбузы (прошлогодние), помидоры» [68].*

В магазинах Военторга покупали и недоступные в СССР продукты: импортное печенье, газированный апельсиновый напиток «Sisi», джемы и др.: *«Катюше высылаю гостинец, лично ей, это печенье такое у нас в магазине продаётся, кекс “Альберт”, такая пачка стоит 25 копеек. У нас из этого печенья делают торты (армейские), сами делаем» [64].*

За несколько месяцев до вывода войск из Афганистана питание военнотружущих ухудшилось: *«Только кормить нас стали хуже, чем раньше. Т.к. сюда больше ничего не завозят, а опустошают все склады и кормят тем, что раньше не разобрали это ячневой кашей, которую никто не ест» [17].*

Во время Великой Отечественной войны на государственном уровне были узаконены и официально введены в ежедневное снабжение личного состава на передовой «наркомовские сто грамм» спиртного. Об этом мы

читаем и в письмах фронтовиков: «...наряду с холодом мы уже одеваемся по зимнему с 1/X-41 получили шапки теплые и рукавицы теплые белье и т. д. и к тому же для обогрева сегодня уже дали по 100 г» [3], «Здоровье мое на отлично обуто и адеты очин тепло питания хороша варашиловскую норму 100 грам получаем каждый день» [5], «...праздник проводили в бою дали водочки по двести грамм смазать горлышко» [30].

Во время Афганской войны ничего подобного не было. Алкоголь в Афганистане можно было приобрести только контрабандным путём. Однако в этой восточной стране было распространено снятие стресса другим способом – с помощью растительных наркотиков, которые легко можно было выменять у местного населения, например, на алюминиевую ложку, тарелку, котелок или гаечные ключи. Такой способ был непривычным для наших земляков: «Афганцы в кишлаках сажают очень много мака, зачем – непонятно, зато красиво, такие поля небольшие, как ковёр, белые маки, красные в перемешку» [65].

Жаркий афганский климат, проблемы с водоснабжением и соблюдением санитарно-гигиенических норм приводили к массовым заболеваниям: «Здесь летом много всякой заразы “летает”: гепатит, тиф, малярия, даже есть холера, а на боевых, там очень плохие санитарные условия, а по молодухе вечно с грязными руками ходишь, во первых – мыть негде, во 2х некогда» [72].

Следующая тема в описании фронтового быта – денежное довольствие. Фронтовики 1940-х гг. деньги, как правило, отправляли домой: «Я послал вам денег в ноябре месяце 350 руб и 26/XII 650 руб потому что мне ими нечего делать а вам может быть годятся» [6], «Зарплату получил 600 руб в м-ц да полевые 150 руб, итого 750 руб. Денег при себе не держу лишь только на членские взносы, остальные посылаю переводом домой» [21].

В Афганистане денежное довольствие солдаты получали «чеками»: «С 1го июля солдатам в ДРА будут выдавать не 7 руб, как рядовому будет – 23 чека, это самое меньшее, ну и сержантам побольше, всех выше командирам боевых машин, и чеки пойдут с красной полосой, на них уже в Союзе в чековых магазинах ничего не купишь, действительны только на территории ДРА» [67].

Чеками можно было расплатиться в магазинах Военторга на территории полка, а также военнослужащие нелегально продавали местному населению за валюту (афгани) какие-либо бытовые алюминиевые или железные предметы: «Дошли ли до вас деньги Афганские я высылал 20 афоек, думаю, что всё же интересно вам посмотреть» [72]. На местные деньги в кантинах можно было купить самые разнообразные товары, однако посещать их военнослужащим не разрешалось из-за риска попасть в плен:

«Я тут Наташе парфюмерию достал, китайского производства, мазаться, краситься, душиться и т.д. и т.п. Чего в ней только нет: и духи, и веки красить, ногти, губы – целая куча цветов, ресницы тоже красить, короче, вещь интересная и красивая...» [63].

Во фронтовых письмах и 1940-х, и 1980-х гг. нечасто встречаются повествовательные фрагменты, посвящённые непосредственно боевым действиям. Нежелание говорить о войне нельзя объяснить только цензурными ограничениями. Фронтовики не стремятся описывать войну, поскольку именно в письмах они могут окунуться в прежнюю, невоенную жизнь, уйти от роли «человека воюющего» к мирным ролям отца, мужа, сына, брата.

Адресанты 1940-х в этой части письма, как правило, используют пропагандистские клише: *«Мы за 2 года научились воевать и бить немцев за все слёзы русского народа» [22]*, иногда цитируют фронтовые сводки: *«...по лесам и болотам наша часть первая вышла на государственную границу 1941 года – 21 июля около 5 часов утра и приняв бой 22 июля в 5 часов вечера перешла государственную границу и углубилась на территорию Финляндии до 10 км заняв при этом 6 населенных пунктов» [20]*. Активное использование идеологических клише в эпистолярном творчестве фронтовиков 1940-х гг. является одним из показателей эффективности государственной пропаганды.

Участники Афганской войны обладали большей свободой в описании боевых действий: *«Полк – боевой, постоянно воюющий, примерно раз в месяц летом ходит на войну (боевые действия). А зимой редко. Продолжительность войны может превышать 45 суток» [58]*, *«Басмачи гадские, когда сопровождаешь советскую колонну, то каждый раз обстреливают, а когда сопровождаешь афганскую, то всё спокойно, а при советской и мины ставят... Видал как разминируют, как взлетают на них. В общем повидал кое-что и убитых, и раненых» [34]*.

Меняется на войне и отношение человека к смерти. Вера в иррациональные силы, солдатский фатализм выполняют роль психологической защиты для человека в экстремальной ситуации. Вот как об этом пишут солдаты Великой Отечественной войны: *«а в настоящее время моя такая жизнь смерть может наступить каждую минуту» [23]*, *«...у миня ранило уже 2 лошади 3 числа то же Если остался жив сам незнаю какими судьбами снаряд взорвался от миня в 1 метр миня и коня засыпало зимлей но ничего ни повредила может быть как нибудь дамотаем до конца» [13]*. Война рассматривается ими как поворот судьбы: *«...что поделаешь такая моя судьба» [23]*, а победа – прежде всего как возможность вернуться домой: *«недалёк тот час что паразит Гитлер получит окончательный разгром и если останусь живой то в скором времени встретимся с вами» [23]*.

В Афганистане вчерашним школьникам, даже не предполагавшим, что в их жизни будет война, тоже пришлось сталкиваться со смертью, с гибелью товарищей. Отчётливое понимание, что жизнь может оборваться в любой момент, находит отражение и в письмах: *«Итог войны: потери большие 5 убитых и около 40 раненых, 2е из пяти погибли от ран, это только в нашем полку, а если взять весь ограниченный контингент. Гибнут наши ребята. Перед войной разговаривал, видел его, а сейчас его уже нет даже не верится, а ему этой весной домой ехать надо было»* [66].

Великая Отечественная война для Советского Союза была оборонительной и справедливой. Враг нарушил привычный уклад жизни, разлучил семьи, поэтому образ противника в письмах подчёркивается эпитетами «заклятый», «гнилой», «ненавистный», «паразит Гитлер», «двуногий зверь»: *«гнилая гитлеровская машина на все способна»* [26], *«враг в настоящее время стал атхадить почувствовал удары Нашей любимой Красной Армии удары враг дрогнул навсех франтах и бросается впанику начинает бежать, думаю что в скором будущем Наша Красная Армия разабет наглого врага dokonца»* [5], *«гад проклятый, когда отступает все деревни сжигает»* [22].

Задача воюющего человека 1940-х гг. — освободить родную землю. По мнению Е.С. Сеньявской, «Ненависть к врагу и жажда мести были естественной основой политической работы и пропаганды в Красной Армии» [75, с. 241]. Формируемые официальной идеологией героические символы, выраженные, в том числе, и в идеологических штампах, совпали с образами, самостоятельно возникшими в народном сознании во время Великой Отечественной войны. В письмах фронтовиков земля «Священная», «наша», и мы видим, что пропагандистские задачи совпадают с внутренним настроением защитников Родины: *«...уже доходит год как м сражаемся с ненависным врагом фашизмом м видим что он ослап очнь здорова нето ему продвигатся впиред м его и назат типеря нипускаим беем ева как беиною собака кругом А он сидит у нас вмишку и воеет рад бы откататся от нашей зимли да типеря м уж ева похороним здесь чтоб больше не повадно было и другим»* [9]; *«...от нас страна ждёт Скорее освобождения Великово Города Ленина это будет выполнена нами пока не добием немецких паразитов мы ни одного сволоча не должно оставит на нашей Священной Земле победа за нами»* [15].

Война в Афганистане велась на чужой территории: *«Вот пишу вам уже второе письмо с чужой земли»* [56]. Повстанческие группы моджахедов, поддерживаемые США, сражались против Советской Армии и правительственных войск Афганистана. Это была партизанская война с непонятным противником, без чётко определённой линии фронта: *«Мама, какие здесь могут быть увольнения, если кругом бандиты»* [58], *«Мы здесь больше узнали за 1 день, чем за 6 месяцев учебки. Продолжаю семейную,*

как говорится, традицию. Дедушка воевал, дак он знает каково. Только он знал и видел, откуда наступление и откуда будут стрелять по нему, а здесь не знаешь, откуда будет выстрел – кругом горы, и душманы действуют скрытно» [35].

В Советском Союзе информация об Афганской войне замалчивалась. Многие солдаты не сразу сообщали родным, что они служат в Афганистане, не хотели их волновать: *«Да, вот уже полтора месяца я топчу землю Афганистана и не жалею об этом. О том, что я попаду в ДРА я узнал ещё в Ленинграде, когда мы сидели 3е суток на пересыльном пункте, но решил сразу вас не беспокоить и всю учебку молчал об этом. Я бы мог конечно написать вам что я в Монголии или ещё где-нибудь (у нас есть такие ребята), но я думаю что всё же лучше правда какая бы она ни была»* [58], *«Да мам я знаю как страшит вас это слово Афганистан. Но поймите ведь кто то должен там служить и если уж выпала нам эта доля То вам надо как то смирица а нашим молодым ребятам выполнить свой долг»* [39].

Фронтовики и 1940-х, и 1980-х с гордостью делятся с близкими и радостью от получения наград: *«...находясь в боях и взятии города Шенетовка и где тоже был ранет Был на излечении и обратно вернулся в строй за што партия и правительство наградило меня медалью “За боевые заслуги”»* [24], *«На день Конституции СССР всему нашему личному составу вручат Афганские медали это уже будет 2 моя медаль»* [51].

Тоска по дому, желание увидеть близких одинаково остро отражаются в письмах и 1940-х, и 1980-х гг.: *«Мама у вас наверно уже дома поспели овощи в огороде и вы их копаете. И мне тоже охота покушать свежую картошку с огурчиками. Ну это ничего, скоро война кончится, вернусь тогда поем досыта. А вы за меня скушайте по большой картошине»* [52], *«Ночевали в Кабуле когда ехали вперёд. А в километрах 2-3 вдали стояло несколько 5ти этажных домов, когда стемнело, то там зажглись окна, сразу тоже вспомнился Котлас, как я уже давно не видел этого, ужасно соскучился. Сразу захотелось хотя бы войти в подъезд такого дома и просто постоять, посмотреть, но это было конечно же невозможно, только душу растравил»* [70].

Адресанты одинаково жалуются и на усталость от фронтовых будней: *«...пока ничива незнаю что будит дальше скоро кончим или нет токою мучение или же нескоро как ета всем надоела»* [10], *«...горы уже поднадоели своим однообразием»* [41], *«Уже чувствую, что очень устал морально за эти полтора года, нервов много уходит в этом зоопарке»* [71].

Обязательной частью фронтовых писем являются вопросы про дом, желание узнать новости из родных мест. Это даёт возможность погрузиться в привычную мирную атмосферу, хоть ненадолго вырваться из фронтовой обстановки. Следует отметить, что спектр вопросов о доме в письмах

1940-х и 1980-х гг. разительно отличается. Связано это, на наш взгляд, с тем, что на Афганскую войну уходили солдаты срочной службы, совсем недавно окончившие школу или училище и в большинстве своём не успевшие образовать собственные семьи и обзавестись детьми.

В письмах фронтовиков 1940-х читаем: *«Доит ли корова сколько у нас трудодней и сколько я заработал. Почему татка дров не навозил. Кто теперь председатель колхоза. Смотри сколько жизненных вопросов, и на все вопросы мне ответьте»* [2], *«Много у вас хлеба? Сена? Очень мало пишите, меня это не удовлетворяет»* [16]. У комбатантов 1980-х спектр вопросов другой: *«Построили на Урицкого Фабрику Кухню или нет, обещали по моему сдать в декабре 1986 года? Если построили то как она?»* [60], *«...как там дома, я слышал, что перестройка уже и до нас дошла. Как её воспринимают и что изменилось»* [48].

Соответственно разными были и указания родным, а также советы по поводу практических дел семьи: *«...дарагие мое детки я прошу вас чтоб вы работали и учились работать только хорошо кто хорошо работает на своих работах тому визде хорошо теми начальство даражить»* [11], *«...я выслал вам еще денег 300 рублей на ваши нужды получите эти деньги заготавливай сямья и старайся посеять огород»* [8]. В письмах 1980-х мы видим многочисленные просьбы прислать адреса друзей, призванных в армию, выслать фотографии, подробнее рассказывать о том, что происходит дома: *«Да, мам узнай пожалуйста его адрес если конечно он уже написал домой и вышли»* [48], *«Папа, если есть ещё фотографии сделанные, то вышли»* [61], *«Мопед завести нужно, а то я его не разобрал совсем, зачахнет там без меня или хотя бы свечку приотдать маленько»* [54].

Однако можно выделить два момента, повторяющихся в указаниях фронтовиков 1940-х и 1980-х: 1) необходимость физической подготовки для службы в армии: *«Клавдик каждое утро и вечер делай физкультуру, научи и потребуй от Коли и Рудика»* [4], *«Так что Санёк занимайся спортом как я. Знаешь как мне помогает это особенно первые месяцы моей службы»* [38] и 2) заботу о музыкальных инструментах, оставленных дома: *«Теперь опиши где стоит и в каком состоянии моя гармошка, наверно Анатолий берет, или нет на вечерку»* [31], *«ослабьте струны на гитаре, а то нельзя их в натяжку без работы держать. По гитаре я тоже соскучился, здесь дёргал её всего 2 раза, всё сержанты у себя гитару держат»* [55].

Несмотря на разный жизненный опыт, полученный к началу войны, практически во всех фронтовых письмах мы видим заботу о родных: *«Настя я выслал вам 350 р. денег на нужды ребят»* [11], *«Мам на счёт дров то ты как мать воина интернационалиста должна пользоваться льготами и в праве требовать»* [42].

Абсолютное большинство фронтовиков 1980-х составляла молодёжь, вчерашние школьники: *«Скоро 1е сентября уже 3е первое сентября как я не пойду в школу. А как хотелось бы»* [49], *«Как вспомню тоже эту пору, осень, всё красивое, яркое на деревьях, так и хочется снова попасть в школьные годы»* [69]. Школьная тема отсутствует во фронтовых письмах 1940-х, исключения составляют наказания детям учиться хорошо: *«Прошу дорогие работать лучше помогать маме и учиться в 44 году только на отлично»* [18].

Фронтовики Великой Отечественной не знали, сколько продлится война и когда они вернутся домой. Солдаты Афганской войны практически в каждом письме отмечали, сколько дней осталось до демобилизации. Количество дней до дембеля выделялось жирным шрифтом, обводилось в кружочек, выделялось восклицательными знаками: *«Скоро буду дома через год»* [53], *«...совсем немножко осталось лишь 532 дня»* [41]. Ожидание демобилизации отражалось и в солдатском фольклоре: *«Масло съел и день прошол, а день прошол так ближе дембель»* [48], *«Что не день то ближе к дембелю»* [50].

Ситуация возвращения домой часто проигрывалась в мыслях и отражалась в письмах: *«Но придет то время когда на родной станции сойдем с зелененького вагончика, в серой своей шинели и пойдем по знакомым дорошкам в дали голубеет крыльцо»* [31], *«...я иногда сижу и думаю, как будто я слез с поезда на Котлас-Узле и домой иду через лес на поляне, подхожу к дому, вас нет на улице, стучу, не открывает никто, залезаю через форточку, включаю телевизор и жду вас всех»* [36], *«Сегодня ночью мне сон приснился, что то в виде того, что я домой приехал, и подхожу к двери нашей № 50 только почему то я был в гражданке, а не в форме»* [61].

В письма и с Великой Отечественной, и с Афганской войны иногда вкладывались фотографии с наказом родным сохранить память о службе: *«Я рад, что получили мою фото, эта фото последнего изделия, т.е. весны 1943 года»* [25], *«Посылаю вам первую фотографию с нового места... Все фотки какие я высылал ложите в альбом, чтобы они сохранились до моего прихода и была память о службе»* [57].

Заключительная часть фронтовых писем состоит из нескольких пунктов, среди которых обязательно присутствует просьба писать письма: *«Дальше прошу вас писать чаще адрес до победы будет один, описывайти все новости о себе т.е. достижения или успехи и ухудшения в жизни»* [3], *«А теперь мамаша прошу описать как вы живете и как ваше здоровье и какая урожайя, всё прошу описать и к тому же ещё как относятся к вам колхозники всё описывайте»* [14], *«Наташа напиши лучшее письмо с описью дворовой жизни, введи меня в курс дела»* [60].

Формулы прощания и в 1940-е, и в 1980-е практически идентичны: *«К сему ваш муж и папа И. Выдряков»* [3], *«Ваш сын, брат, внук гвардии рядовой Александр Шалев»* [56], но в письмах 1940-х вновь встречаются краткие рифмовки: *«Заочно крепко целую всех вас. Ещё бы рас да нету вазле вас»* [12].

Таким образом, фронтовые письма 1940-х и 1980-х гг. содержат одинаковый перечень основных вопросов, которые волнуют солдата в боевой обстановке. Значимость пунктов этого перечня и порядок изложения может меняться в зависимости от конкретных условий войны и личности адресанта.

Письма имеют практически идентичную трёхчастную структуру, отличаясь по стилистике и грамотности, что объясняется разным жизненным опытом комбатантов и разным уровнем образования. Характерное для писем 1940-х гг. наличие фольклорных формул и незначительное их присутствие в письмах 1980-х, вербальные формы выражения солдатского фатализма связаны со сменой стереотипов сознания в связи с переходом от традиционного аграрного общества к индустриальному.

Сюжеты в описании фронтового быта одинаковы, комбатанты и 1940-х, и 1980-х гг. рассказывают в письмах об условиях жизни и военной повседневности, о солдатском рационе и денежном довольствии. Специфика описаний разнится в зависимости от условий конкретной войны.

В описании непосредственно боевых действий фронтовики немногословны. В письмах 1940-х основной мотив этой части – освобождение родной земли от ненавистного врага. Изобилие идеологических штампов свидетельствует об эффективности пропаганды во время Великой Отечественной войны и совпадении официальных и неофициальных, народных героических символов.

Солдаты 1980-х *«оказывают интернациональную помощь афганскому народу в защите завоеваний апрельской революции»* [40], воюют на чужой земле с представителями непонятной для них мусульманской культуры в условиях, когда нет чёткой границы между моджахедами и гражданским населением. Военные действия рассматриваются как выполнение боевых задач.

Война требует от человека максимального напряжения физических и моральных сил, и в этих условиях наиболее ярко проявляются сложные механизмы человеческой психологии, нивелируются различия между представителями разных поколений. На первый план выступает глубинное, а рациональное тесно переплетается с иррациональным. Как отмечает Е.С. Сеньявская: «однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чём, собственно, и проявляется единство законов психологии» [75, с. 82].

В экстремальных условиях войны, когда меняется отношение к ценности жизни, когда нужно делать выбор между своими и чужими, когда усталость переплетается с тоской по дому и близким, письма с фронта позволяют солдату сохранить человечность.

Источники и литература

1. Иванов, А.Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник: методика анализа / А.Ю. Иванов // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 150. – Кн. 1. – С. 49–54.

2. Котласский краеведческий музей (далее – ККМ). Письмо Вахрамеева И.П. от 03.02.1942. № 19365-12.

3. ККМ. Письмо Выдрякова И. от 07.10.1941. № 1646.

4. ККМ. Почтовая карточка Выдрякова И. от 17.09.1941. № 1647.

5. ККМ. Письмо Грязнова М.В. 1941 г. № 3840-13.

6. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 30.12.1941. № 3840-1.

7. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 10.02.1942. № 3840-3.

8. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 06.03.1942. № 3840-10.

9. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 19.06.1942. № 3840-11.

10. ККМ. Письмо Грязнова М.В. 1943 г. № 3840-9.

11. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 25.01.1944. № 3840-12.

12. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 27.05.1944. № 3840-7.

13. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 10.08.1944. № 3840-5.

14. ККМ. Письмо Дементьева И.П. от 09.10.1943. № 2285.

15. ККМ. Письмо Ердыкова Н.Ф. от 19.08.1943. № 3175.

16. ККМ. Письмо Паламодовой А. от 21.12.1943. № 12992.

17. ККМ. Письмо Петрова Д.Н. 1988 г. № 2071-1.

18. ККМ. Письмо Попова М.С. от 01.01.1944. № 13414-8.

19. ККМ. Письмо Попова М.С. от 14.01.1944. № 13415-8.

20. ККМ. Письмо Стрекаловской М.В. от 23.07.1944. № 3692.

21. ККМ. Письмо Тюшёва Н. от 17.07.1943. № 11500-8.

22. ККМ. Письмо Тюшёва Н. от 28.09.1943. № 11503-8.

23. ККМ. Письмо Ушакова И.И. 1942 г. № 20289.

24. ККМ. Письмо Харионовского А. от 28.06.1944 г. № 1798.

25. ККМ. Письмо Черткова В.Н. от 31.06.1943. № 3182.

26. ККМ. Письмо Шепеля В.С. от 02.05.1942. № 2730.

27. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. 1940-е г. № 9885-7.

28. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 27.08.1943. № 9878-7.

29. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 05.03.1944. № 9880-7.

30. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 10.11.1944. № 9881-7.

31. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. 1945 г. № 9884-7.

32. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 14.06.1945. № 9887-7.

33. ККМ. Ф.28. Оп.1. Д.5. Л.48-49 (Письмо А. Гундорова от 18.08.1941).

34. Личный архив Белозёровой И.П. (д. Григорово Котласского района). Письмо Белозёрова С.Ю. от 07.12.1982.

35. Личный архив Белозёровой И.П. (д. Григорово Котласского района). Письмо Белозёрова С.Ю., октябрь 1982.

36. Личный архив Головкиной З.Н. (г. Котлас). Письмо Головкина А.Ю. от 29.04.1984.

37. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 18.07.1987.

38. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 07.09.1987.

39. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 15.10.1987.

40. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 19.11.1987.

41. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 28.11.1987.

42. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 06.12.1987.

43. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 29.01.1988.

44. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 07.02.1988.

45. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 08.03.1988.

46. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 01.04.1988.

47. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 10.05.1988.

48. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 11.06.1988.

49. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 12.08.1988.

50. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 17.09.1988.

51. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 02.10.1988.

52. Личный архив Тереховой Л.Н. (г. Котлас). Письмо Терехова Л.П. от 01.08.1942.

53. Личный архив Халтуринского А.В. (г. Котлас). Письмо Халтуринского А.В. от 10.06.1984.

54. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 19.06.1986.

55. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 04.07.1986.

56. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 28.10.1986.

57. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 08.11.1986.

58. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 05.12.1986.

59. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 13.12.1986.

60. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.01.1987.

61. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 10.02.1987.

62. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 20.02.1987.

63. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 16.03.1987.

64. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 29.03.1987.

65. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 22.04.1987.

66. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 26.04.1987.

67. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 14.06.1987.

68. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 21.06.1987.

69. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.08.1987.

70. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 25.10.1987.

71. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 02.11.1987.

72. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.11.1987.

73. Минаева, А.П. «Много писать мне мешали бои...»: фронтовые записи 1941–1945 годов / А.П. Минаева, О.Р. Николаев. – Москва: Новое издательство, 2005. – 144 с.

74. Моисеева, И.Ю. Фронтовые письма 1941–1945 гг. в гендерном аспекте / И.Ю. Моисеева // Двинская земля. – Вельск: Вельти, 2004. – Вып. 3. – С. 110–119.
75. Сениявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. / Е.С. Сениявская. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 347 с.

Содержание

Пшеницын Д.А. Рекрутский набор Борболинской волости Никольского уезда 1849 г. (по материалам Великоустюгского центрального архива)	3
Гладких С.А. Уроженцы Яренского уезда – участники русско-японской войны 1904–1905 гг.	20
Судовиков М.С. Летчик Первой мировой войны Иван Огнёв	51
Силин А.В. «Единая и неделимая...»: проблемы взаимоотношений Белой России с Финляндией	64
Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р. Участие жителей города Сыктывкара в вооруженных конфликтах накануне и в начале Второй мировой войны	74
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Колегов Б.Р. Сыктывкарцы на советско-финской войне	88
Сметанин В.А. Курсанты-пилоты первого набора Северного краевого аэроморского клуба Осоавиахима имени Героев Советского Союза А.Н. Фенёв и А.С. Лебедев	101
Колегов Б.Р., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Сыктывкарцы в начале Великой Отечественной войны	112
Антоновская В.В. Фронтовые письма 1940-х и 1980-х гг.: общее и особенное (на материалах Котласского краеведческого музея и личных коллекций)	134

Научное издание

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Выпуск 15

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Оригинал-макет О.Н. Низовцева

Компьютерный набор. Подписано в печать 20.05.2022.
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.